C-32

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.
Шкафъ XXVII
Полка 5
№ 37

Jr II.9.53

2130

B
2p

Библиотека С.-Петербургского Высшего Женского Курса

С-32

20

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ
7291

ЛЕКЦІИ
по
РУССКОЙ ИСТОРІИ
проф. С.М. СЕРЕДОНИНА.

Iкурсъ.

Лен. Гос. ... т
НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА
им. Горького

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

768
1904.

Спетербургъ.
Высшіе женскіе курсы.
1903 - 1904 г.

Обзоръ развитія русской исторической науки.

Пособія:

Кояловичъ - Исторія русскаго самосознанія.

Милюковъ. - Главныя теченія русской исторической мысли.

Иконниковъ.- Опытъ русской исторіографіи.

Бестужевъ-Рюминъ.- Русская исторія. Т.I.

Пыпинъ. - Исторія русской этнографіи, 4 т.

Особенности русской исторіи по сравненію съ исторіями другихъ народовъ обуславливаются характеромъ русскаго племени и обстановкою, среди которой ему пришлось жить. Самое появленіе русскихъ на исторической сценѣ далеко не такъ ясно, какъ появленіе другихъ, родственныхъ имъ народовъ. Германцы въ самомъ началѣ своей исторіи являются съ физіономіей воинственнаго и сильнаго народа, живущаго на опредѣленной территоріи и вступающаго въ борьбу съ другими народами. Покореніе западной римской имперіи германцами кладетъ начало цивилизаціи германо-романскихъ народовъ, слагающейся изъ двухъ основныхъ элементовъ: германскаго и романскаго. Не то у насъ: здѣсь все темно, неясно, безформенно, неизвѣстно не откуда пришли славянскія племена, ни чѣмъ вызвано было ихъ движеніе на

Директоръ Рау

востокъ; по этому самому существуетъ масса всевозможныхъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній. Несомнѣнно одно, что племя находилось въ періодѣ сильнаго броженія; культурныхъ наслѣдій оно не получило, территорія его не-. опредѣлена, какъ не опредѣлены тѣ племена, съ которыми оно столкнулось и смѣшалось. Въ самомъ движеніи своемъ славянское племя заняло въ высшей степени неудобную для образованія государства территорію, неудобную не только по климату, но и по полному отсутствію естественныхъ границъ; еще Соловьевъ вполнѣ справедливо замѣтилъ, что природа, будучи матерью для германцевъ, по отношенію къ славянамъ явилась злой мачехой. Намъ досталось худшее, чего никто другой не хотѣлъ брать. Это огромное, незамкнутое пространство представляло полный просторъ для передвиженія племенъ, и это безпрерывное движеніе, продолжающееся и по сю пору, является характерной чертой первоначальной исторіи славяно-русскаго народа. При такихъ условіяхъ долго не могло быть никакой устойчивости: поземельныя отношенія, способствовавшія образованію феодальнаго государства на западѣ, отсутствовали, такъ какъ у насъ никто не дорожилъ землею, отсутствовало самое понятіе недвижимой собственности.

Другимъ неблагопріятнымъ условіемъ для народной жизни были постоянныя нападенія дикихъ кочевыхъ ордъ, съ которыми славянскому племени пришлось вести долгую и упорную борьбу, далеко не всегда счастливую. Достаточно лишь указать на то, что и въ этомъ отношеніи всѣ преимущества на сторонѣ западныхъ народовъ: Франція окончила свою борь-

бу съ кочевниками на Каталаунскомъ полѣ въ 451 г. по Р.Хр., а Германія съ половины X вѣка, покоривъ угровъ, не видѣла азіатовъ въ предѣлахъ своего государства, между тѣмъ какъ у насъ борьба съ ними въ Европѣ кончилась лишь покореніемъ Крыма при Екатеринѣ II; разница огромная, и не удивительно, что сформированіе нашего государства, тѣмъ болѣе - культура народа, такъ запоздало. Первые зачатки жизни государственной и общественной можно наблюдать по великому водному пути "изъ Варягъ въ Греки", по которому сгруппировались значительнѣйшія славяно-русскія племена. Но какъ неудобны были пути сообщенія, какъ ничтожны были средства, которыми располагали русскія племена для сношенія съ другими странами, сравнительно съ тѣми средствами, которыя народамъ Запада даетъ счастливое очертаніе морского берега.

Начало русскаго государства въ точности неизвѣстно; было ли здѣсь завоеваніе, призваніе или еще что нибудь другое ? Общность языка и происхожденія поддерживала долго единство поселившихся здѣсь племенъ, пока къ этимъ другимъ факторамъ позднѣе не прибавился третій - христіанство. Мало по малу начинаетъ складываться русская народность, слово "русскій" противоставляется и Литвину, и нѣмцу и чуди, но государства все еще нѣтъ, земля дробится и дробится. Образовавшійся было центръ - Кіевъ - теряетъ свое значеніе, сложившаяся было связь племенъ прерывается, территорія все растетъ, но не къ выгодѣ славянъ, которые уходятъ къ сѣверо-востоку отъ великаго воднаго пути, прекращаютъ сношенія съ Византіей и заби-

ваются въ сѣверо-восточный уголъ Европы. Итакъ, первый періодъ русской исторіи характеризуется всеобщимъ движеніемъ, и князь, и дружина, и наконецъ, все населеніе движется, переходитъ изъ города въ городъ, изъ одного мѣста въ другое; такое же непрерывное движеніе наблюдается и въ общественномъ строѣ, строѣ несомнѣнно свободномъ, хотя и не въ нашемъ смыслѣ свободы; такъ наряду съ полноправіемъ въ управленіи, съ возможностью перехода изъ одного состоянія въ другое, существуетъ полное рабство. Но вотъ наступаетъ конецъ этому всеобщему движенію, славяно-русское племя, хотя и теряетъ нѣкоторыя свои части, наконецъ осѣдаетъ въ области верхней и средней Волги и Оки и, стѣсненное естественными преградами, начинаетъ здѣсь новую работу на созданіе государства, на выработку опредѣленной организаціи. Работа эта начинается при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, подъ тяжелымъ игомъ татаръ, связь съ западомъ окончательно теряется. Въ трудной черной работѣ, въ постоянномъ общеніи съ азіатскими народами, внѣ всякой связи съ европейскими народами братьями, - теряется даже обликъ племени западно-европейскаго, христіанскаго, такъ что, когда въ XУ в. сношенія Руси и Западной Европы опять возобновились, Европа не хотѣла видѣть въ русскихъ своихъ собратій, а считаетъ ихъ за дикихъ азіатовъ, взглядъ, который и до настоящаго времени сохранился до нѣкоторой степени. Но заслуга русскихъ и состоитъ въ томъ, что, потерявъ обликъ, они сохранили душу и, создавая свое государство, первой заботой ставили отстоять внѣшнюю независимость. Плодомъ этой

упорной, созидательной работы явилось Московское государство, образованіе котораго совершенно не похоже на образованіе государствъ западно-европейскихъ. Тамъ торжество государства есть торжество личности; благодаря государству личность освобождается отъ оковъ феодализма, государство является защитой индивидуума отъ прежняго притѣснителя. У насъ же напротивъ, государство возникает, потому что личность теряетъ свои права, передавая ихъ государству; постепенно слагается взглядъ, что человѣкъ самъ себѣ не принадлежитъ и что онъ существуетъ только для нуждъ государства, и въ результатѣ происходитъ всеобщее закрѣпощеніе. Закрѣпощеніе это идетъ сверху, начинаясь князьями, которые теряютъ свои права передъ великимъ княземъ, и постепенно распространяется на всѣ слои общества, такъ что къ концу XVII в. нѣтъ ни одного свободнаго человѣка. Такой переходъ отъ свободы къ полной потери правъ совершается съ замѣчательной постепенностью; первоначально потеря свободы, всеобщее закрѣпощеніе, до извѣстной степени сглаживаются единствомъ духовнымъ: всѣ одинаково чувствуютъ и мыслятъ; жизнь идетъ впереди, а законодательство лишь закрѣпляетъ всѣ ея требованія; при такомъ условіи менѣе замѣтна потеря прежнихъ правъ: жизнь, а не чей нибудь произволъ создаетъ нормы права. Цари того времени вовсе не смотрятъ на себя, какъ на неограниченныхъ и единственныхъ законодателей и властителей, страна создаетъ для нихъ уставъ, но именно въ силу этого въ тяжелыя минуты государственныхъ бѣдствій вся земля поднимется на помощь правительству, беретъ на себя всю работу и, совер-

шивъ свое дѣло, уходитъ, никогда не посягая на присвоеніе себѣ власти, оставляя лишь за собою право вліять на дѣла управленія тѣмъ или инымъ способомъ, будь то челобитныя или земскіе соборы.

Теперь, когда государство сложилось и окрѣпло, снова проявляется причастность русскаго народа къ западу, и мы присутствуемъ при постепенномъ развитіи и распространеніи западной культуры. Потерявъ многое, но освободившись отъ всѣхъ враговъ, отстоявъ свою самобытность и самостоятельность, русскій народъ вступаетъ въ новый, послѣдній періодъ своего развитія, когда государство беретъ на себя задачу создать общество и народъ. Оно направляетъ его на новый путь, указываетъ ему средства освобожденія и кладетъ основаніе развитію личнаго начала въ русской исторіи.

Научная разработка русской исторіи началась очень поздно, но потребность исторіи, какъ знанія своего прошлаго, существовала всегда и уже въ XI в. въ Кіевской Руси, Новгородѣ и др. мѣстахъ стали появляться первыя лѣтописи, т.е. погодныя записи о важныхъ и неважныхъ событіяхъ, связанныя между собою почти исключительно механически и поэтому съ нашей точки зрѣнія не имѣющія значенія историческихъ трудовъ. Зачатки же исторіи относятся къ XVI в., времени сложенія и сформированія Московской Руси, когда у русскихъ возникаетъ потребность выяснить себѣ свое происхожденіе и свои политическія задачи и цѣли. Къ 1512 г. относится появленіе перваго хронографа, т.е. обозрѣнія всемірной исторіи, большая часть котораго представляетъ переводъ съ греческаго языка. Раньше возникали и лѣтопи-

сные своды, составленные по древнимъ лѣтописямъ, затѣмъ появилось множество историческихъ записокъ отдѣльныхъ лицъ, современниковъ описываемыхъ событій |кн. Курбскій, кн.Катыревъ Ростовскій, діакъ Тимофеевъ, Котошихинъ |.

Однако всѣ эти труды неудовлетворяютъ нашимъ понятіямъ объ исторіи; это скорѣе сказанія современниковъ, мемуары. Первыя попытки дать историческое сочиненіе въ Москвѣ возникли среди дьяковъ и приказныхъ, одинъ изъ которыхъ дьякъ посольскаго приказа Ѳедоръ Грибоѣдовъ, небезъизвѣстный въ исторіи"Соборнаго Уложенія" Алексѣя Михайловича, написалъ учебникъ русской исторіи, носящій названіе "Исторія, сирѣчь повѣсть, или сказаніе вкратцѣ о благочестно-державствующихъ и свято-пожившихъ царѣхъ." Впрочемъ, успѣха этотъ учебникъ, очевидно, предназначенный для обученія царскихъ дѣтей, не имѣлъ и остался подъ спудомъ, не будучи даже изданнымъ.

На этомъ самостоятельныя попытки русской исторіи пока и кончились; въ дальнѣйшихъ трудахъ видно уже сильное вліяніе западно-русскихъ и польскихъ хронистовъ. Примѣромъ можетъ служить извѣстный Синопсисъ, приписываемый Иннокентію Гизелю и выдержавшій до 25 изданій |съ 1674 г.|. Въ основу этого труда, служившаго въ XVIII с. руководствомъ не только для школъ и университетовъ, но къ которому обращались, какъ мы теперь къ сочиненіямъ Соловьева и Костомарова, легла хроника Сафоновича, который въ свою очередь пользовался трудами польскихъ компиляторовъ Длугоша, Бѣльскаго, Кромера и въ особенности Стрыйковскаго. Отсюда Синопсисъ отличается тѣми же недостатками, какъ произведенія, изъ которыхъ онъ черпалъ свое содержаніе. Это

произведеніе очень неполное, съ значительными пропусками, съ пріемами средневѣковой исторіи, стремящейся связать свои народы съ народами классическими и библейскими. Результатомъ такого стремленія являются очень грубыя ошибки, основанныя на самомъ нелѣпомъ и произвольномъ словопроизводствѣ и на грубомъ искаженіи фактовъ. Въ Синопсисѣ авторъ стремится произвести русскій народъ отъ Росса и Мосоха, внука Ноя, а самое названіе славянъ, по его свидѣтельству произошло отъ слова "слава", потому что русскіе своими славными дѣлами наполнили всю вселенную, точно также въ борьбѣ славянъ съ Александромъ Македонскимъ побѣжденнымъ является, конечно, послѣдній. Кромѣ того, такъ какъ для автора Синопсиса русскія лѣтописи являются источникомъ одинакового достоинства съ другими произведеніями и при томъ сильно искаженными польскими писателями, то результаты этого искаженія перенесены и въ Синопсисъ безъ всякой критики и провѣрки. Авторъ предпочитаетъ всѣ басни и новинки польскихъ хроникъ сжатому разсказу древнихъ лѣтописей, даже имѣя подъ рукой такой прекрасный источникъ, какъ Лаврентьевскій списокъ.

Такимъ образомъ первой характерной чертой и въ то же время главнымъ недостаткомъ Синопсиса является полное отсутствіе критики и смѣшеніе источниковъ, характеризующее, впрочемъ, всю историческую науку до Шлецера.
Другимъ недостаткомъ Синопсиса является стремленіе разукрасить всю исторію, рисуя одни свѣтлыя стороны и умалчивая совершенно о фактахъ, почему либо кажущихся автору унизительными для самолюбія русскаго народа, поэтому и

эпоха монгольскаго ига обойдена совершеннымъ молчаніемъ, о немъ упоминается лишь, какъ о совершившемся фактѣ. Да и вообще содержаніемъ Синопсиса, какъ заимствованнымъ из хроники Сафоновича, изображающимъ не исторію Руси вообще, а исторію Кіева, является тоже исторія не сѣверо-восточной Руси, ограниченная однимъ сухимъ перечнемъ князей и митрополитовъ, а исторія Руси южной; подробнѣе авторъ останавливается лишь на двухъ событіяхъ крещенія Руси и Куликовской битвѣ, т.е. опять таки на болѣо свѣтлыхъ сторонахъ русской исторіи.

Со времени Петра I, любившаго и интересовавшагося русской исторіей, занятія ею оживились. По его порученію дьяки занялись составленіемъ исторіи, а Синоду приказано было собрать рукописи изъ монастырей. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе отсутствія необходимой подготовки дѣло составителей не увѣнчалось успѣхомъ. Но нужно замѣтить, что независимо отъ оффиціальныхъ работъ, надъ составленіемъ исторіи работали и частныя лица, труды которыхъ болѣе удовлетворили бы требованіямъ Петра. Таково сочиненіе малоросса Манкіева, секретаря князя Хилкова "Ядро россійской исторіи". "Ядро" мѣстами восполняетъ пробѣлы Синопсиса: составитель его пользуется и польскими и русскими источниками, а главное - отводитъ много мѣста исторіи сѣверо-восточной Руси и Москвы. "Ядро", раздѣленное на 7 книгъ, доведено авторомъ до 1712 г. Можно пожалѣть, что книга эта, написанная при Петрѣ Великомъ, издана была лишь въ 1770 г. Миллеромъ. Трудъ этотъ въ разныхъ частяхъ своихъ неодинакового достоинства, такъ , въ первой, древнѣйшей,

также переполненъ различными нелѣпыми баснями и отличается сбивчивостью географическихъ свѣдѣній; но по мѣрѣ приближенія къ Московскому періоду становится все содержательнѣе и научнѣе; преимущество его надъ предшественниками заключается еще и въ томъ, что онъ не рѣшаетъ безапелляціонно сомнительныхъ вопросовъ и довольно подробно излагаетъ исторію сѣверо-восточной Руси.

Несравненно выше всѣхъ предыдущихъ историковъ стоитъ одинъ изъ птенцовъ гнѣзда Петрова, типичнѣйшій представитель его эпохи, Василій Никитичъ Татищевъ |ум. 1750 г.|. Дѣятельность Татищева также универсальна, какъ дѣятельность Петра и людей того времени, незнавшихъ нашей спеціализаціи занятій. Татищевъ впродолженіе своей жизни былъ и офицеромъ, и горнымъ инженеромъ, и губернаторомъ, и политическимъ дѣятелемъ, и географомъ, и историкомъ; онъ изъѣздилъ всю Россію и бывалъ заграницей. Если такая разносторонность не дозволяла ему сосредоточиться на одномъ предметѣ, то за то всѣ его труды отличались близкимъ отношеніемъ къ жизни.[x] Всю свою жизнь онъ оставался сознательнымъ утилитаристомъ, основною идеею міровоззрѣнія котораго была идея естественнаго права, естественной морали и естественной религіи; можетъ быть это и зависитъ отъ общаго характера той эпохи, которая не знала узкихъ спеціальностей, а проповѣдывала принципы универсализма.

---

x| См. Н. Поповъ - Татищевъ и его время.
Бестужевъ-Рюминъ - Характеристики и біографіи.
Милюковъ - Очерки по исторіи русской культуры, ч.III,

При своихъ разнообразныхъ обязанностяхъ онъ старался пріобрѣсти самыя разнообразныя знанія, а изъ поѣздки заграницу съ научной цѣлью привезъ много книгъ по математикѣ, географіи и исторіи и военнымъ наукамъ. Несмотря на всю очевидную пользу его дѣятельности, на его таланты и знаніе, онъ во вторую половину жизни неоднократно былъ подъ судомъ и обвинялся во взяточничествѣ. Этотъ старый грѣхъ Россіи тяготѣлъ и надъ нимъ, хотя лично онъ не сознавалъ себя виновнымъ и въ отвѣтѣ Петру выразился, что "дѣлающему мзда не по благодати, а по дѣлу," такъ что обвинять его за взятки можно только въ случаѣ неправильнаго рѣшенія дѣла и что вознагражденіе не является противозаконнымъ: 1| если работать послѣ полудня, чего судья не обязанъ дѣлать, 2| если не тянуть дѣла справками и придирками и 3| если рѣшить дѣло не въ очередь. Можетъ быть одной изъ причинъ этого обвиненія было то, что Татищевъ часто затрагивалъ интересы людей вліятельныхъ, чѣмъ и возбуждал ихъ неудовольствіе и жалобы.

Русская исторія не была его спеціальностью, хотя онъ всегда интересовался ею и собиралъ разные историческіе факты, на которые его наталкивали его занятія. Внѣшней же побудительной причиной къ составленію исторіи послужило порученіе Петра Великаго Брюссу составить русскую географію. Работу эту Брюссъ передалъ Татищеву, который очень широко и интересно понялъ свою задачу, видя въ географіи общую этнографическую энциклопедію Россіи; соотвѣт-

---

вып.2 | яркая характеристика взглядовъ Татищева, стр. 200-222 |.

ственно этому онъ разослалъ всѣмъ губернаторамъ вопросные листки, касающіеся рѣшительно всѣхъ сторонъ жизни и затѣмъ приступилъ къ своей работѣ. Но на первыхъ же шагахъ онъ убѣдился, что невозможно составлять географію, не зная исторіи и поэтому, доведя ее до буквы К, онъ всецѣло предался изученію исторіи. Несмотря на то, что онъ совершенно не былъ подготовленъ къ этимъ занятіямъ, онъ повелъ дѣло правильно и пытался дать дѣйствительную исторію, а не лѣтописный сводъ. Въ первой части своего труда онъ и достигъ этого, далѣе же убѣждается въ невозможности спрвиться съ массой совершенно неразобраннаго и критически непровѣреннаго матеріала, а поэтому рѣшается собрать всѣ лѣтописи въ одинъ сводъ. Свою исторію онъ прерываетъ разсужденіями, указываетъ на необходимость философскихъ обобщеній, опредѣляетъ качества историка такими чертами, которыя бы сдѣлали честь и современникамъ. На исторію же онъ смотритъ исключительно съ узко утилитарной точки зрѣнія, какъ на сводъ разныхъ знаній, пригодныхъ для людей самыхъ разнообразныхъ профессій. Въ своемъ введеніи онъ дѣлитъ ее на 4 періода: I| 5473 Вавилонскаго столпотворенія до основанія русскаго государства, 2| до татарскаго ига, 3| до Іоанна III и 4| до избранія Михаила Ѳеодоровича на царство. Онъ думалъ взяться и за новую исторію, но не рѣшился, такъ какъ правдивая и безпристрастная исторія XVIII в. невозможна: она бы вызвала слишкомъ много нареканій и преслѣдованіе сильныхъ міра сего.

Въ заслугу Татищеву можно поставить его жизненное отно-

шеніе къ вопросамъ науки и связанную съ этимъ широту кругозора. Всюду въ объясненіе прошлаго онъ вноситъ свой жизненный опытъ. Проведя всю жизнь въ разъѣздахъ, онъ изъ личнаго знакомства съ инородцами уясняетъ себѣ древнюю этнографію, а въ ихъ живомъ языкѣ ищетъ объясненіе именъ и географическихъ названій, правда, впадая при этомъ не разъ въ старый грѣхъ Синопсиса - словопроизводство; исходя изъ обычаевъ судейской практики и воспоминаній о нравахъ XVII в., онъ уясняетъ себѣ смыслъ московскихъ законовъ. Но наряду съ заслугой, что онъ первый разобралъ и привелъ въ порядокъ русскія лѣтописи, ему можно поставить въ упрекъ отсутствіе исторической критики, вслѣдствіе чего онъ не умѣлъ отличать отъ истины лжи, всякаго рода выдумокъ отъ исторически вѣрныхъ фактовъ и вдобавокъ еще часто самъ дѣлалъ отъ себя прибавленія къ лѣтописному своду. Обвиненіе это очень важно, потому что нѣкоторые списки лѣтописей, которыми пользовался Татищевъ, сгорѣли и до насъ не дошли. Эти его добавленія, а также разныя извѣстія, которыя не могли быть провѣрены, и повели къ тому, что Татищева обвинили въ умышленномъ обманѣ; особенно рѣзко проявляется это по вопросу такъ называемой Іоакимовской лѣтописи.[x] Татищевъ не усумнился въ достовѣрности ея и всѣхъ сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній и говорилъ, что она ему доставлена монахомъ Бизюкова монастыря; но это извѣстіе

---

x| Лавровскій - Объ Іоакимовской лѣтописи.

Сениговъ - О Новгородскихъ лѣтописяхъ и о россійской исторіи В.Н.Татищева, на стр. 150-118 обзоръ мнѣній объ этой лѣтописи, какъ старыхъ, такъ и новыхъ |Знаменскаго, Карамзина, Голубинскаго и Лапшченко.)

не подтвердилось, какъ и многое изъ того, что приведено въ этой лѣтописи. На этомъ основаніи вообще заподозрили ея подлинность и обвинили Татищева въ томъ, что онъ самъ ее сочинилъ. Это обвиненіе тяготѣло на немъ вплоть до 40-х годовъ, когда выступилъ на защиту его Соловьевъ и показалъ, что Татищевъ только не съумѣлъ отнестись къ ней критически и включилъ ее цѣликомъ со всѣми ея баснями, подобно тому, какъ онъ и раньше прибѣгалъ къ чужимъ трудамъ. Въ общемъ господствующій теперь взглядъ на Іоакимовскую лѣтопись таковъ: лѣтопись эта въ первой части сообщаетъ совершенно баснословныя сказанія о временахъ до-историческихъ, но подобныя сказанія въ изобиліи встрѣчаются и въ другихъ сборникахъ; слѣдовательно, вѣроятнѣе, что Татищеву попался въ руки одинъ изъ такихъ сборниковъ, который онъ имѣлъ малодушіе назвать Іоакимовскою лѣтописью; въ то же время критика установила, что многія извѣстія Татищева, относящіяся къ времени позднѣйшему 860 г., подтвердились данными другихъ источниковъ. Въ послѣднее время проф. Голубинскій, авторъ "Исторіи церкви" опять возвращается къ старому недоброжелательному взгляду на Татищева.

Въ 1739 г. Татищевъ закончилъ свой трудъ и хотѣлъ его напечатать, но сочувствія не встрѣтилъ и даже былъ обвиненъ въ атеизмѣ, оттого и исторія его увидѣла свѣтъ лишь при Екатеринѣ II. Между тѣмъ Татищевъ вовсе не былъ атеистомъ, а напротивъ христіаниномъ и глубоко вѣрующимъ, но только христіаниномъ Петровскаго времени, оставившимъ за собой право возставать на защиту того, что считалъ

истиной, не любившій духовенства и не вѣрившій чудесамъ. Онъ утверждалъ, что духовенство въ лѣтописяхъ дѣлаетъ свои вставки, чтобы представить церковь въ болѣе блестящемъ положеніи, чѣмъ она есть, что всѣ разсказы о посѣщеніи Андреемъ Первозваннымъ Кіева, о Десятинной церкви вымышлены, и вообще въ этомъ отношеніи онъ является человѣкомъ XУIII в., предтечей будущихъ энциклопедистовъ.

Кромѣ своего критическаго отношенія къ церкви, онъ играетъ видную роль въ политическихъ дѣлахъ своего времени и, какъ извѣстно, принадлежитъ къ партіи противодѣйствующей верховникамъ въ ихъ стремленіи ограничить власть Анны Іоанновны; эта приверженность къ монархизму проходитъ через всю его дѣятельность и ясно выражена въ его разсужденіяхъ о необходимости абсолютной власти для Россіи. Будучи знакомымъ съ Волынскимъ, Хрущовымъ и ихъ кружкомъ, въ его сочиненія включены многія свѣдѣнія, которыя извѣстны только ему одному и поэтому представляютъ чрезвычайную цѣнность.

Слѣдующими трудами, крупными для своего времени, являются "Древняя Россійская Исторія" Ломоносова, доведенная до смерти Ярослава Мудраго и "Краткій Россійскій Лѣтописецъ". Слава Ломоносова зиждется не на его историческихъ трудахъ, на занятія которыми онъ не смотрѣлъ серьезно и которыя писаны имъ по заказу, какъ нѣкоторыя хвалебныя оды, также, какъ онъ устраивалъ и фейерверкъ при дворѣ.

Лен. Гос. ... НАУЧНАЯ БИБЛ... им. Горького

Знаменитый стилистъ, онъ и въ "Древней Россійской Исторіи" главное вниманіе обращаетъ на искусство и языкъ, являясь родоначальникомъ такъ называемаго искусственнаго "риторическаго" направленія въ нашей наукѣ; направленіе это, къ счастью, продержалось недолго. Ломоносовъ же первый ввелъ пріемъ украшать лѣтопись, считалъ исторію средствомъ пробуждать патріотизмъ и воспитывать народъ и не находилъ для этой цѣли предосудительнымъ представлять вещи въ иномъ видѣ и давать широкій просторъ собственному воображенію. Какъ горячій патріотъ, онъ много страдалъ отъ постоянныхъ столкновеній съ нѣмцами, занявшими всѣ высшія мѣста въ Академіи; изъ ненависти къ нимъ онъ умалчивалъ о слабыхъ сторонахъ прошлой русской жизни; напротивъ, онъ указывалъ на большое сходство русской исторіи съ римской. По такимъ же побужденіямъ онъ не хотѣлъ допустить, что первые русскіе князья были норманны-шведы, а считалъ ихъ выходцами изъ Пруссіи. Да и могъ ли онъ, пѣвецъ Елизаветы, согласиться съ тѣмъ, что Россія,обязанная своимъ величіемъ недавнимъ блестящимъ побѣдамъ надъ шведами, отъ нихъ же заимствовала начало своего бытія.

Этотъ взглядъ, по существу, не новый: еще Іоаннъ Грозный, желая подчеркнуть древность своего рода передъ иностранными государями, производилъ себя отъ Августа. Ломоносовъ подхватилъ это мнѣніе, подкрѣпилъ его очень произвольнымъ словопроизводствомъ: было племя Русь, послѣ ухода котораго, занятая имъ прежде территорія стала называться По-руссія, т.е. Пруссія. Другія толкованія русскихъ

древностей Ломоносовымъ интереснѣе, какъ человѣка выдающагося ума, хотя и не спеціалиста по исторіи и филологіи, его критика - критика здраваго смысла. Языкъ его исторіи не сухой, прозаическій, а приподнятый, какъ въ одахъ.

Исторія его дѣлится на двѣ части: I| о древностяхъ русскихъ и 2| собственно исторія русская. Изъ нихъ первая сравнительно хороша и содержитъ много мыслей, которыя долго держались въ наукѣ, какъ наприм., о происхожденіи чуди отъ скифовъ; но въ общемъ его трудъ не занимаетъ почетнаго мѣста въ нашей исторіографіи, что не представляется удивительнымъ, если помнить, что Ломоносовъ по призванію не былъ историкомъ.

Риторическое направленіе нашло себѣ послѣдователей въ лицѣ Эмина и Елагина, дошедшихъ въ своемъ увлеченіи до чудовищныхъ размѣровъ; они безъ стѣсненія прибѣгаютъ ко всякаго рода рискованнымъ сближеніямъ, вставляютъ поучительныя рѣчи и всячески поддѣлываются подъ вкусъ читателей. Эминъ, наприм., смотритъ на исторію, какъ на искусство, которая должна не только удовлетворять любопытству читателей, но "важностью разсужденій просвѣщать тѣхъ, кто довольнаго просвѣщенія не имѣетъ", а Елагинъ разсказъ лѣтописи о копьѣ, брошенномъ семилѣтнимъ Святославомъ, обращаетъ въ описаніе Святослава, носящагося подобно льву и побивающаго враговъ размахомъ своихъ мышцъ.

Въ исторіи, однако, это направленіе будущности не имѣло: судъ надъ Эминымъ произнесенъ Шлецеромъ, а надъ

Елагинымъ - митрополитомъ Платономъ.

Гораздо серьезнѣе оказалось другое направленіе, развившееся подъ вліяніемъ научныхъ идей Запада, проводниками этихъ идей впервые въ Россіи явились нѣмцы-академики. Между ними первое мѣсто во вновь открытой аккдеміи принадлежитъ Готлибу Байеру и Фридриху Миллеру.

Байеръ, первый представитель научнаго направленія въ нашей исторіи, былъ воспитанникомъ Кенигсбергскаго университета. Прекрасно образованный, знатокъ древнихъ языковъ, на которыхъ онъ не только свободно говорилъ, но даже думалъ, особенно увлекался изученіемъ древностей, что и соблазнило его ѣхать въ Россію, на которую онъ смотрѣлъ, какъ на страну, сулившую ему много новаго, неизвѣстнаго.

И по образованію своему и по знаніямъ Байеръ стоялъ выше нашихъ историковъ; къ сожалѣнію,онъ жилъ недолго, но и за короткій срокъ успѣлъ положить начало научному методу въ нашей исторіи, ввести въ нее пріемы научной критики. Во всѣхъ своихъ работахъ онъ соблюдалъ необычайную точность пріемовъ, онъ не позволялъ себѣ ни одной ссылки, не провѣривъ ее по первоисточникамъ; отсюда всѣ его выводы отличаются необычайной точностью. Байеръ первый разграничиваетъ пособія и источники и не ставитъ ихъ на одну доску. Но наряду съ достоинствомъ его работъ, нужно указать и ихъ недостатки. Во-первыхъ, это его увѣренность въ безошибочности собственнаго словопроизводства, благодаря чему онъ надѣлалъ не мало ошибокъ, а во-вторыхъ, незнаніе русскаго языка, ставившее его въ полную зависимость отъ переводчика, невѣжествен-

ность котораго приводила къ многимъ забавнымъ ошибкамъ, возбуждавшимъ смѣхъ современниковъ, такъ, наприм., вмѣсто "хозары" у него встрѣчаются "казаки", вмѣсто "новгородцы" - "ковгородцы" и пр. Незнаніе русскаго языка тѣмъ болѣе можно поставить въ упрекъ Байеру, что оно обуславливалось не трудностью его изученія, а пренебреженіемъ къ нему: Байеръ просто находилъ его недостаточно древнимъ, чтобъ считать его достойнымъ изученія. Ему ставили также въ вину то предпочтеніе, которое онъ оказывалъ древнѣйшему періоду; но это обвиненіе совершенно неосновательно, такъ какъ только благодаря его трудамъ, да еще Шлецеру, Карамзинъ могъ прямо приступить къ описанію позднѣйшихъ періодовъ русской исторіи, не касаясь древнѣйшаго времени.

Изъ сочиненій Байера особенно важны два " Древняя Россійская Географія" и "Разсужденіе о варягахъ"; въ послѣднемъ онъ приводитъ всѣ основанія, доказывающія, что первые русскіе князья были норманы. Онъ основатель такъ наз. "норманской теоріи". Иного рѣшенія вопроса и быть не можетъ, но несмотря на стройную группировку всѣхъ необходимыхъ доказательствъ этотъ вопросъ вызвалъ самую ожесточенную борьбу, продолжающуюся отчасти и до сихъ поръ. Байеръ первый обратилъ вниманіе, что имена русскихъ князей - Рюрикъ, Олегъ - имена скандинавскія. Кромѣ того онъ указалъ то мѣсто изъ сочиненій Константина Багрянороднаго, гдѣ послѣдній дѣлитъ названія Днѣпровскихъ пороговъ на славянскія и русскія, причемъ послѣднія суть

имена скандинавскія и др. Несомнѣнно своими трудами Байеръ оказалъ значительную услугу русской исторіи и теперь ему отдаютъ полную справедливость, но въ то время его не цѣнили, можетъ быть и потому, что всѣ его работы появлялись на латинскомъ языкѣ.

Продолжателемъ его является Миллеръ. Менѣе даровитый, онъ за то отличается своимъ трудолюбіемъ и прекраснымъ знаніемъ русскаго языка, который онъ изучилъ еще будучи студентомъ. Слушая лекціи Коля и Байера, Миллеръ усвоилъ себѣ ихъ научность и пристрастился къ русской исторіи, занятіямъ которой остался вѣренъ и впослѣдствіи.

Для ознакомленія Западной Европы съ исторіей Россіи издавалъ свой трудъ: "Sammlung russischer Geschichte," въ которомъ вполнѣ опредѣлился его вкусъ и направленіе - историка частныхъ вопросовъ. Главная его заслуга предъ русской исторіей - его десятилѣтнее путешествіе по Сибири съ цѣлью собиранія матеріаловъ, разбросанныхъ по сибирскимъ архивамъ. Такихъ экспедицій для знакомства съ разными частями Россіи было тогда много[x] и къ одной изъ нихъ примкнулъ и Миллеръ. Собственно задачею своей онъ поставилъ изслѣдованіе всего того, что относится къ исторіи Сибири до покоренія ея Ермакомъ; но въ этомъ ему пришлось разочароваться: ничего относящагося къ доисторическому времени онъ не нашелъ. Въ архивахъ Сибири Миллеръ сначала производилъ опись найденнымъ документамъ, отбирая то, что казалось ему интереснымъ. Какъ много

---

x| Пыпинъ - Исторія русской этнографіи, т.I.

матеріала было собрано Миллеромъ видно изъ того, что, когда въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія снаряжали въ разныя мѣста Россіи археографическую экспедицію для собиранія рукописей, то въ Сибирь рѣшено было не посылать въ виду того, что все болѣе цѣнное и важное тамъ уже собрано Миллеромъ.

Привезенные Миллеромъ документы хранятся въ Московскомъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ и представляютъ большую цѣнность. Въ Сибири сохранилось много такого, что погибло въ центрахъ, особенно въ эпоху Смутнаго времени, когда при быстрой смѣнѣ царей и правительствъ уничтожали важные историческіе памятники. До Сибири дѣло разрушенія не дошло, а если въ тамошнихъ архивахъ акты и гнили, то во всякомъ случаѣ уничтожались временемъ далеко не въ такихъ размѣрахъ, какъ дѣйствіемъ человѣческихъ рукъ въ Европейской Россіи. Своими трудами на пользу собиранія историческихъ матеріаловъ Миллеръ оказалъ важную услугу русской исторіи и до сихъ поръ такъ наз. "Миллеровскіе портфели" представляютъ для изслѣдователей цѣлое сокровище.

Онъ же положилъ начало новой разработкѣ русской исторіи, основанной на актахъ, а не на литературныхъ разсказахъ, и перенесъ вниманіе историковъ съ древнѣйшихъ временъ нашей исторіи, отличающихся запутанностью и сбивчивостью, на событія XУ, XУI и XУII в.в. болѣе доступные изслѣдованію. Я не буду останавливаться на описаніи тѣхъ невзгодъ, трудностей и опа-

сностей, которыя Миллеръ встрѣтилъ во время своего путешествія. Спутники его умирали, самъ онъ попалъ въ плѣнъ, терпѣлъ холодъ и голодъ, но все переносилъ изъ горячихъ интереса и любви къ наукѣ.

Нѣмецъ по происхожденію, но вполнѣ обрусѣвшій, зять вліятельнаго Шумахера, Миллеръ сразу былъ втянутъ въ ту борьбу партій, которая такъ характеризуетъ положеніе русской науки того времени и въ обществѣ и въ государствѣ. Для торжественнаго акта Академіи Наукъ 1749 г. Миллеръ приготовилъ вступительную рѣчь на самую животрепещущую тему: "Вопросъ о происхожденіи руссовъ", гдѣ онъ всталъ на точку зрѣнія Байера, что первые русскіе князья были норманы. Когда Ломоносовъ узналъ объ этомъ, онъ поднялъ цѣлую бурю, которая станетъ понятной, если принять во вниманіе, что воспоминаніе о недавней войнѣ со шведами было очень еще живо въ русскомъ обществѣ. Миллеру угрожали отставкой и запретили произносить рѣчь. Такъ въ XVIII в. нельзя было разсуждать о событіяхъ IXв. не навлекая на себя гоненія и всякаго рода непріятностей. Скоро Миллеръ задумалъ написать "Новую русскую исторію" и закончилъ уже эпоху Іоанна Грознаго и Смутное время, какъ опять на него посыпались нападки. Ломоносовъ упрекалъ его за изображеніе темныхъ сторонъ русской исторіи и говорилъ, что онъ дѣлаетъ это умышленно, чтобъ оскорбить русское самолюбіе. Миллеръ долженъ былъ оставить и это.

Такое положеніе дѣлъ вполнѣ объясняетъ, почему у насъ скоро появились крупныя силы въ физикѣ, математикѣ

и естественныхъ наукахъ, между тѣмъ какъ въ исторіи долго не появлялся никто выдающійся. Математику, занятому своими вычисленіями, нѣтъ никакого дѣла до формы правленія и политическихъ событій своего государства, между тѣмъ какъ историки самымъ характеромъ своихъ занятій стоятъ въ зависимости отъ условій общественнаго строя.

Нельзя было заниматься ни древнимъ, ни среднимъ періодомъ: и въ томъ и въ другомъ случаѣ историку грозили непріятности и онъ являлся какъ бы оскорбителемъ національнаго самолюбія.

Ко всему этому для Миллера присоединилась еще одна крупная непріятность: онъ долженъ былъ читать лекціи въ академическомъ университетѣ. Между тѣмъ за долгіе годы странствованій, за архивной работой Миллеръ отвыкъ отъ широкихъ обобщеній и самъ сознавалъ, что не можетъ удовлетворительно справиться съ поставленной ему задачей. Онъ роптalъ и жаловался. Наконецъ, Екатерина II рѣшилась развести двухъ соперниковъ: Ломоносовъ остался въ Петербургѣ, въ Академіи, а Миллеръ былъ переведенъ въ Москву и назначенъ директоромъ архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ | теперь Главный архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ |. Еще будучи въ Сибири Миллеръ выработалъ себѣ опредѣленный планъ разработки архивныхъ документовъ и теперь, сидя въ центрѣ богатѣйшаго собранія источниковъ русской исторіи, онъ попалъ вполнѣ въ свою сферу и весь отдался любимымъ занятіямъ. Онъ охотно дѣлился своими открытіями со всѣми, кто обращался къ нему за справками и много цѣнныхъ матеріаловъ далъ онъ Новикову,

Щербатову и др. онъ же положилъ начало настоящей школѣ ученыхъ архиваріусовъ, которые и послѣ смерти своего учителя продолжали работать въ этомъ архивѣ и вполнѣ развернулись въ такъ наз. Румянцевскую эпоху; достаточно будетъ назвать Бантышъ-Коменскаго, Малиновскаго, Калайдовича, Строева.

Слѣдующую ступень уже представляютъ труды двухъ русскихъ историковъ, дѣятелей эпохи императрицы Екатерины II - князя Щербатова и П.Н. Болтина, въ сочиненіяхъ которыхъ вполнѣ отразилось вліяніе философской и просвѣтительной литературы эпохи Людовика XУ. Между взглядами этихъ двухъ историковъ лежитъ глубокое различіе, обусловленное двумя различными міровоззрѣніями, заимствованными у французовъ. Съ одной стороны XУIII в. былъ вѣкомъ раціонализма, вѣкомъ фанатической вѣры въ могущество разума, съ другой же стороны этотъ вѣкъ стремился свести самыя разнообразныя области знанія къ одному принципу механическаго міровоззрѣнія, къ принципу закономѣрности.

Щербатовъ въ своей "Исторіи Россіи" является представителемъ раціоналистическаго направленія, по которому историческій ходъ событій объясняется, какъ результатъ сознательной дѣятельности отдѣльной личности, какъ воздѣйствіе личной воли на массовую . Конечно, такой взглядъ дѣлаетъ ему честь и отличаетъ его отъ предшественниковъ, но въ то же время онъ уже слишкомъ педантично старается его проводить и, подыскивая основаніе даже къ самому ничтожному, незначительному событію, дѣлаетъ свою исторію скучной и подъ часъ смѣшной. Напр. разсказъ о сватовствѣ византійскаго императора къ Ольгѣ, который еще Татищевъ остроумно

отвергалъ, какъ незаслуживающее никакого довѣрія, Щербатовъ старается объяснить желаніемъ императора присоединить русскія владѣнія; не менѣе странно объясняетъ онъ причину татарскаго ига, говоря, что татары побѣдили русскихъ такъ легко, благодаря чрезмѣрной набожности князей, которые, принявъ христіанство, перестали думать о земномъ и поэтому недостаточно энергично защищали свои владѣнія. Вообще же Щербатовъ не ограничивается простой передачей фактовъ и прибавляетъ многое отъ себя, лишь бы удовлетворить своему узкому пониманію прагматизма; если, напр., въ лѣтописи говорится, что "князь женился", онъ считаетъ нужнымъ прибавить: "было тихо и спокойно и князь женился". И такъ во всемъ. Все это дѣлаетъ его исторію сбивчивой и неясной, написанной притомъ тяжелымъ слогомъ, и поэтому не имѣвшую никакого успѣха у современниковъ. На его несчастіе еще выступилъ Карамзинъ со своимъ блистательнымъ трудомъ, который сразу привлекъ вниманіе общества и навсегда заслонилъ, хотя и добросовѣстную, но скучнѣйшую и безталантливую исторію Щербатова, которую прочесть полностью ни у кого не хватало терпѣнія.

Правда, послѣдніе томы лучше, но разъ уже репутація была создана, ее трудно было измѣнить и отношеніе современниковъ оставалось прежнимъ. Но узнавъ недостатки "Исторіи Россіи", слѣдуетъ, по справедливости, остановиться и на нѣкоторыхъ достоинствахъ этого труда. Во-первыхъ, Щербатовъ хорошо объяснилъ тотъ порядокъ, который сложился на Руси послѣ смерти Ярослава, т.е. такъ наз. удѣльное время; онъ почти додумался до родовой теоріи. Во-вторыхъ, далъ

оцѣнку характера Грознаго, который, по мнѣнію Щербатова, не могъ сразу послѣ смерти Анастасіи Романовны изъ ангела обратиться въ тирана, а уже много раньше Грозный носилъ въ себѣ всѣ дурныя черты, которыя вдругъ прорвались съ страшной силой; вѣренъ также взглядъ на Самозванца, котораго Щербатовъ считаетъ орудіемъ въ чьихъ нибудь рукахъ, не допуская, чтобы простой монахъ могъ ввести всѣхъ въ обманъ; эту мысль не стыдно высказать и въ наше время. И вообще по мѣрѣ того, какъ Щербатовъ переходитъ къ описанію болѣе близкихъ временъ и театръ дѣятельности ограничивается Ростово-Суздальской землей, его работа становится все лучше и лучше, а оцѣнка событій правильнѣе.

Современника Щербатова Ивана Никитича Болтина нельзя назвать историкомъ въ истинномъ смыслѣ этого слова; скорѣе это былъ диллетантъ,не получившій спеціальнаго образованія, но въ то же время человѣкъ очень талантливый, обладавшій живой и убѣдительной рѣчью и прекрасно знавшій Россію.

Изъ его сочиненій особенно важны два: "Примѣчанія на Леклерка" и "Примѣчанія на Щербатова". Первое вызвано было появленіемъ книги Леклерка, который, давая обозрѣніе Россіи и ея исторіи, по обыкновенію иностранцевъ высмѣиваетъ русскихъ, изображая ихъ полными варварами, и пренебрежительно отзывается объ ихъ исторіи. Книга эта, полная грубыхъ ошибокъ и разнаго вздора, конечно, не могла быть оставлена безъ отвѣта. Возразить на нее и взялся Болтинъ, а такъ какъ Щербатовъ, при своемъ неразборчивомъ пользованіи источниками, многое заимствовалъ у Леклерка, то въ своихъ замѣчаніяхъ Болтинъ задѣлъ и его. Щербатовъ от-

вѣтилъ и между двумя представителями исторической науки завязалась горячая полемика. Всѣ симпатіи въ этой полемикѣ на сторонѣ Болтина; какъ нападающій, онъ занималъ болѣе выгодную позицію и, владѣя легкимъ, живымъ языкомъ, въ цѣломъ рядѣ замѣчаній показалъ несостоятельность работы Щербатова.

Щербатовъ, какъ уже сказано выше, все въ исторіи объясняетъ дѣятельностью отдѣльной личности, Болтинъ же подъ вліяніемъ другого направленія главное значеніе придаетъ физическимъ условіямъ страны и особенно климату и стоитъ на точкѣ зрѣнія такъ наз. закономѣрности.

Въ русской исторіи эта точка зрѣнія, предвѣстникомъ которой является Болтинъ, возникаетъ впервые; ей посчастливилось и она находитъ широкое распространеніе въ XIX в. Критикуя Щербатова, Болтинъ совершенно справедливо указываетъ на невозможность довѣрять такимъ извѣстіямъ, какъ посѣщеніе Андреемъ Первозваннымъ Кіева и Россіи, какъ сообщеніямъ о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ, объ Олегѣ, основателѣ Москвы и пр., на что никакихъ указаній въ лѣтописи нѣтъ.

Упрекаетъ онъ Щербатова и за то, что, приводя массу опредѣленій, которыя сами по себѣ ничего не говорятъ читателю, онъ ихъ не разъясняетъ, а помѣщаетъ ихъ такъ, какъ находитъ въ лѣтописи. "Или не помѣщать или помѣщать, да объяснить", говоритъ по этому поводу Болтинъ. Вообще же Болтинъ не ограничивается одной внѣшней критикой, а смотритъ на вещи глубже, предъявляя Щербатову болѣе серьезныя обвиненія, касательно неправильныхъ взглядовъ на многія

важныя событія, какъ наприм., объясненіе медленнаго распространенія христіанства. Критикуя Щербатова, Болтинъ и самъ не чуждъ тѣхъ ошибокъ: произвольнаго словопроизводства и непониманія лѣтописей.

Въ заключеніе нужно указать на то, что иногда Болтина считаютъ предвозвѣстникомъ славянофильства на томъ основаніи, что въ его сочиненіяхъ есть мѣста, составляющія основные пункты славянофильскаго ученія. Обстоятельство несомнѣнно любопытное для вѣка Екатерины. Сущность этихъ пунктовъ сводится къ тому, что Болтинъ не одобряетъ культурной реформы Петра и на постоянно повторяющіяся замѣчанія иностранцевъ о недозволеніи русскимъ ѣздить заграницу, первый отвѣтилъ, что разрѣшать эти поѣздки всѣмъ вовсе не слѣдуетъ, такъ какъ большинство, кромѣ вреда, ничего изъ нихъ не выноситъ. Но и Фонвизинъ, современникъ Болтина, неоднократно выводилъ въ своихъ комедіяхъ такихъ лицъ, побывавшихъ заграницей и ничего путнаго оттуда не вынесшихъ. Болтинъ проводилъ параллель между Россіей и Западомъ, указывая на многія преимущества родины, причемъ неодобрительно отзывается о преобразованіяхъ Петра, бросаетъ въ него первый камень осужденія, тогда какъ до него господствовало всеобщее благоговѣніе передъ личностью Преобразователя, которому поклоняются, какъ полубогу, считая какую бы то ни было критику его дѣятельности неумѣстной. Но во всякомъ случаѣ называть Болтина первымъ славянофиломъ на основаніи его отрицательнаго отношенія къ Петру еще нельзя, такъ какъ онъ не удержался на славянофильской точкѣ

зрѣнія, не признавая, во-первыхъ, важности былинъ и народныхъ сказокъ и, во-вторыхъ, являясь приверженцемъ крѣпостного права, которое нашло въ немъ защитника.

Вообще же Болтинъ является человѣкомъ очень оригинальнымъ, мыслящимъ, не по однажды установленному шаблону и пытавшимся дать цѣльный взглядъ на русскую исторію.

Дальнѣйшій ходъ русской исторіи связанъ съ именемъ Шлецера, который справедливо считается основателемъ строго научнаго метода.

Вся т.наз. "славянская" историческая школа, начиная съ славянофиловъ и кончая теперешними ея представителями, враждебно относится къ Шлецеру, утверждая, что его вліяніе пагубно и что онъ отвлекъ русскую исторію съ надлежащаго пути, направивъ ее въ сторону государственную, формальную, а не внутреннюю. Напротивъ того для представителей "объективной" школы имя Шлецера стало знаменемъ истинно-научнаго направленія, его память чтили Погодинъ, Соловьевъ, Бестужевъ-Рюминъ, какъ и всѣ тѣ, которымъ наука дорога ради нее самой.

Августъ Шлецеръ родился въ небольшой нѣмецкой деревнѣ, гдѣ отецъ его былъ пасторомъ. Рано лишившись отца, онъ былъ воспитанъ своимъ дѣдомъ, который началъ его готовить въ аптекаря. Однако, необыкновенныя способности мальчика, дававшія поводъ надѣяться на блестящую будущность, заставили родныхъ Шлецера измѣнить первоначальный планъ и отдать его въ школу въ Вертгеймѣ, по окончаніи которой онъ поступилъ сначала въ Виттенбергскій университетъ, а три года спустя въ Геттингенскій, славившійся своими профессорами и между прочимъ знаменитымъ Михаэлисомъ - отцомъ новой исторической

науки | Михаэлисъ установилъ тѣсную связь между исторіей и другими науками, и, кромѣ того, усиленно указывалъ на значеніе первоисточниковъ |. Здѣсь Шлецеръ прошелъ хорошую школу исторіи и языкознанія и съ одинаковой любовью занимался, какъ естественными науками, такъ и политикой, математикой, медициной, метафизикой, развивая въ себѣ критическое отношеніе къ жизни и къ наукѣ.

Но чисто кабинетная ученость его не удовлетворяла, въ немъ постепенно развивается страстное желаніе посѣтить востокъ, увидѣть Палестину, Іерусалимъ, т.е. тѣ мѣста, гдѣ совершались событія библейскаго міра. Денегъ у него не было; для осуществленія своей мечты онъ принялъ мѣсто учителя въ Стокгольмъ, это какъ бы первый этапъ на востокъ. Въ Стокгольмѣ его крупный талантъ, несмотря на неблагопріятныя условія пробился и онъ получилъ уже нѣкоторую извѣстность своими трудами "Исторія учености въ Швеціи" и "Опытъ всеобщей исторіи мореплаванія и торговли съ древнѣйшихъ временъ."

Впрочемъ, денегъ ему такъ и не удалось скопить и онъ опять вернулся въ Геттингенъ въ 1759 г. продолжать свои любимыя занятія. Въ это въ Россіи въ Академіи нуженъ былъ ученый, который могъ бы занять кафедру исторіи; Миллеръ отправилъ любопытное письмо въ Германію, прося прислать историка, который былъ бы вполнѣ безпристрастнымъ:"историкъ," говоритъ Миллеръ, "не долженъ имѣть ни отечества, ни государства, ни вѣры." И такимъ человѣкомъ безъ отечества, вѣры и государства оказался Шлецеръ, который согласился ѣхать въ Петербургъ, несмотря на нѣкоторую унизительность условій для него, въ то время уже извѣст-

наго нѣмецкаго писателя; его прельщала все та же мысль поѣздки въ Палестину, а также возможность изучить на мѣстѣ лѣтописи русскаго народа "перваго въ Европѣ по численности, силѣ и могуществу", какъ онъ говоритъ. Благодаря своей филологической подготовкѣ и способностямъ, Шлецеръ быстро изучилъ русскій языкъ и уже черезъ два мѣсяца переводилъ указы, а черезъ три читалъ лѣтописные списки.

Исторію онъ понималъ, какъ науку живую, хотя самъ всю жизнь просидѣлъ надъ лѣтописями, тѣсно связанную съ географіей и политикой; иначе же считалъ исторію ненужной и совершенно безполезной, говоря, что исторія безъ знанія политики создаетъ только монастырскія хроники. Передъ русской исторіей онъ благоговѣлъ, хотя это благоговѣніе и не особенно высокаго качества, такъ какъ вызвано лишь мощью и громадностью русскаго государства.

Кромѣ занятія исторіей Шлецеръ, будучи въ Россіи, написалъ свою знаменитую грамматику, въ которой впервые примѣняется сравнительный методъ, причемъ сравниваются не только корни, но и флексіи. Грамматика эта не была оцѣнена современниками, такъ какъ русскіе ученые того времени стояли на совершенно другой точкѣ зрѣнія.

Вся эта дѣятельность Шлецера показала Миллеру, что онъ ошибся въ выборѣ: ему нуженъ былъ помощникъ, который подъ его руководствомъ отдалъ бы всего себя работѣ полезной для

Лекціи по Русской Исторіи. Листъ 3-ій.
Литогр. Богданова. Эртелевъ пер. д. № I.

Директоръ

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

Россіи, и который бы послѣ смерти Миллера могъ продолжать эту работу, а къ нему явился ученый съ самостоятельнымъ взглядомъ, съ болѣе широкою и свѣжею ученостью, чѣмъ самъ Миллеръ, и преслѣдующій въ занятіяхъ свои собственныя цѣли: Шлецеръ работалъ, во-первыхъ, для своей славы, а во-вторыхъ,- для дѣла. Иза-за этого между Шлецеромъ и Миллеромъ начали происходить недоразумѣнія, которыя окончились совершеннымъ разрывомъ между ними. Шлецеръ сблизился съ личнымъ врагомъ Миллера, Таубертомъ, при его помощи устроился адъюктомъ при академіи и въ то же время сдѣлался воспитателемъ дѣтей Разумовскаго, Тауберта и нѣкоторыхъ другихъ, для которыхъ устроили такъ называемую академію IO-ой линіи: эти дѣти помѣщались отдѣльно отъ родителей подъ надзоромъ гувернера; съ ними должны были жить одинъ іезуитскій ученикъ изъ Вѣны, математикъ Румовскій и Шлецеръ. Здѣсь Шлецеръ первый началъ преподавать дѣтямъ государствовѣдѣніе и статистику, и издалъ нѣсколько учебниковъ для своей академіи IO-ой линіи.

Важнѣйшимъ трудомъ Шлецера явился его "Несторъ", въ которомъ онъ даетъ прекрасный примѣръ критическаго отношенія къ источникамъ. Какъ извѣстно, "Повѣсть временныхъ лѣтъ" дошла до насъ въ массѣ списковъ, начиная отъ самыхъ древнѣйшихъ XIII, XIУ в. и вплоть до XУIII в.; конечно, разница между ними громадная и вотъ Шлецеръ задался цѣлью путемъ сличенія списковъ очистить ихъ отъ позднѣйшихъ наслоеній и такой очищенный текстъ предложить исторіи и историкамъ. Хотя въ корнѣ онъ и исходилъ изъ совершенно ложнаго представленія, считая Нестора авто-

ромъ лѣтописи, |подобно тому, какъ долгое время считали Гомера творцомъ Иліады и Одиссеи|, которую исказили невѣжественные переписчики. Трудъ его имѣетъ большое значеніе, очистивъ первоначальную русскую исторію отъ разныхъ басней и небылицъ и давъ раздѣленіе славянъ на племена.

Онъ не могъ собрать всѣхъ лѣтописныхъ списковъ и поэтому останавливается на 13 важнѣйшихъ. Каждый изъ нихъ онъ разбиваетъ на отдѣльные маленькіе куски и, сопоставляя ихъ другъ съ другомъ, снабжаетъ комментаріями.

При сличеніи онъ даетъ вѣру только такимъ фактамъ, которые встрѣчаются во всѣхъ спискахъ, остальные же, какъ выдумки переписчиковъ, отбрасываетъ. Точка зрѣнія, конечно, не совсѣмъ вѣрная, такъ какъ впослѣдствіи многія изъ отброшенныхъ извѣстій оказались важнымъ источникомъ для бытовой исторіи.

Работая такимъ образомъ, Шлецеръ думалъ очистить всего Нестора, но несмотря на 30-лѣтній усидчивый трудъ дошелъ только до Владимира Святого. До него благоговѣли передъ каждой печатной фразой; если же и являлись попытки критически отнестись къ историческому матеріалу, то онѣ не шли дальше критики содержанія разсказа, - критиковать же самого автора никому не приходило въ голову. Заслуга Шлецера и заключается въ томъ, что онъ первый ввелъ критику источниковъ, раздѣливъ ее на высшую и низшую. Первая касается внѣшней достовѣрности текста, его подлинности, вторая же его внутренняго содержанія: могъ ли данный источникъ по своему содержанію и духу явиться въ

извѣстное время. Шлецеръ совѣтуетъ показаніямъ очевидцевъ давать полное предпочтеніе, говоря, что несомнѣнно древнѣйшіе списки являются наиболѣе достовѣрными.

Онъ указываетъ на необходимость изгнать изъ русской исторіи всѣ разсказы о Кіѣ, Щекѣ, Хоривѣ, Андреѣ Первозванномъ и т.п. и говоритъ, что занятія русской исторіей должны начинаться лишь съ 862 г., съ призванія варяговъ, а за времена болѣе раннія пусть историки лучше не берутся. Этотъ взглядъ его вызываетъ упрекъ, что такому незначительному событію, какъ призваніе князей, онъ придаетъ огромное значеніе. Но ясное дѣло, что давая такой совѣтъ, Шлецеръ имѣлъ въ виду современное ему состояніе исторической науки въ Россіи: если историки не могли справиться съ лѣтописными разсказами, то конечно имъ слѣдовало отказаться отъ времени предшествовавшаго.

Съ большимъ искусствомъ разобрался Шлецеръ въ этнографической путаницѣ народовъ, которыми полны страницы нашей исторіи, и далъ послѣдовательную схему тѣхъ, которые здѣсь встрѣчаются: славяне, литовцы, тюрки и др.

Онъ могъ бы впасть въ грубую ошибку, но на основаніи данныхъ языка совершенно правильно распредѣлилъ всѣ народы и объяснилъ значеніе каждаго въ отдѣльности. На людей того времени у него былъ правильный взглядъ, безъ утрировки въ противоположность русскимъ историкамъ, которые судятъ о городахъ и государяхъ X, XI вв. съ точки зрѣнія людей XVIII в.

Вліяніе его было велико, и надолго русская исторія пошла по стопамъ Шлецера, держась его научныхъ методовъ

и направленія, противнаго субъективизму. Но современниками заслуги Шлецера не были оцѣнены, такъ какъ русскихъ историковъ оскорбляло его нѣсколько презрительное отношеніе къ русской исторіи, обидное для національнаго самолюбія и рѣшеніе многихъ вопросовъ въ духѣ германизма. Такъ Шлецеръ утверждалъ, что племена, призвавшія князей, почти всѣ не славянскія и что до призванія князей славяне стояли на самой низшей ступени развитія и что русская исторія практическаго значенія не имѣетъ. Упрекали его также и за то, что, получая пенсію отъ императрицы Екатерины II, онъ уѣхалъ въ Германію и проживалъ русскія деньги въ Геттингенѣ. Да и самый трудъ его по виду и составу не могъ привлечь общественнаго вниманія, являясь спеціальнымъ справочнымъ словаремъ; тамъ, гдѣ Шлецеръ имѣлъ дѣло съ народнымъ преданіемъ, его критика оказалась несостоятельною. Такъ всѣ сказанія объ Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ онъ прямо отвергаетъ, отрицая за ними всякое историческое значеніе. Такимъ образомъ и Шлецеръ, несмотря на свой крупный талантъ и знаніе не могъ дать настоящей русской исторіи. Задача эта выпала на долю Карамзина, который и справился съ ней блестяще въ своей "Исторіи Государства Россійскаго."

Работа Карамзина на многое была облегчена тѣмъ, что сдѣлано его предшественниками Щербатовымъ и Болтинымъ, трудомъ Шлецера и цѣлымъ рядомъ работъ по отдѣльнымъ вопросамъ. Теперь оставалось только все объединить и дать обществу наконецъ ту исторую, которую уже такъ давно оно желало получить. О Карамзинѣ существуетъ масса самыхъ

разнообразныхъ отзывовъ, одни благословляли его и прославляли, какъ величайшаго изъ русскихъ историковъ, благоговѣя передъ его именемъ; другіе жестоко нападали на него, порицая его работу, указывали многіе недостатки.

Для насъ это понятно, потому что Карамзинъ былъ не только историкомъ, но и сильнымъ политическимъ дѣятелемъ, могущественно вліявшимъ на положеніе дѣлъ въ Россіи. Мы знаемъ, что двумя своими записками: "О древней и новой Россіи" |1811 г.| и "О Польшѣ" | 1818 г.| онъ два раза остановилъ дѣятельность императора Александра I.

Но полной оцѣнки его дѣятельности и трудовъ до сихъ поръ не было, хотя можно сказать, что время произне-сенія безпристрастнаго мнѣнія давно настало.

Сынъ Симбирскаго дворянина Карамзинъ |1766-1826| получилъ хорошее домашнее образованіе, затѣмъ былъ отданъ въ извѣстный тогда пансіонъ Шадена въ Москвѣ, по окончаніи курса котораго, поступилъ въ Московскій университетъ. Очень рано въ немъ стали складываться политическіе взгляды; онъ сближается съ московскими массонами и становится дѣятельнымъ членомъ новиковскаго кружка. Намъ всегда Карамзинъ кажется консерваторомъ, а долго это былъ горячій либералъ, даже республиканецъ, который до концъ своей жизни не могъ безъ слезъ слышать слова "свобода", сочувствовалъ французской революціи и скорбѣлъ о смерти Робеспьера. Правда, либерализм его совершенно теоретическій, никогда не переходившій границъ, поставленныхъ властями; въ теоріи онъ сочувствовалъ освобожденію крестьянъ, въ теоріи же стоялъ за свободу.

Это его настроеніе вполнѣ обнаружилось въ дѣятельности, которую онъ обнаружилъ въ Москвѣ и въ "Письмахъ русскаго путешественника".

Впрочемъ, со вступленіемъ на престолъ императора Александра I съ Карамзинымъ происходитъ рѣзкая перемѣна: недавній либералъ, онъ въ началѣ XIX в. превращается въ убѣжденнаго консерватора и прекращаетъ свою дѣятельность публициста и журналиста.

Свою литературную дѣятельность Карамзинъ начинаетъ повѣстями, хотя и тутъ уже его интересуютъ историческія темы, сказывается его склонность къ раскрашиванію дѣйствительности и намѣчена его будущая славянофильская тенденція. "Кто у насъ", говоритъ онъ: "не любитъ того времени, когда русскіе были русскими, когда они въ собственное платье наряжались, ходили своей походкой, говорили своимъ языкомъ и по своему сердцу ? Я, по крайней мѣрѣ, люблю сіи времена, люблю на крыльяхъ воображенія летать въ ихъ отдаленную мрачность." Прежнее восторженное отношеніе къ Петру и его реформамъ, столь ярко выразившееся въ его "Письмахъ русскаго путешественника", смѣняется недоброжелательствомъ и приверженностью къ древней до-петровской Руси. Изъ прежняго поклонника свободы онъ становится поборникомъ сильной власти, такъ, наприм. въ разсказѣ о покореніи Новгорода доволенъ тѣмъ, что безпокойная чернь покорилась Москвѣ; говоря о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, который проситъ народъ простить боярина Матвѣева, говоритъ, что царь долженъ приказывать, а не просить.

Онъ все болѣе работаетъ надъ отдѣльными вопросами изъ

русской исторіи, его поражаютъ многія историческія личности и постепенно складывается планъ будущей исторіи.

Послѣ поѣздки въ Троице-Сергіеву Лавру онъ пишетъ свои "Историческія воспоминанія и замѣчанія по пути къ Троицѣ", въ которыхъ въ художественной формѣ даетъ очеркъ царствованія Бориса Годунова. Не ограничиваясь ролью простого разсказчика онъ ставитъ вопросъ: справедливо ли то подозрѣніе, которое пятномъ лежитъ на памяти Годунова, и вообще предается размышленію о томъ, какъ много могъ бы онъ сдѣлать, если бы не тяготѣло надъ нимъ это подозрѣніе.

Его повѣстей и журнальныхъ статей было бы достаточно, чтобы составить ему громкое имя; его друзья поклоняются ему, какъ первостепенному писателю XVIII в. и самъ онъ о себѣ очень высокаго мнѣнія. Все это вмѣстѣ взятое даетъ ему право обратиться къ государю съ просьбою о назначеніи его исторіографомъ съ опредѣленнымъ складомъ содержанія.

Его желаніе дѣйствительно было исполнено и въ 1803 г. Карамзинъ засѣлъ за свой громадный трудъ. Когда Карамзинъ взялся за написаніе исторіи, онъ смотрѣлъ на свою задачу очень легко, разсчитывая довести ее до Петра въ видѣ цѣлаго ряда историческихъ портретовъ. И только когда Карамзинъ приступилъ къ работѣ, онъ увидѣлъ, какой громадный трудъ ему предстоитъ. На бѣду еще вышелъ "Несторъ" Шлецера, было чему испугаться, человѣкъ послѣ 30-лѣтней усидчивой работы дошелъ только до Владимира Святого и, ясное дѣло, что Карамзину нечего и думать было сдѣлать что нибудь за тѣ 5-6 лѣтъ, которыя онъ разсчитывалъ посвятить своей исторіи.

Карамзинъ, однако, скоро откинулъ свои сомнѣнія, убѣ-

дившись въ невозможности работать такъ, какъ Шлецеръ. Первыя главы-тотъ же Шлецеръ только прикрашенный. Справившись успѣшно съ самымъ труднымъ, Карамзинъ уже теперь быстро пошелъ дальше. Карамзинъ замѣчательно добросовѣстно отнесся къ своей работѣ, зачастую передѣлывая цѣлыя главы, если ему случалось найти какой нибудь новый документъ. А по его положенію исторіографа ему былъ открытъ доступъ во всѣ архивы, благодаря чему онъ дѣлалъ все новыя и новыя находки. Такъ II томъ о княжескихъ междуусобицахъ былъ почти готовъ, когда онъ вдругъ натолкнулся на Галицко-Волынскую лѣтопись, содержащую въ себѣ полный разсказъ. Карамзинъ тотчасъ же уничтожаетъ все написанное и начинаетъ работу сначала на основаніи новыхъ данныхъ.

До 1816 г. работаетъ онъ почти не отрываясь, совершенно уйдя отъ общественной жизни и отказавшись отъ всѣхъ знакомыхъ. Только разъ, именно въ 1811 г. онъ опять вызванъ къ жизни, это когда императоръ Александръ, смѣло идя по пути преобразованій, выдвинулъ, какъ тогда думали, на очередь вопросъ о политической реформѣ Россіи и объ освобожденіи крестьянъ. Консерваторы, группировавшіеся тогда въ Москвѣ около великой княгини Екатерины Павловны, проживавшей въ Твери, забили тревогу и вызвали Карамзина, взгляды котораго къ этому времени уже совершенно измѣнились. Карамзинъ написалъ свою извѣстную записку "О древней и новой Россіи", которая долгое время была запрещена, а теперь находится въ книгѣ Пыпина |Общественное движеніе при императорѣ Александрѣ I.|

и у другихъ историковъ, и подалъ ее Александру. Здѣсь вполнѣ сказалось его критическое отношеніе къ Петру, недоброжелательство къ его реформамъ и упреки въ посягательствѣ на духъ народный. Касаясь освобожденія крестьянъ, Карамзинъ произнесъ слѣдующія знаменательныя слова: "Государь,никто не упрекнетъ Тебя за то зло, которое существовало и прежде Тебя, но Ты дашь отвѣтъ Богу за все, сдѣланное Тобой."

Восемь первыхъ томовъ "Исторіи Государства Россійскаго" закончены къ 1816 г. и время отъ времени Карамзинъ читалъ въ избранномъ обществѣ отрывки изъ нея, которые всѣмъ очень нравились. Наконецъ дошло дѣло до напечатанія и тутъ случилась очень обыкновенная исторія: денегъ у Карамзина не было, а частный человѣкъ не могъ рискнуть затратой большого капитала, не надѣясь вернуть его черезъ продажу книгъ. Оставалось печатаніе на казенный счетъ, но для этого Карамзину нужно было поѣхать на поклонъ къ всесильному временщику Аракчееву, чего не позволяло ему ни человѣческое достоинство, ни авторское самолюбіе. Объ императрицы и высшій придворный кругъ ласкали его, но ауді-енціи у императора онъ не могъ добиться помимо Аракчеева. Дѣло не двигалось и онъ долженъ былъ смириться. Исторія стала печататься на казенный счетъ, причемъ цензоромъ былъ самъ государь. Внѣшній успѣхъ книги былъ громаденъ, несмотря на очень высокую цѣну даже для настоящаго времени - 55 руб.; въ теченіе нѣсколькихъ недѣль разошлись всѣ 3000 экземпляровъ.

Объясняется это самымъ характеромъ книги. Недаромъ Карамзина называли Колумбомъ, открывшимъ русскимъ свое отечество; до него исторіей можетъ быть интересовалось нѣсколько десятковъ образованныхъ лицъ, ученыхъ, онъ же сдѣлалъ русскую исторію популярной, заинтересовалъ ею все общество, и это могъ сдѣлать только крупный художественный талантъ. Для людей того времени языкъ "Исторіи Государства Россійскаго" казался музыкой, а сама искусственность, взамѣнъ которой мы требуемъ отъ научнаго сочиненія простоты, производила сильное впечатлѣніе: Карамзину поклонялись, какъ генію, и на его исторіи воспитывалось цѣлое поколѣніе.

За восьмымъ томомъ послѣдовалъ девятый, тоже имѣвшій большой успѣхъ и нѣкоторое вліяніе на развитіе политическихъ идей въ Россіи; IX т. важенъ для характеристики взглядовъ Карамзина на самодержавіе, этотъ томъ - художественный сильный протестъ противъ произвола и тиранніи. Затѣмъ Карамзинъ продолжаетъ работать надъ своей исторіей до самой своей смерти и скончался, какъ говорятъ, на фразѣ: "Орѣшекъ не сдавался".

XII т. содержитъ изображеніе Смутнаго времени.

"Исторію Государства Россійскаго" должно оцѣнить съ трехъ сторонъ: художественной, критической и философской.

"Художественность" Карамзина не подлежитъ сомнѣнію, его изложеніе увлекало людей того времени; своимъ изложеніемъ онъ сдѣлалъ русскую исторію популярною, вывелъ ее изъ кабинетовъ ученыхъ въ общество. По изложенію немного историческихъ трудовъ и послѣдующихъ временъ могли

сравниться съ Исторіей Государства Россійскаго; несомнѣнно также, что художественность эта нерѣдко представляетъ лица и событія въ невѣрномъ освѣщеніи. Какъ критикъ Карамзинъ не можетъ идти въ сравненіе съ Шлецеромъ; въ его примѣчаніяхъ не мало вѣрныхъ критическихъ отмѣтокъ о разныхъ источникахъ, но ихъ не такъ много; отъ такого труда, какъ Карамзинскій, нельзя и требовать критической обработки источниковъ. Несомнѣнно, однако, что критическій тактъ у него былъ, такъ же какъ и обстоятельное знакомство съ лѣтописями и другими источниками, что видно изъ примѣчаній къ его исторіи.

Его Исторія и примѣчанія къ ней двѣ совершенно различныя вещи: въ первой онъ - литераторъ и художникъ, во второй - ученый. Карамзинъ не желалъ, чтобы читатель видѣлъ его черновую работу, и даетъ ему блестящій текстъ; точно также не можетъ онъ входить въ детальный разборъ отдѣльныхъ вопросовъ, умѣло пользуясь чьимъ нибудь чужимъ мнѣніемъ и отбрасывая второстепенныя вещи, вслѣдствіе этого въ научномъ отношеніи его работа часто не даетъ новаго; но въ примѣчаніяхъ заключается много указаній на спорные вопросы и масса новаго матеріала. Нѣтъ въ Исторіи никакой опредѣленной нити, нѣтъ охватывающей идеи, если не считать одной, что Россія сильна при самодержавіи и при немъ лишь процвѣтаетъ. Но это не есть идея проходящая черезъ всю исторію, а скорѣе цѣль, которую онъ стремится оправдать цѣлымъ рядомъ искусно подобранныхъ доказательствъ, отсюда связь остается чисто внѣшней.

Серьезный упрекъ можно поставить Карамзину, что исторія его собственно даже не исторія, а картинная галлерея, собраніе не характеристикъ, а портретовъ русскихъ князей и государей, смѣняющихъ другъ друга безъ объясненія, безъ иной связи кромѣ мѣста и времени. Рисунокъ его однообразенъ, нѣтъ исторической перспективы, такъ какъ Карамзинъ не задается цѣлью подыскать для каждой эпохи характерныя отличія и дать изображаемымъ лицамъ опредѣленную окраску: его Рюрикъ, Владимиръ, Святославъ и Борисъ Годуновъ изображены совершенно одинаково, подобно тому, какъ итальянецъ-живописецъ сталъ бы по заказу рисовать лики русскихъ святыхъ.

Съ точки зрѣнія философской критики нужно сказать, что у Карамзина никакой философіи не было, кромѣ обобщеній, болѣе или менѣе удачныхъ, свойственныхъ всякому просто умному человѣку, много прочитавшему на своемъ вѣку.

Таковы въ общихъ чертахъ достоинства и недостатки этого труда, который общество встрѣтило съ такимъ восторгомъ, но который въ то же время многихъ не удовлетворилъ, вызывая жестокія нападки. Указывали на то, что слѣдовало дать исторію народа, а не государства. Нѣкоторые шли дальше и утверждали, что Карамзинъ не далъ даже исторіи государства, а только государей, подразумѣвая отсутствіе развитія государственныхъ формъ. Нападали на Карамзина также либералы, такъ какъ это были послѣдніе годы либеральнаго царствованія Александра I,

когда онъ произносилъ рѣчь на варшавскомъ сеймѣ, обѣщая даровать полякамъ конституцію, и въ это время вдругъ появляется книга, утверждавшая, что въ одномъ самодержавіи спасеніе и что всѣ другія формы правленія никуда не годятся. Карамзина обвинили въ противодѣйствіи либеральному стремленію времени. Неодобрительно отнесся къ его труду и Н.П.Румянцевъ, столь много сдѣлавшій для собиранія актовъ, въ то время какъ Карамзинъ является представителемъ историческаго направленія, основывавшагося не на актахъ, а на повѣствовательныхъ элементахъ. Серьезныя обвиненія выставлены были декабристомъ Никитой Муравьевымъ, считавшимъ главнымъ достоинствомъ исторіи дѣльность и содержаніе, а не порядокъ и живопись. Особенно горячо возражаетъ онъ противъ тѣхъ мѣстъ "предисловія", гдѣ Карамзинъ говоритъ, что исторія учитъ народъ, какъ благотворная власть обуздываетъ мятежныя страсти . "Согласимся ", говоритъ Муравьевъ, "что подобные примѣры рѣдки, обыкновенно страстямъ противоставлялись другія страсти". Припоминая, какъ Карамзинъ отзывается объ удѣльномъ времени, сравнивая его съ безводной пустыней, отъ которой торопится перейти къ эпохѣ самодержавія, Муравьевъ замѣчаетъ, что для историка не должно быть болѣе или менѣе интересныхъ періодовъ, что нельзя пренебрегать однимъ, а останавливаться дольше на томъ, что нравится. Отношеніе молодежи къ "Исторіи Государства Россійскаго" довольно мѣтко выразилось въ шаловливой эпиграммѣ Пушкина:

- Его исторіи изящность, простота

Доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Скептическая школа.

Научная критика о Карамзинѣ сказалась у насъ много позже въ появленіи такъ наз. скептической школы, отрицающей достовѣрность первыхъ страницъ нашей исторіи. Карамзинъ создалъ ужъ слишкомъ стройное и красивое зданіе русской исторіи, перегибъ въ одну сторону всегда сопровождается перегибомъ въ другую, такъ оно и оказалось на дѣлѣ, но только противники его въ своемъ размахѣ зашли слишкомъ далеко.

Основателемъ скептической школы считается М.Т. Каченовскій, родомъ грекъ, умный и талантливый, но къ сожалѣнію не получившій правильнаго и систематическаго образованія. Въ теченіе своего многолѣтняго профессорства онъ перемѣнилъ много кафедръ и только подъ конецъ занялъ кафедру русской исторіи. Каченовскій принадлежалъ къ числу людей, которые живутъ полемикой и, обладая въ высшей степени полемическимъ даромъ, умѣлъ оживлять самыя скучныя изложенія, обрушиваяст съ страстнымъ пыломъ на своего воображаемаго противника. Къ Карамзину онъ относился недоброжелательно, но сначала критиковалъ его только въ аудиторіяхъ по поводу отдѣль-

ныхъ мыслей и выраженій. Но скоро дѣло дошло и до открытаго столкновенія по поводу, такъ называемаго, баннаго вопроса. Лѣтопись, разсказывая о постройкахъ въ Переяславлѣ южномъ митрополита Ефрема |1089 г.|, говоритъ, что между прочимъ онъ соорудилъ "банное строеніе", "сего же не бысть прежде на Руси". Слова "банное строеніе" ввели въ недоумѣніе нашихъ историковъ. Нѣкоторые по недомыслію толковали ихъ буквально, но еще Болтинъ догадался, что лѣтопись баннымъ строеніемъ называетъ особое зданіе для крещенія взрослыхъ людей, т.е. то, что въ Греціи - баптистеріумъ. Каченовскій, узнавъ, что въ Малороссіи называется баней церковная глава - куполъ, сталъ утверждать, что митрополитъ Ефремъ первый началъ строить въ Россіи церкви съ куполами. Карамзинъ на это ѣдко отвѣтилъ, что незачѣмъ было ѣздить въ Малороссію, когда въ любомъ словарѣ можно найти значеніе слова "баня" на польскомъ языкѣ, и что смѣшно утверждать, что первыя церкви съ куполами построены въ концѣ XI вѣка, когда до этого есть вполнѣ достовѣрные источники о построеніи Десятинной церкви - Владимиромъ Святымъ и Софійскаго Собора - Ярославомъ Мудрымъ. Первая стычка кончилась крайне неудачно для Каченовскаго, такъ же, какъ и вторая по поводу такъ называемыхъ "кожаныхъ денегъ". Въ лѣтописи встрѣчаются выраженія: куны, мордки, бѣлки, какъ мѣновые знаки. Каченовскій находитъ, что въ то время не могли быть кожаныя деньги, такъ какъ для того, чтобы обрѣзокъ слу-

жилъ монетной единицей, подобно нашимъ ассигнаціямъ и кредитнымъ деньгамъ, необходимо было уже понятіе о государственномъ кредитѣ, совершенно недопустимое для того времени. А разъ этого не было, то онъ считаетъ себя вправѣ отвергать и достовѣрность самой лѣтописи въ которой говорится объ этихъ деньгахъ.

Заключенія Каченовскаго важны: только при существованіи общественнаго кредита возможно, что вещи сами по себѣ, не имѣющія никакой стоимости |бумага напр.| принимаются за деньги. Но съ другой стороны, существованіе кожаныхъ денегъ подтверждается свидѣтельствомъ иностранцевъ Рубруквиса |около 1250 г.|, Герберштейна |XVI в.| -"въ древности русскіе употребляли вмѣсто денегъ мордки и уши бѣлокъ и другихъ животныхъ" и главнѣйше указомъ Петра Великаго |1700 г.|, свидѣтельствующимъ, что еще въ его время кожаныя деньги ходили въ Калугѣ и др. мѣстахъ.

Мѣхъ, конечно, могъ быть на Руси монетою и, слѣдовательно, части мѣха |мордки| могли быть также монетою. Гривна серебра была монетою - это было нѣчто вродѣ ожерелья; гривна кунъ, т.е. куньихъ мѣховъ, могла быть также ожерельемъ изъ этого мѣха; мѣхъ болѣе простой и обычный |бѣлка| цѣнился дешевле куньяго мѣха.

Въ такомъ смыслѣ должно допустить существованіе кожаныхъ денегъ, но Карамзинъ шелъ дальше и предполагалъ,

---

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

что кожаные лоскутки съ разными изображеніями имѣли и тогда значеніе денегъ, но послѣднее едва ли справедливо.

Это были частныя нападки. Появленіе книги Нибура, указавшаго на баснословный періодъ въ Римской имперіи, дало окончательный толчекъ воззрѣніямъ Каченовскаго. "Мы стоимъ," писалъ онъ, "на прагѣ неожиданныхъ перемѣнъ въ понятіяхъ нашихъ о ходѣ происшествій на сѣверѣ, начиная съ IX вѣка." Тогда же возвратился изъ своего археографическаго путешествія П.М. Строевъ, который не нашелъ въ архивахъ документовъ древнѣе XIII в.; естественно было предположить, что онъ не нашелъ документовъ, потому что ихъ не было, какъ не было и самого государства русскаго. Древнѣйшая русская исторія основывается главнѣйше на авторитетѣ первоначальной лѣтописи; достовѣрность ея Каченовскій пытался опровергнуть въ статьѣ: "О баснословномъ времени въ Россійской исторіи." Авторъ строитъ рядъ посылокъ: мы не можемъ утверждать, что лѣтописи написаны Несторомъ, да если бы это и было такъ, то какимъ образомъ монахъ конца XI ст. могъ знать то, что происходило въ IX ст. ? въ нихъ много вставокъ, выдумокъ, басенъ, невѣрна хронологія - отсюда выводъ о баснословности нашихъ лѣтописей и недостовѣрности нашей древней исторіи. Въ ст. "О пользѣ изученія русской исторіи въ связи съ всеобщей" Каченовскій доказываетъ, что лѣтописи сочинены лишь въ XIII и XIУ ст. и только съ этого времени можетъ начинаться русская исторія, а въ періодъ предшествовавшій этому времени у славянъ не было никакой культуры и письменности и они стоятъ на самой низшей ступени развитія, являясь племенемъ грубымъ и

дикимъ, въ смыслѣ гражданственности и государственности, представляющіе tabula rasa.

Идя этимъ путемъ вслѣдъ за лѣтописями, Каченовскій отвергаетъ еще болѣе легкомысленно и другой краеугольный камень нашей древней исторіи - Русскую Правду. На основаніи того, что въ Русской Правдѣ много иностранныхъ словъ, какъ напр. князь, гость, вира, и ссылаясь на вышедшую въ это время книгу Сарторіуса "Исторія Ганзы", Каченовскій задается вопросомъ, откуда могутъ быть въ русскомъ законодательствѣ такія слова. Ясное дѣло, что они проникли къ намъ подъ вліяніемъ торговыхъ сношеній Новгорода съ Ганзой, относимыхъ къ XIУ в., отсюда и самое составленіе Русской Правды нельзя возводить ко времени болѣе раннему. Древнѣйшій русскій законодательный памятникъ, прекрасно отражающій всѣ событія русской жизни, тоже въ концѣ концовъ нѣмецкаго происхожденія.

Вслѣдъ за Каченовскимъ, многіе изъ его уже слишкомъ поспѣшныхъ послѣдователей договорились до такихъ крайностей, которыхъ испугался бы самъ Каченовскій. Они стали утверждать, что въ составленіи лѣтописи сказывается какая нибудь частная тенденція, напр., что онѣ нужны были князьямъ, чтобы оправдать ихъ притязанія на Новгородъ, или же самому Новгороду, чтобы обосновать его историческую древность. Города земли Новгородской они считали колоніями Вагровъ и совершенно отвергали преданіе о призваніи трехъ князей, какъ заимствованное у другихъ народовъ. Но, какъ бы то ни было, извѣстное значеніе имѣетъ и скептическая

школа, какъ вполнѣ понятный противовѣсъ карамзинскому направленію, указавшая на многія ошибки его государственнаго взгляда и на натянутость его исторіи; она внесла много поправокъ и возбудила много вопросовъ, вѣрное разрѣшеніе которыхъ принадлежитъ, однако, не ей.

Изъ произведеній скептической школы имѣютъ значеніе разсужденія Каченовскаго: "О кожаныхъ деньгахъ", "О баснословномъ времени въ русской исторіи", "О пользѣ изученія Россійской исторіи въ связи съ всеобщей"; а также другихъ авторовъ - "О времени и причинахъ вѣроятнаго переселенія славянъ на берега Волхова" и др.

Къ скептикамъ относятъ обыкновенно также Арцыбашева и Н. Полевого; но это не справедливо: оба эти историка имѣютъ общее со скептической школой въ своемъ критическомъ отношеніи къ Карамзину, но ихъ критицизмъ какъ Карамзина, такъ и лѣтописей не идетъ такъ далеко, какъ отрицаніе скептиковъ.

Арцыбашевъ стоялъ далеко отъ историческихъ кружковъ и отъ представителей исторической науки того времени. Онъ жилъ въ отставкѣ въ г. Цивильскѣ, Казанской губ. и, работая совершенно безъ всякой помощи, задался такой же цѣлью, какъ Шлецеръ, именно очищеніемъ лѣтописей отъ позднѣйшихъ наслоеній. Болѣе 20 лѣтъ просидѣлъ онъ надъ своей работой и благодаря тонкимъ критицизму и такту и замѣчательной добросовѣстности искусно справился со своей задачей. Онъ уже обнародовалъ нѣкоторыя свои работы: "О первобытной Россіи","Приступъ къ повѣсти о русскихъ",

когда появилась "Исторія Государства Россійскаго" противъ которой онъ выступилъ нѣсколько позднѣе; въ концѣ 20 гг. въ тогдашнихъ журналахъ; главное сочиненіе его "Повѣствованіе о Россіи" 1837-1843 г.г.

Арцыбашевъ выступилъ противъ Карамзина съ цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ указаній и примѣчаній. Опровергая его слишкомъ пристрастное отношеніе къ Грозному, Арцыбашевъ ссылался на осутствіе документовъ, подтверждающихъ многія казни Грознаго, подробно останавливается на убіеніи царевича Дмитрія, оправдываетъ Годунова и упрекаетъ Карамзина за излишнее довѣріе къ тому, что ему нравилось, какъ напр. свидѣтельству Курбскаго. Его "Повѣствованіе о Россіи" служитъ превосходной справочной книгой, и Соловьевъ, идя на лекціи, всегда справлялся съ Арцыбашевымъ.

Н.А.Полевой, сынъ сибирскаго купца, ученый-самоучка, образованный широко и блестяще, но какъ то поверхностно. Вмѣстѣ съ братомъ, Ксенофонтомъ Полевымъ, онъ занимался журналистикой и издавалъ "Московскій Телеграфъ". Ознакомившись съ лучшими тогда трудами по всеобщей исторіи Баранта, Тьери и Гизо, Полевой хотѣлъ примѣнить ихъ начала къ русской исторіи и объявилъ, что въ скоромъ времени издастъ исторію русскаго народа, которую надѣется довести до Андріанопольскаго мира, т.е. до царствованія императора Николая I. Полевой находилъ также, что "твореніе" Карамзина "неудовлетворительно", именно Карамзинъ, какъ философъ -историкъ не выдерживаетъ строгой критики. Онъ и не прагматикъ. Карамзинъ нигдѣ не представляетъ духа народнаго. Французская трагедія въ сравненіи съ трагедіями грековъ

есть то же, что Исторія Карамзина въ сравненіи съ Исторіей Геродота или Тита Ливія. Отъ лучшихъ историковъ XVIII в. - Робертсона, Юма, Гиббона Карамзинъ такъ далекъ, какъ далека въ умственной зрѣлости Россія отъ Англіи. Свой трудъ Полевой назвалъ "Исторія русскаго народа" въ противность Исторіи Государства Россійскаго, и посвятилъ ее Нибуру, первому историку вѣка.

Возмущаетъ его также взглядъ Карамзина на исторію, какъ на учительницу морали, какъ на художественное наслажденіе, стремленіе къ занимательности и пренебреженіе удѣльнымъ періодомъ. "Историкъ", говоритъ Полевой, "не долженъ заботиться о томъ, что скучно и что занимательно... Историкъ не судья, не учитель логики и нравственности: его обязанность выяснить связь прошедшаго съ настоящимъ; онъ долженъ отречься отъ вѣры, отъ родины, и если не можетъ этого сдѣлать въ настоящемъ, то хоть по отношенію къ прошедшему, чтобы быть вполнѣ безпристрастнымъ." На исторію отдѣльнаго народа онъ смотритъ, какъ на часть всеобщей. Частная исторія народовъ и государствъ должна стремиться къ основѣ всеобщей исторіи, какъ радіусы къ центру: онѣ показываютъ философу, какое мѣсто въ мірѣ вѣчнаго бытія занималъ тотъ или другой народъ. Человѣчество живетъ въ народахъ. Полевой всюду стремится проводить параллель между русской исторіей и всеобщей; и здѣсь сказывается вліяніе скептической школы: найдя въ чемъ нибудь сходство онъ отвергаетъ его, какъ заимствованное, хотя это сходство чисто внѣшнее. Но, желая вездѣ провести эту

параллель, онъ часто нарушаетъ завѣты скептической школы, подбирая такіе факты, которые, какъ скептикъ, долженъ былъ бы оставить въ сторонѣ; напр., желая показать, что у насъ были такія же завоеванія, какъ въ Европѣ, онъ ссылается на изгнаніе варяговъ славянами новгородскими, время, которое настоящіе скептики отрицаютъ. Продолжая свою параллель, онъ въ удѣльномъ времени видитъ отраженіе феодальной системы, только такъ наз. семейно-феодальной, отличія которой отъ несемейной онъ не указываетъ. Смуты въ отдѣльный періодъ объясняются у него стремленіемъ городовъ къ самостоятельности, подобно борьбѣ коммуны съ феодалами и т.д.

Полевой довелъ свою исторію только до смерти Анастасіи Романовны, первой супруги Грознаго, т.е. до 1560 г. Впослѣдствіи Полевымъ издано было еще: Исторія Петра Великаго, 4 тома, Столѣтіе Россіи отъ 1745 - 1845 г., 2 т. Но труды эти совсѣмъ другого характера и не имѣютъ научнаго значенія; они написаны Полевымъ послѣ перелома въ его дѣятельности. Трудъ Полевого, вызвавшій въ свое время чрезвычайно рѣзкую критику Погодина и Надеждина, важенъ, конечно, не по исполненію, а по намѣреніямъ автора, указывавшимъ на то, что уже въ тридцатыхъ годахъ русское общество ушло далеко впередъ отъ Карамзинскаго взгляда на вещи.

Противники скептиковъ.

На первомъ планѣ здѣсь слѣдуетъ поставить М.П.Погодина.[x] Сынъ крѣпостного, М.П.Погодинъ обладалъ всѣми достоинствами и недостатками типичнаго великорусскаго человѣка. Еще будучи студентомъ Московскаго университета, онъ увлекался Карамзинымъ и Шлецеромъ и навсегда остался ихъ поклонникомъ; всю свою жизнь онъ посвятилъ борьбѣ со скептиками и защитѣ лѣтописей.[xx] Онъ доказалъ, что не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ существованіи древняго періода нашей исторіи, такъ какъ почти одновременно со сказаніями лѣтописи начинается рядъ иностранныхъ |византійскихъ, арабскихъ, позже западныхъ| свидѣтельствъ о Руси, и отъ древнѣйшаго періода русской исторіи мы имѣемъ договоры и другіе государственные акты: договоры Олега и Игоря, уставы Владимира и Ярослава, Русская Правда.

---

x| Личность Погодина прекрасно обрисована въ трудѣ Н.И. Барсукова: "Жизнь и труды Погодина", 16 том.; огромный и капитальный трудъ этотъ прекрасно знакомитъ съ духовной жизнью большинства представителей русскаго общества эпохи императоровъ Николая I и Александра II.

xx| Главные труды Погодина: 1| Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о русской исторіи, 7 т., 1846-1859 г.г. 2| Историко-критическіе отрывки, 2 т., 1846-1867 г.г. 3| Н.М.Карамзинъ, 1866 г. 4| Древняя русская исторія до монгольскаго ига, 1872 г. 5| Семьнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни

Добросовѣстный изслѣдователь, лучшій знатокъ древней русской исторіи, онъ, однако, не умѣлъ или, лучше сказать,не хотѣлъ подняться до широкихъ обобщеній и ограничивался разсмотрѣніемъ частныхъ вопросовъ. Высшимъ началомъ въ исторіи вообще, а въ русской въ частности, считаетъ судьбу, "перстъ Божій", а отъ иного обобщенія, болѣе раціональнаго, воздерживался: такъ, говоря о смерти царевича Димитрія, онъ видитъ въ этомъ счастливую случайность, отсюда смутное время, результатомъ котораго было воцареніе династіи Романовыхъ, которая дала намъ Петра Великаго, а въ этомъ счастье Россіи. Подобныя разсужденія настолько далеки отъ заключеній, что неудивительно для насъ недовольство учениковъ Погодина: молодое поколѣніе, обучавшееся въ тридцатыхъ и сороковыхъ г.г., ожидало отъ своихъ учителей широкихъ обобщеній, а не голыхъ фактовъ.

Неспособностью къ философскимъ обобщеніямъ можно объяснить его взглядъ на исторію Россіи, какъ страны, заслуживающей большаго вниманія сравнительно съ другими государствами въ силу своей громадности, той роли, которую она играла при нашествіи Наполеона и своей внутренней высоты, которая отвлекаетъ юношество отъ пагубныхъ увлеченій, содѣйствуя практическому изощренію умовъ. Характеренъ также методъ, употребляемый Погодинымъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, которымъ онъ такъ гордился, но

императора Петра Великаго. Первую половину своей жизни Погодинъ былъ ревностнымъ журналистомъ и издавалъ Московскій Вѣстникъ 1827-1830 г., затѣмъ Москвитянинъ,1841-1846.

который у насъ можетъ вызвать только улыбку, именно методъ математическій. Для характеристики дѣятельности какого нибудь князя онъ опредѣляетъ всѣ его занятія и,если въ большемъ числѣ выписокъ говорится, что князь собиралъ дань, то онъ и характеризуетъ его, какъ сборщика дани по преимуществу и т.д.

Погодинъ пишетъ просто и ясно, времена мѣтко, но почти всегда топорно, весьма не изящно; многимъ его слогъ казался неряшливымъ. Таковы же его характеристики, напр. Карамзина, Петра Великаго - богатыя по содержанію и не привлекательныя съ внѣшней стороны.

Но не оцѣненный современниками, онъ по многимъ отдѣльнымъ вопросамъ далъ очень важныя указанія, напр. о началѣ возвышенія Москвы, о смерти царевича Димитрія, о прикрѣпленіи крестьянъ и пр. все пересмотрѣлъ, распуталъ и разставилъ по мѣстамъ. Онъ былъ умный, искренній, преданный интересамъ науки, стойко стоявшій за свои убѣжденія. Погодинъ былъ одинъ изъ убѣжденнѣйшихъ сторонниковъ норманнской теоріи призванія трехъ князей и 50 лѣтъ боролся за норманнское происхожденіе Руси; онъ опровергалъ Морошкина, Надеждина, Максимовича, Гедеонова, особенно горячо спорилъ съ Костомаровымъ, съ которымъ велъ даже публичные диспуты; ст. его "Борьба".

Не ограничиваясь дѣятельностью ученаго, онъ, какъ человѣкъ живой, отзывчивый, близко стоялъ къ жизни и принималъ непосредственное участіе во всѣхъ животрепещущихъ дѣлахъ. Когда вступаетъ на престолъ императоръ Александръ II, Погодинъ пишетъ ему письмо съ наставленіями, какъ надо царствовать; начинается холера, онъ и здѣсь даетъ свои

указанія и такъ во всемъ, причемъ никогда не забываетъ себя и прекрасно умѣетъ соблюдать свои интересы.

Кромѣ Погодина со скептиками боролись Кубаревъ и Бутковъ, опровергавшій въ своей "Оборонѣ лѣтописи отъ навѣтовъ скептиковъ" всѣ нападки послѣднихъ и отстаивавшій цивилизацію на Днѣпрѣ въ XI в.

Такъ окончилась борьба со скептической школой, мимолетнымъ явленіемъ въ нашей исторіи. x q.c.k.

6 Теорія родового быта.

Дальнѣйшее свое развитіе наша историческая наука получила не отъ скептиковъ, отрицающихъ древнюю исторію, не отъ Погодина, остановившагося на отдѣльныхъ вопросахъ, и даже не отъ Карамзина, который сообщилъ ей одно внѣшнее единство. Необходимо было найти внутреннюю связь между отдѣльными фактами, доказать, что факты эти при всемъ своемъ кажущемся различіи суть проявленія одного и того же начала. Въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія одновременно со скептической школой и появляется школа, которая къ этому стремится, это т.наз. школа родового быта. Еще Екатерина II въ своихъ разсказахъ изъ русской исторіи обратила вниманіе на родъ; на родовыя явленія указывалъ и Щербатовъ при разсмотрѣніи порядка, наступившаго послѣ смерти Ярослава; но настоящимъ основателемъ теоріи родового быта справедливо считается профессоръ Дерптскаго университета Густавъ Эверсъ [x].

---

x| Das älteste Recht der Russen, 1826г. есть переводъ - Древнее право Руссовъ.

Родовой бытъ - первая ступень въ жизни каждаго народа, когда единственною связью между людьми служитъ кровная связь, т.е. происхожденіе отъ одного общаго родоначальника; всякій другой человѣкъ есть непріятель и врагъ. Въ отличіе отъ нашего быта члены одного рода не дѣлятся на семьи: родъ есть разросшаяся семья; члены рода подчиняются одному родоначальнику |патріарху|, который первоначально имѣетъ неограниченную власть надъ всѣми родичами; у всѣхъ родичей - собственность общая, которая принадлежитъ всему роду, частной собственности у членовъ рода нѣтъ; родоначальникъ - старѣйшее лицо въ родѣ: сначала отецъ |дѣдъ или прадѣдъ|, по смерти отца старшій братъ |дядя| и т.д.

Такимъ образомъ, родъ это огромная разросшаяся семья, отрицающая семейное начало и частную собственность. Есть много основаній думать, что всѣ народы прошли черезъ эту ступень и всѣ когда то стояли на такой ступени развитія. Разумѣется, родовой бытъ съ теченіемъ времени смягчается: неограниченная власть родоначальника уменьшается; прежде она принадлежала старѣйшему въ родѣ, а теперь становится выборной; родъ распадается на отдѣльныя вѣтви, главы которыхъ участвуютъ въ управленіи всѣмъ родомъ; собственность изъ общей дѣлается по немногу частной.

Такую смягченную форму родового быта Эверсъ находитъ у славянъ въ эпоху образованія государства, свидѣтельствомъ чему служатъ многія лѣтописныя выраженія: "Полянамъ же живущимъ особо и володѣющимъ родомъ своимъ"; "Кій сѣдяще на горѣ и бѣ съ родомъ своимъ"; "и воста родъ на родъ и

быша усобица въ нихъ". Обычай родовой мести и такія выраженія, какъ: "вы не князья и не княжескаго рода", точно также свидѣтельствуютъ о существованіи отдѣльныхъ родовъ, которымъ уже нужны посредники для сношеній. Эверсъ высказываетъ предположеніе, что земля съ самаго начала принадлежала князьямъ, свидѣтельствомъ чему служитъ наслѣдованіе не сына отцу, а брата брату, какъ старшаго въ родѣ: Рюрику наслѣдуетъ не сынъ его Игорь, а Олегъ.

То, что у Эверса является только намекомъ, нашло себѣ дальнѣйшее развитіе въ трудахъ К.Д. Кавелина и С.М. Соловьева.

Соловьевъ выступилъ раньше, но въ виду большей послѣдовательности Кавелина въ развитіи родового начала слѣдуетъ начать съ него.

Въ своей статьѣ "Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи" Кавелинъ тщательно слѣдитъ за всѣми измѣненіями родового начала вплоть до перерожденія его въ государство, когда, исчезая, оно даетъ полный просторъ свободному развитію личности. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что существованіе вѣча, какъ особой формы народовластія, противорѣчитъ родовому устройству у славянъ. Но Кавелинъ объясняетъ его, какъ собраніе представителей отдѣльныхъ родовъ, на которые распался разросшійся родъ, въ періодъ, когда къ нимъ явились князья. Первое время съ ихъ призваніемъ какъ бы прекращается развитіе родового начала; однако, скоро князья-норманны и ихъ дружина усваиваютъ обычай и нравы славянъ и чужеземный элементъ растворяется въ славянскомъ морѣ.

Прервавшаяся нить возобновляется и князья сами начинаютъ руководиться родовымъ началомъ при передачѣ и наслѣдованіи столовъ, разсматривая землю, какъ родовую собственность всего княжескаго рода.

По мѣрѣ разростанія, въ силу внутреннихъ причинъ,родъ не можетъ держаться и раздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ вѣтвей, которыя въ свою очередь вырастаютъ въ самостоятельные роды, которые также дробятся и такъ продолжалось бы и по сю пору, если бы не появилось новое начало, положившее конецъ этому безконечному дробленію. | Примѣръ: единый княжій родъ Ярославичей распался на Ольговичей и Мономаховичей; Мономаховичи потомъ распались на Волынскихъ, Смоленскихъ и Суздальскихъ Мономаховичей и т.д.|

Случилось это на сѣверѣ, гдѣ одна семья осѣла, сказавъ: "это я и это мое", т.е. родовое начало уступило мѣсто другому, вышедшему изъ него же, именно началу семейному.Раньше былъ родъ и общее владѣніе, потомъ семья и частное или вотчинное; русская земля дѣлится такимъ образомъ между нѣсколькими семьями, которыя начинаютъ бороться между собой за первенство. Въ концѣ концовъ одна семья одерживаетъ верхъ надъ остальными, подчиняетъ ихъ себѣ и завладѣваетъ ихъ вотчинами, изъ совокупности которыхъ образуется государство. Съ образованіемъ государства начинаетъ освобождаться "личность", индивидуальность, которая раньше подавлена была началомъ родовымъ. Однимъ изъ первыхъ борцовъ за права личности на Руси былъ царь Іоаннъ Грозный, котораго Кавелинъ ставилъ очень высоко. Государство освободило личность отъ оковъ родового

начала |уничтоженіе мѣстничества|, но по бѣдности русской образованности не могло дать личности внутренняго содержанія; это содержаніе Русь должна заимствовать съ Запада, гдѣ государственное начало развилось слабѣе, чѣмъ у насъ, но гдѣ личность была гораздо богаче содержаніемъ. Слѣдовательно, обращеніе къ Западу при Петрѣ было законно и даже необходимо.

Въ такомъ видѣ теорія эта очень стройна: она различаетъ четыре ступени:

I – Родъ и общее владѣніе русской землей.

2 – Семья и вотчина.

3 – Государство и личность.

4 – Эпоха реформъ.

Теорія, построенная Кавелинымъ, стройна, но не выдерживаетъ многихъ возраженій, напр. неясно, отчего одна семья отдѣлилась отъ рода и ея примѣру послѣдовали всѣ прочія ? Образованіе государства и развитіе его у насъ не имѣло слѣдствіемъ освобожденіе личности, а совсѣмъ напротивъ - закрѣпощеніе ея отъ князя-боярина до крестьянина; единство дѣленія также не выдержано Кавелинымъ; поэтому на статью Кавелина слѣдуетъ смотрѣть, какъ на интересную и блестящую попытку построить систему русской исторіи, но не больше.

Воспитанникъ Московскаго университета, С.М. Соловьевъ выступилъ на научное поприще въ 40-хъ годахъ. Заграницей, куда Соловьевъ попалъ въ самый разцвѣтъ исторической школы, онъ усвоилъ себѣ основы новаго историческаго міровоззрѣнія. Отъ многихъ предшественниковъ |Каченов-

скаго, Щербатова, Болтина| онъ отличался тѣмъ, что будъ спеціалистомъ своего предмета; отъ своего учителя Погодина тѣмъ, что не придавалъ значенія отдѣльнымъ фактамъ, а дорожилъ теоріей и обобщеніями. Его первыя работы "Объ отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ" 1845 г. и "Исторія отношеній князей Рюрикова дома", 1847 г. заключаетъ въ себѣ изложеніе родовой теоріи и общаго хода развитія русской исторіи.

Построеніе Соловьева нѣсколько иное, чѣмъ у Кавелина. Родовой бытъ у русскихъ славянъ доказывается, какъ свидѣтельствомъ лѣтописи, такъ и междукняжескими отношеніями |подробности см. ниже, при объясненіи т.наз. удѣльнаго времени|. Благодаря родовымъ отношеніямъ разрозненныя племена стали сплочиваться въ одну русскую народность, именно князья, а съ ними и дружина, переходили по очереди старшинства изъ одного города въ другой и пріучали народъ къ совмѣстной жизни. Родовыя отношенія нерѣдко нарушались, ибо въ борьбу съ ними вступали семейныя отношенія: стремленіе отца передать наслѣдство сыну, а не брату; но въ каждой семьѣ |Мономаховичей, Ольговичей| потомъ начинались тѣ же явленія, что въ родѣ, и потому на смѣну родовому началу выступило не семейное, а территоріальное. Происхожденіе этого начала, обозначившагося со времени Андрея Боголюбскаго |ум. 1174 г.|, Соловьевъ объяснялъ гипотезою о старыхъ и новыхъ городахъ; эта гипотеза и заполнила пустое мѣсто, отмѣченное выше въ построеніи Кавелина. Новые города или пригороды есть колоніи старыхъ городовъ, зависящіе во всѣхъ отношеніяхъ отъ послѣднихъ

"на что же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ". Но пригороды стремятся къ самостоятельности и находятъ себѣ поддержку въ князьяхъ Суздальской земли; побѣда Владимира на Клязьмѣ надъ Ростовомъ и Суздалемъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ побѣда кн. Андрея Боголюбскаго. Городская община есть выраженіе территоріальнаго начала, которое и вытѣсняетъ родовыя отношенія: старые большіе города были соперниками княжеской власти; въ Сѣверной Руси значеніе ихъ уничтожено и здѣсь князь сростается съ волостью, интересы князя и волости отожествляются, самыя усобицы принимаютъ другой характеръ, другую цѣль, именно усиленіе одного княжества насчетъ всѣхъ другихъ, при такой цѣли родовыя отношенія рушатся и постепенно переходятъ въ государственныя, но родовыя начала еще сильны: князья-государи отвергли ихъ, но населеніе еще держится за нихъ, борьба обостряется при Грозномъ и въ Смутное время и оканчивается полною побѣдою государственнаго начала. Слѣдовательно, Соловьевъ различаетъ: господство родовыхъ отношеній до половины XII ст., проявленіе государственныхъ началъ въ XII-XV в., борьба и побѣда ихъ надъ родовыми началами XVI-XVII в. И эта теорія не вполнѣ удовлетворяетъ въ настоящее время; она не объясняетъ, почему именно въ Суздальской Руси новые города сыграли такое значеніе, а въ другихъ земляхъ они не имѣли этого значенія ?

Главная заслуга Соловьева - это его "Исторія Россіи

Лекціи по Русской Исторіи. Листъ 5-ый.
Литограф. Богданова. Эртелевъ пер. д.№ I. Директоръ

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

съ древнѣйшихъ временъ" - 29 томовъ; Соловьевъ остановился на изображеніи эпохи Екатерины II. Благодаря его таланту и необыкновенному трудолюбію русское общество имѣетъ свою національную исторію. По содержанію исторія Соловьева - есть исторія государства; Соловьевъ принадлежитъ къ историко-юридической школѣ; онъ, по преимуществу, слѣдитъ за измѣненіями формъ государственной жизни Россіи; съ любовью подчеркивая успѣхи государства, Соловьевъ отрицательно относится къ элементамъ враждебнымъ государству. Народъ и его психологія часто отсутствуютъ у Соловьева; сравнительно мало вниманія онъ удѣляетъ и отдѣльнымъ личностямъ: съ его точки зрѣнія отдѣльная личность и не могла много сдѣлать въ общемъ развитіи историческаго процесса; отъ этого русская исторія и сама по себѣ не очень богатая выдающимися лицами, еще болѣе такъ сказать обезличивается въ изложеніи Соловьева. Громадный его трудъ |онъ выпускалъ по тому ежегодно| не могъ быть обработанъ художественно; нѣкоторые томы, особенно изъ послѣднихъ, мало связаны и во внутреннемъ своемъ содержаніи. Но это объясняется тѣмъ, что работая надъ архивнымъ матеріаломъ, извлекая новыя данныя, Соловьевъ не зналъ, что онъ встрѣтитъ въ своихъ источникахъ дальше и потому воздерживался иногда отъ выводовъ и обобщеній, къ которымъ онъ былъ способенъ, какъ немногіе историки. Когда онъ имѣлъ возможность остановиться, передохнуть, оглянуться назадъ, онъ давалъ замѣчательныя обобщенія и общія картины; такъ напр. вступленіе въ русскую исторію, характеристика междукняжескихъ отношеній,

ростъ Московскаго княжества, изображеніе Россіи передъ реформою Петра, характеристика времени Елизаветы Петровны, публичныя лекціи о Петрѣ Великомъ и т.п.

Исторія Россіи Соловьева надолго еще останется богатой сокровищницей, изъ которой публика и ученые долго будутъ черпать необходимыя свѣдѣнія.

Въ то время, какъ трудами Эверса, Соловьева и Кавелина создавалась родовая теорія, противъ нея выступилъ славянофильскій кружокъ со своимъ своеобразнымъ историческимъ міровоззрѣніемъ, которое развилось не на научной, а на метафизической почвѣ. Кружокъ этотъ началъ складываться въ 20-хъ годахъ XIX в., а окончательно опредѣлился и сформировался въ 30-хъ и 40-хъ годахъ.[x] Въ то время [т.е. въ 20-хъ годахъ] между внѣшнимъ и внутреннимъ состояніемъ Россіи была громадная разница: съ внѣшней стороны Россія стояла во главѣ союза европейскихъ государствъ; съ внутренней же тотъ самый народъ, который далъ свободу другимъ народамъ, у себя дома терпѣлъ рабство и невѣжество цѣлаго класса людей. Такое противорѣчіе между внѣшнимъ успѣхомъ и внутреннимъ состояніемъ государства не могло не поразить русскихъ образованныхъ людей; не могли они не видѣть и той громадной пропасти, которая отдѣляла народъ отъ образованнаго меньшинства. Изъ среды этого образованнаго меньшинства выдѣлились лучшіе его представители, которые были недовольны настоящимъ и среди которыхъ жила потребность идеала, и образовали кружокъ съ цѣлью отыскать причину разла-

---

[x] Пыпинъ. "Характеристика литературныхъ мнѣній".

да между интеллигенціей и народомъ и средства для его устраненія. Но прямая практическая дѣятельность, въ смыслѣ пробудившихся общественныхъ стремленій, была въ то время невозможна, и потому весь трудъ лучшихъ людей того времени ушелъ на исканіе и созданіе отвлеченнаго идеала. Это движеніе пошло по двумъ направленіямъ. Оба не удовлетворялись настоящимъ, оба относились къ нему отрицательно, но одно видѣло спасеніе въ большемъ распространеніи образованія, въ усвоеніи европейскихъ знаній и въ сообщеніи народу всѣхъ тѣхъ благъ цивилизаціи, которыя высшіе классы получили отъ западной Европы, благодаря реформамъ Петра, словомъ, видѣло спасеніе въ томъ, чтобы поднять народъ до себя |западники|.

Другое направленіе тоже искало лучшаго, но искало это лучшее въ самомъ народѣ, въ его вѣрованіяхъ, въ его бытѣ, въ его общественныхъ инстинктахъ, и поэтому видѣло спасеніе не въ томъ, чтобы поднять народъ до образованнаго меньшинства, а наоборотъ, чтобы этому образованному меньшинству проникнуться народными идеалами. Это послѣднее направленіе было направленіе славянофильское. Отношеніе славянофиловъ къ народу было не простое и свободное, а искусственное, теоретическое и, главнымъ образомъ, философско-романтическое; основную черту романтизма славянофиловъ представляло стремленіе къ давно прошедшему: народъ, къ которому они стремились, былъ не столько настоящій, нынѣшній народъ, сколько идеализированный народъ прошлаго. Прошедшее казалось имъ идеаломъ, такъ какъ въ немъ славянофилы не видѣли

разлада между народомъ и интеллигенціей, а напротивъ, видѣли полное единство власти, общества, народа, господство однихъ крѣпкихъ преданій, вѣрованій и обычаевъ; это единство было разорвано Петровской реформой, которая нарушила естественный ходъ русской жизни, и поэтому славянофилы относились къ реформамъ Петра враждебно и видѣли въ нихъ оскорбленіе національнаго самолюбія. Чувство оскорбленнаго національнаго самолюбія, выразившееся въ славянофильствѣ, проскальзывало уже въ протестѣ раскольниковъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, въ интригахъ русскихъ вельможъ противъ иностранцевъ, въ ненависти къ Бирону,- на это чувство опиралась Елизавета Петровна и Екатерина II при вступленіи на престолъ, оно прорывалось у Ломоносова и у Грибоѣдова; но въ этихъ случаяхъ оно было еще безсознательнымъ, и только въ славянофильствѣ выразилось вполнѣ ясно и сознательно.

Кружокъ, изъ котораго выросли западники и славянофилы, выросъ всецѣло на почвѣ германской метафизической философіи начала XIX в. и именно философіи Гегеля, въ которой образованные люди того времени видѣли откровеніе: Германія была для нихъ "Іерусалимомъ новѣйшаго человѣчества," какъ выразился Бѣлинскій. Многіе философы и до Гегеля старались дать философію исторіи, но никто не далъ такой стройной системы, какъ этотъ послѣдній философъ. Гегель старался дать общую картину мірового прогресса; всемірная жизнь, по его мнѣнію, есть развитіе всемірнаго, абсолютнаго духа, который стремится проявиться въ различныхъ народахъ. Признакомъ этого проявленія можетъ служить

большее или меньшее развитіе свободы личности, такъ что, чѣмъ дальше движется исторія, т.е. чѣмъ личность дѣлается свободнѣе, тѣмъ проявленіе всемірнаго духа больше. Культурные народы древняго востока, античнаго міра и западной Европы были поставлены Гегелемъ въ извѣстный порядокъ, представлявшій лѣстницу, по которой всходилъ міровой духъ. Внизу этой лѣстницы стояли культурные арійскіе народы востока, въ которыхъ міровой духъ проявляется впервые; но проявленіе его незначительно, потому что на востокѣ свободенъ только царь, свобода же отдѣльной личности парализуется его безграничной властью. Выше стояли греки, но и въ нихъ проявленіе всемірнаго духа было невелико, такъ какъ и тамъ свободны были лишь нѣкоторые; наконецъ, наверху этой лѣстницы стояли германцы, которые съ принятіемъ христіанства поняли, что свобода должна быть достояніемъ всякаго отдѣльнаго человѣка: имъ Гегель и пророчилъ вѣчное міровое главенство. Всѣ народы по взгляду Гегеля, дѣлятся на историческіе и на неисторическіе. Всякій историческій народъ долженъ осуществлять какую нибудь абсолютную идею добра, правды и красоты, и историческое призваніе народа заключается въ раскрытіи этой идеи міру. Исполнивъ свое призваніе и сдѣлавъ, такимъ образомъ, шагъ впередъ на поприщѣ всемірной цивилизаціи, народъ сходитъ съ исторической сцены. Но бытіе многихъ народовъ не одухотворено идеей безусловнаго, и такіе народы суть неисторическіе,- они осуждены на духовное рабство у другихъ націй. Къ неисторическимъ народамъ, по мнѣнію Гегеля, принадлежатъ славяне. Знакомство съ этой философіей повліяло на русскіе

умы въ томъ смыслѣ, что возбудило стремленіе изучить русское прошлое, отыскать ту абсолютную идею, которая осуществлялась въ русской жизни, опредѣлить мѣсто и значеніе русскаго народа въ ходѣ мірового прогресса.

Съ этою цѣлью среди московскихъ студентовъ образовался кружокъ, членами котораго были Герценъ, Огаревъ, Бѣлинскій, Кетчеръ, Станкевичъ, Боткинъ, Константинъ и Иванъ Аксаковы, братья Кирѣевскіе, Хомяковъ и др. Этотъ кружокъ вскорѣ распался на два: члены одного, именно- Герценъ, Огаревъ, Бѣлинскій и др. занимались общественными вопросами и политической экономіей; члены же другого - Станкевичъ, Бакунинъ, К.Аксаковъ, Боткинъ и вначалѣ Бѣлинскій увлекались философіей по преимуществу. Въ это время Грановскій, возвратившійся изъ-за границы, сгруппировалъ вокругъ себя членовъ перваго кружка, и съ этихъ поръ оба кружка окончательно раздѣлились на западниковъ и славянофиловъ, и каждый пошелъ своимъ путемъ. Первое время сношенія между кружками не прекращались, и сношенія эти были дружескія. Члены кружковъ часто вступали въ споры, которые вертѣлись около слѣдующихъ темъ: "что правитъ міромъ - свободно творящая воля или законъ необходимости?... въ чемъ заключается разница между русскимъ и западнымъ просвѣщеніемъ, въ одной ли степени развитія или въ самомъ характерѣ просвѣтительныхъ началъ? предстоитъ ли русскому просвѣщенію проникаться все болѣе и болѣе не только внѣшними результатами, но и самыми началами западно-европейскаго просвѣщенія или, вникнувъ глубже въ собственный православно-русскій духовный бытъ, опознать

въ немъ начало новаго будущаго фазиса общечеловѣческаго развитія?" Сколько споровъ вызывало положеніе Гегеля, что все существующее разумно, и все разумное существуетъ. Изъ-за толкованія этого положенія гегеліанцы у насъ и на западѣ раздѣлились на два лагеря, правыхъ и лѣвыхъ; одни изъ нихъ говорили, что этимъ положеніемъ Гегель оправдываетъ всякій существующій строй, а другіе не могли съ этимъ согласиться.

Въ это время появилось письмо Чаадаева, напечатанное въ "Телескопѣ" въ 1836 г.; въ немъ авторъ говоритъ, что онъ страшно желалъ бы уразумѣть свое національное прошлое, потому что полезнымъ своему отечеству можетъ быть "только подъ условіемъ ясно его видѣть". Но не имѣя спеціальныхъ историческихъ знаній и научной подготовки, Чаадаевъ не могъ ясно видѣть это прошлое и только старался угадать его. Вслѣдствіе этого онъ пришелъ къ такому заключенію, что древняя Русь не имѣла ни исторіи, ни культуры, что, принявъ христіанство и вмѣстѣ съ тѣмъ и цивилизацію отъ Византіи, которая въ то время находилась въ упадкѣ, была растлѣнна, Россія восприняла вмѣстѣ съ нимъ это растлѣніе. Отсюда все зло русскихъ учрежденій и русской жизни. Единственной свѣтлой точкой на горизонтѣ русской исторіи былъ Петръ, "который отрекся отъ древней Руси предъ лицомъ всего міра, вырылъ пропасть между нашимъ прошедшимъ и нашимъ настоящимъ и бросилъ въ нее кучей наши преданія". Все спасеніе Россіи заключается въ отрицаніи своего прошлаго,

своихъ преданій, вѣрованій и обычаевъ, своей самобытности и въ сліяніи съ Западомъ, даже съ его религіознымъ бытомъ; Чаадаевъ даже не останавливается передъ принятіемъ католичества для болѣе полнаго сліянія, такъ какъ главная причина печальнаго положенія Россіи, по его мнѣнію заключается въ томъ, что она не принадлежитъ къ тому "умственному и нравственному союзу католичества, который связываетъ всѣ европейскіе народы въ одну нераздѣльную семью". Письмо это произвело сильное впечатлѣніе въ обществѣ; а Чаадаевъ поплатился за него высылкой; Телескопъ былъ запрещенъ.

По своему взгляду на Петра Чаадаевъ является какъ бы предшественникомъ западниковъ, но по главнымъ основамъ своей философіи онъ къ нимъ не принадлежитъ и стоитъ совершеннымъ особнякомъ въ исторіи русской мысли. Западники развивали *свои* взгляды болѣе стройно и свѣтлѣе смотрѣли на русскую жизнь въ ея настоящемъ и, главнымъ образомъ, въ ея будущемъ: лучшею частью ихъ ученія служитъ мысль, что необразованному русскому народу рано погружаться въ мистицизмъ, рано относиться съ пренебреженіемъ къ западной цивилизаціи, у которой онъ, т.е. русскій народъ, можетъ многому научиться; Россіи, часть населенія которой не называетъ себя полнымъ именемъ, а какими то кличками вродѣ: "Ванька","Васька" и т.д., нужно какъ можно больше человѣческаго достоинства; какое же право имѣютъ русскіе относиться пренебрежительно къ Западу, который сознаніе человѣческаго достоинства добылъ кровавымъ потомъ?

Но западники повѣрили Гегелю, что германо-протестанская цивилизація есть послѣднее слово мірового прогресса, и въ этомъ заключается ихъ грубая ошибка.

Славянофилы же, наоборотъ, не видѣли причины, почему міровое развитіе должно остановиться на германцахъ, не хотѣли примириться съ тѣмъ, что славянское племя не историческое, и подъ вліяніемъ новѣйшей исторіи стали искать національные принципы, народныя особенности и предназначенія, стали отыскивать роль русскаго народа въ судьбахъ человѣчества и т.д.

Первымъ славянофиламъ казалось, что они призваны освободить русскую мысль изъ-подъ европейскаго ига, найти истинно-народныя основы нашей общественной и умственной жизни и дать имъ силу; но они еще не рѣшались отвергать заслуги западно-европейской цивилизаціи. Новѣйшіе же славянофилы проповѣдывали о гніеніи запада, возвеличивали московскій бытъ до-петровскаго времени и возвродили его въ степень новаго принципа цивилизаціи; они были увѣрены, что истинно-народныя основы русской общественной и умственной жизни найдены ими, и что не признаютъ ихъ и спорятъ противъ нихъ только люди, лишенныя пониманія или даже дурные патріоты.

Старѣйшими представителями славянофильской школы были: братья Кирѣевскіе и Хомяковъ; къ нимъ тѣсно примыкали болѣе молодые: Дм. Валуевъ, Конст. и Иванъ Аксаковы, Самаринъ, Ламанскій, Кошелевъ, Елагинъ, Новиковъ, Гильфердингъ, Чижовъ и др. Въ 60-хъ годахъ славянофиль-

ская школа начинаетъ клониться къ упадку.

Главное основное положеніе славянофильской школы, что православно-славянскій міръ, въ частности русскій народъ, представляетъ истинное выраженіе христіанскихъ началъ, общества и государства, а міръ западный - ихъ извращеніе, было высказано впервые Ив. Кирѣевскимъ въ его сочиненіи "О характерѣ просвѣщенія Европы и объ его отношеніи къ просвѣщенію Россіи". Въ этомъ сочиненіи Кирѣевскій говоритъ, что европейская образованность дѣлится на 2 міра: западный |представитель его - Западная Европа| и восточный или греко-славянскій |представитель - русскій народъ|, между которыми лежитъ глубокое коренное различіе. Западная образованность составилась изъ 3-хъ элементовъ: I| христіанства, 2| античной образованности, 3| варварства. Христіанство въ Западную Европу проникло единственно черезъ церковь римскую, которая была не вселенскою, а только частною церковью. Каждая же частная церковь, участвуя въ общемъ единствѣ вселенской церкви, имѣетъ свои личныя особенности, которыя зависятъ отъ характера умственной дѣятельности народа, сложившагося подъ вліяніемъ мѣстныхъ, племенныхъ или историческихъ условій. Эти личныя особенности церквей были даже желательны. Римская церковь, прежде чѣмъ отдѣлиться отъ вселенской церкви, имѣла свою законную особенность - преобладаніе внѣшней разсудочности надъ внутренней сущностью; но отдѣлившись она, естественно, должна была эту частную особенность обратить въ исключительную форму, черезъ которую христіанское ученіе могло проникнуть въ

умы ей подчиненныхъ народовъ. Такимъ образомъ, европейскіе народы приняли христіанство не въ чистомъ видѣ, а въ извращенномъ внѣшней разсудочностью.- Протестанство, отрицая дурныя стороны католичества, ударилось въ другую крайность; возвратить же ему первоначальную чистоту оно не могло, такъ какъ вышло изъ того же католичества.

Нападать на европейскую образованность было гораздо труднѣе, но и въ ней Кирѣевскій нашелъ массу коренныхъ недостатковъ. Онъ обвинялъ ее въ односторонности, сухости, въ ея служебныхъ цѣляхъ, въ отсутствіи жизни и въ преобладаніи разсудочнаго элемента. Причину такого характера европейской образованности Кирѣевскій видитъ въ томъ, что образованность античнаго міра была извѣстна Западу до ХУ вѣка только въ видѣ образованности римской, тогда какъ Римъ далеко не былъ представителемъ всего языческаго просвѣщенія: ему принадлежало только матеріальное господство надъ міромъ, умственное же господство надъ нимъ принадлежало языку и образованности греческой, которая, проникнувъ въ Европу только въ ХУ вѣкѣ, не могла уже измѣнить господствующаго направленія. Образованность Западной Европы, вслѣдствіе преобладанія въ ней внѣшней разсудочности надъ внутренней сущностью вещей, должна была окончиться "разрушеніемъ всего умственнаго и общественнаго зданія, ею же самою воздвигнутаго."

Наконецъ, третій составной элементъ западнаго просвѣщенія, опредѣлившій бытовыя формы Европы, также противодѣйствовалъ общему единомыслію и цѣльности общественнаго организма. Общественный бытъ Европы почти вездѣ

возникъ насильственно, изъ борьбы на смерть двухъ враждующихъ началъ: изъ угнетенія побѣдителей и изъ противодѣйствія побѣжденныхъ. Мысль объ общей государственности и народности не могла проникнуть въ сердце завоевателей: "и вотъ непримиримая вражда между побѣдителями и побѣжденными проходитъ черезъ послѣдующую исторію каждаго народа уже въ видѣ борьбы сословій, возникшей вслѣдствіе исключительныхъ преимуществъ одного сословія и безправія, соединеннаго съ глубокимъ негодованіемъ другого. Начавшись насиліемъ, европейскія государства должны были развиваться скачками и переворотами", потому что "развитіе государства есть ничто иное, какъ раскрытіе внутреннихъ началъ, на которыхъ основано". Такимъ образомъ, европейскія общества, основанныя насиліемъ, проникнутыя разсудочностью, должны были развивать въ себѣ "не общественный духъ, а духъ личной отдѣльности." Оттого исторія Европы представляетъ только внѣшніе признаки процвѣтанія общественной жизни, но подъ общественными формами скрываются однѣ лишь частныя партіи, забывающія для своихъ частныхъ выгодъ о жизни цѣлаго государства.

Изъ всѣхъ своихъ разсужденій о европейскомъ просвѣщеніи Кирѣевскій дѣлаетъ выводъ, что европейская цивилизація не имѣетъ цѣльности, что Западъ сказалъ уже все, что въ состояніи былъ сказать, и въ лицѣ Гегеля онъ дошелъ до конечнаго пункта своего развитія. И теперь для того, чтобы не погибнуть, ему нужно обратиться къ тому народу, у котораго сохранилось единство и цѣльность міросозерцанія; а этотъ народъ есть русскій народъ. Три элемента За-

пада были совершенно чужды Россіи. Русскій народъ принялъ христіанство отъ Византіи, т.е. принялъ православіе, которое есть единственно истинное христіанство, такъ какъ его ученія собраны и утверждены не какою нибудь одною частною церковью, а соборами вселенской церкви, сознаніемъ цѣлаго государства. Церковь православная, утвердившись въ Россіи, не стремилась къ свѣтской власти, какъ церковь римская, но твердо опредѣлила границы между собою и государствомъ, стояла высоко надъ нимъ, какъ "недосягаемый свѣтскій идеалъ", къ которому государство должно стремиться, и никогда не искала формальнаго господства надъ правительственною властью. Чистыя, православныя начала имѣли громадное вліяніе не только на духовныя понятія, но и на понятія нравственныя, общежительныя и юридическія, - эти христіанскія начала придали общественному устройству древней Руси христіанское направленіе: Русь нравственно была "святая Русь" и не похожа въ этомъ на "священную Римскую Имперію". Дальше Кирѣевскій говоритъ, что духовное вліяніе церкви на развитіе общественности могло быть тѣмъ полнѣе и чище, что никакое историческое препятствіе не мѣшало внутреннимъ убѣжденіямъ людей выражаться въ ихъ внѣшнихъ отношеніяхъ. "Не искаженная завоеваніями Русская земля въ своемъ внутреннемъ устройствѣ не стѣснялась тѣми насильственными формами, какія должны возникать изъ борьбы двухъ ненавистныхъ племенъ, принужденныхъ въ постоянной враждѣ устраивать свою совмѣстную жизнь. Въ ней не было ни завоевателей ни завоеванныхъ." Вслѣдствіе простыхъ и естественныхъ отношеній и законы, выражающіе эти отношенія, выходя "изъ бытового

преданія и изъ внутренняго убѣжденія," должны были носить въ своемъ духѣ характеръ болѣе внутренней, чѣмъ внѣшней правды, предпочитая "святость преданія - логическому выводу; нравственность требованія - внѣшней пользѣ". Въ концѣ своей статьи Кирѣевскій приходитъ къ тому выводу, что послѣднее выраженіе древней русской образованности есть цѣльность и разумность, въ противоположность западноевропейской, которая пришла къ раздвоенію и разсудочности. Но здѣсь невольно является вопросъ: почему же эта цѣльность не сохранилась до сихъ поръ? - Кирѣевскій причину этого явленія видитъ въ реформѣ Петра, который произвелъ насильственный переворотъ.

Статья Кирѣевскаго положила начало славянофильскому ученію, которое долно было развиваться дальше. Хомяковъ, самый умный и послѣдовательный изъ славянофиловъ, не могъ не замѣтить пробѣловъ въ статьѣ Кирѣевскаго. Онъ признавалъ, что критика европейскаго строя сдѣлана блистательно; что же касается русскаго строя, то здѣсь много натяжекъ и пробѣловъ. Хомяковъ спрашиваетъ, когда же было на Руси единство, о которомъ говоритъ Кирѣевскій? "Въ эпоху ли кроваваго спора Ольговичей и Мономаховичей на югѣ, Владимирскаго княженія съ Новымъ Городомъ на сѣверѣ и безнравственныхъ смутъ Галича, безпрестранно измѣнявшаго самой Руси? Въ эпоху ли, когда Московскіе князья, опираясь на дѣйствительное и законное стремленіе большей части земли русской къ спасительному единству, употребляли русское золото на подкупъ татаръ и татарское желѣзо на уничтоженіе своихъ рус-

скихъ соперниковъ? Въ эпоху ли Василія Темнаго, ослѣпленнаго ближайшими родственниками и вступившаго въ свою отчизну съ помощью полчищъ иноземныхъ? Или при Иванѣ III и его сынѣ двуженцѣ?"Нѣтъ!" восклицаетъ онъ, "велико это слово; какъ ни дорога мнѣ родная Русь въ ея славѣ современной и прошедшей, сказать этого объ ней я не могу и не смѣю."

Это возраженіе Хомякова, конечно, вѣрно: та цѣльность, о которой говоритъ Кирѣевскій, отсутствовала въ древней Руси. Далѣе: православіе, "которымъ милостью Божіей , вызвана была земля русская изъ мрака и сна языческаго невѣжества, пришло изъ имперіи Византійской; почему же оно не спасло ее отъ гибели и паденія?" Причину этого Хомяковъ видитъ въ томъ, что византійцы были эллинами по просвѣщенію и римлянами по государственности. Христіанство не могло разорвать всю ту сѣть "злыхъ противохристіанскихъ началъ," которыя Византія получила въ наслѣдство отъ языческаго міра, и которыя охватили весь ея общественный и государственный строй; оно стало удаляться въ "душу человѣка" и, оставляя въ сторонѣ общественную жизнь, старалось улучшить его частную жизнь. Имперія, истощая свои нравственныя силы въ разладѣ общихъ учрежденій съ нравственнымъ закономъ, падала все ниже и ниже, общественная неправда заражала ее все болѣе и болѣе, вслѣдствіе чего "лучшія могущественнѣйшія души", чтобы спасти свѣтлыя христіанскія начала, стали удаляться въ пустыни и тамъ, въ тишинѣ созерцательной жизни, старались вполнѣ уяснить, разработать христіанское ученіе и сохранить его въ чистотѣ и цѣльности. И это великое дѣло, - дѣло разработки и сохраненія въ чистотѣ христіанскихъ

просвѣтительныхъ началъ выполнила Византія въ "святилищѣ своихъ пустынь и монастырей." Въ этихъ пустыняхъ и монастыряхъ спасалась будущая Русь, такъ какъ отсюда чистыя христіанскія начала были перенесены отшельниками и монахами на свѣжую русскую землю, не закованную въ формы уже опредѣлившагося политическаго общества, не испорченную завоеваніями и по своимъ основамъ готовую къ принятію высшаго духовнаго начала. Вслѣдствіе этого Русь "едва озарилась лучомъ истиннаго ученія, какъ уже стала безконечно выше Византіи". Такимъ образомъ, съ принятія христіанства началось развитіе русской жизни, но это развитіе тормозилось и измѣнялось нѣкоторыми историческими обстоятельствами. Россія, не огражденная ничѣмъ отъ внѣшнихъ вліяній, не имѣла той цѣльности и стройности въ общественной жизни, которыя необходимы для быстраго и полнаго развитія просвѣтительныхъ началъ. Сѣверныя славянскія племена, призвавъ князя для водворенія у себя внутренняго порядка и для огражденія своей земли отъ нападенія враговъ, составили союзъ подъ княжескимъ правленіемъ Рюрикова дома; къ этому союзу были насильно привлечены и другія славянскія племена. Вслѣдствіе этого произошло двоякое раздѣленіе: 1| съ одной стороны былъ князь съ дружиной, а съ другой народъ, представлявшій союзъ славянскихъ племенъ, и отношенія земли не были одинаковы ни къ общему правительству, ни къ общему союзу. 2| Самъ народъ не составлялъ одного цѣльнаго тѣла: славянскія племена, во-

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

шедшія въ союзъ, стремились сохранить отдѣльность отъ всѣхъ остальныхъ. Такимъ образомъ, въ русской землѣ существовало начало раздвоенія и борьбы, которое проникало насквозь все историческое развитіе русской земли и мѣшало цѣльности, стройности и полнотѣ ея образованія; представителемъ этого"низшаго" начала была областная земщина.

Но съ принятіемъ христіанства въ русскую историческую жизнь проникаетъ новое начало "высшее",- стремленіе къ единству всей земли, которое создаетъ православная церковь -"общая всѣхъ мать, примирительница всякаго раздора" - и поддерживаютъ князь, дружина и нѣкоторыя отдѣльныя племена. Съ этого времени на протяженіи всей русской исторіи красной нитью проходитъ борьба высшаго и низшаго начала, причемъ торжествуетъ то одно, то другое. Здѣсь невольно является вопросъ: почему христіанство не могло дать развитію Россіи цѣльности и стройности ? Хомяковъ объясняетъ это явленіе тѣмъ, что русскому обществу не доставало сознанія своего единства, а безъ этого сознанія и самое единство не могло быть прочнымъ; таковымъ оно можетъ быть только тогда, когда русскій народъ черезъ изученіе, но не черезъ воскрешеніе старыхъ общественныхъ формъ сознаетъ свое единство. Въ этомъ случаѣ и Западу будетъ чему поучиться у насъ.

У первыхъ двухъ славянофиловъ нѣтъ еще ненависти къ Западу, они еще не впадаютъ въ крйности, стараются отдавать справедливость западно-европейской наукѣ и находятъ даже, что въ области науки, въ области разнообразныхъ открытій и изобрѣтеній Россія многое можетъ позаимствовать

у Европы. Но не то у ихъ учениковъ. Самаринъ занялся выясненіемъ превосходства православія надъ западною церковью. Онъ останавливался также на значеніи народности. Съ точки зрѣнія простой общее всегда выше частнаго, т.е. народность растворяется въ общечеловѣческомъ. На это Самаринъ отвѣчаетъ, что народность всетаки необходима: нѣтъ ни одного писателя, который далъ бы болѣе или менѣе выдающееся произведеніе, не проникнутаго народностью |Гете, Данте, Шекспиръ были ею проникнуты|. Идеалъ общій у всѣхъ, но форма, въ которой онъ выражается, должна быть народной. Затѣмъ онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, которые считаетъ убѣдительными: отчего Карамзинъ нападалъ на Годунова и отрицательное отношеніе къ нему сохранилось до сихъ поръ ? Оттого, что взглядъ на Годунова, какъ на преступника, былъ народный.

Изъ послѣдующихъ славянофиловъ слѣдуетъ отмѣтить К.Аксакова. К. Аксаковъ, ученикъ Хомякова, приходитъ къ тому заключенію, что русскій народъ - не народъ, а человѣчество; его исторія есть всеобщая, всемірная исповѣдь, потому что нашла внутри себя правду, и ее, т.е. русскую исторію,должно читать какъ житія святыхъ, такъ какъ въ ней заключается идеалъ, который крѣпче всякихъ гарантій, существующихъ въ западно-европейской исторіи, связываетъ народъ и власть между собой. "Гарантія есть зло", говоритъ онъ: "гдѣ нужна она, тамъ нѣтъ добра. Вся сила въ идеалѣ...въ нравственномъ убѣжденіи. Это сокровище есть въ Россіи, потому что она всегда въ него вѣрила и не прибѣгала къ договорамъ". Въ заслугу Аксакову [x] можно вмѣнить то, что онъ

первый вноситъ въ русскую историческую жизнь новое начало - общину, которую видитъ очень рано, а родовой бытъ отодвигаетъ далеко вглубь исторіи. Общину, въ которой онъ видитъ спасеніе и которую считалъ идеальной, онъ понималъ, какъ общину, которая существовала у современныхъ ему крестьянъ. Аксаковъ разработалъ теорію общиннаго быта только въ общихъ чертахъ, оправдать же эту теорію на практикѣ онъ не былъ въ состояніи - ему не доставало для этого необходимой подготовки и знаній и онъ навсегда остался диллетантомъ.

Нужно отмѣтить еще одну особенность Аксакова и послѣдующихъ славянофиловъ, - это культъ Москвы и ненависть къ Петербургу. Свое пристрастіе къ Москвѣ славянофилы объясняли тѣмъ, что Москва въ лучшую эпоху русскаго государства была нравственнымъ центромъ и ей должна принадлежать рѣшающая роль; а Петербургу, по выраженію Аксакова, слѣдовало бы провалиться, такъ какъ онъ является представителемъ той эпохи русской исторической жизни, когда государство разрываетъ союзъ съ землей и, начиная новый порядокъ вещей, подчиняетъ ее себѣ; измѣняя землѣ, народу, государство измѣняетъ и народности; только одинъ простой народъ остается вѣрнымъ прежнимъ началамъ. Этими соображеніями славянофилы объясняютъ свою ненависть къ Петербургу и къ реформамъ Петра, которыя называютъ измѣной основнымъ началамъ русской исторической жизни.

Послѣ Аксакова русское славянофильство мало по малу

---

x| къ стр. 83. Актовая рѣчь Костомарова - „объ историческихъ трудахъ Аксакова."

вырождается въ панславизмъ, съ его мечтами о всеславянской федераціи, имѣющей главой Россію, а столицею Константинополь.

Изъ представителей славянофильства послѣ Аксакова упомянемъ Гильфердинга, который въ своемъ историко-философскомъ построеніи дѣлитъ арійскіе народы на двѣ группы: у народовъ первой группы преобладаетъ развитіе личности, духовной культуры, процвѣтаетъ литература и искусство. Народы второй группы, уступая первымъ во всѣхъ отношеніяхъ, превосходятъ ихъ общиннымъ и государственнымъ сознаніемъ, недостатокъ котораго характеризуетъ первую группу. Въ исторіи арійскіе народы выступаютъ попарно, по одному изъ каждой группы, причемъ послѣдующая пара уже всегда выше предыдущей: сначала выступаютъ индусы отъ первой и персы отъ второй группы, затѣмъ греки и римляне и, наконецъ, германцы и славяне.

Данилевскій въ своемъ сочиненіи "Россія и Европа" отвергъ гегелевское дѣленіе народовъ на историческіе и неисторическіе, отвергъ и гегелевское послѣдовательное выступленіе историческихъ народовъ на сцену міровой жизни. Онъ полагалъ, что все человѣчество необходимо развивается по нѣсколькимъ культурно-историческимъ типамъ, изъ которыхъ каждый вноситъ что нибудь свое въ общую сокровищницу всемірной цивилизаціи. Славянскій русскій культурно-историческій типъ тоже стремится развить какую нибудь сторону человѣческаго духа, осуществить свое особое назначеніе, проявленіе такого политическаго смысла, который выразился въ стремленіи къ общности, есть спеціальное на значеніе славяно-

русскаго типа.

Два славянофила-общинника, Бѣляевъ и Лешковъ, задались цѣлью развить главныя основанія Аксакова объ общинѣ, вслѣдствіе чего, какъ у одного, такъ и у другого очень много общаго въ основныхъ положеніяхъ; разница же заключается только въ томъ, что Лешковъ русскую общину держитъ ближе къ землѣ, а Бѣляевъ - къ городу, вѣчу.

Къ славянофиламъ можно также причислить Леонтьева и Вл. Соловьева, но, впрочемъ, съ большими оговорками. |Милюковъ въ своей книгѣ "Разложеніе славянофильства" разсматриваетъ воззрѣнія Данилевскаго, Леонтьева и Вл. Соловьева |. Съ 60-х годовъ ученіе славянофиловъ стало падать.

Въ 30-хъ, 40-хъ гг. появилось такъ называемое украинское славянофильство |терминъ очень неточный|. Явилось оно въ Кіевѣ и отчасти въ Харьковѣ. Въ его основѣ лежитъ та же любовь къ народности, что и въ славянофильствѣ московскомъ, съ тѣмъ отличіемъ, что оно, это украинское славянофильство, признаетъ за малорусскимъ племенемъ право на особое существованіе и даже, быть можетъ, на первенство, въ силу чего относится съ замѣтной враждебностью къ Москвѣ и московскому періоду русской исторіи. Среди малороссійскихъ ученыхъ,принадлежавшихъ къ этой школѣ, видное мѣсто занимаютъ Максимовичъ, Рубанъ и Н.И. Костомаровъ.

Максимовичъ принялся за выясненіе того, что такое малорусское племя. М.П. Погодинъ утверждалъ, что малороссы не потомки древнихъ славяно-русскихъ племенъ полянъ, дулѣбовъ и др., а образовались изъ смѣшенія переселенцевъ изъ Рѣчи Посполитой съ тюрками. Максимовичъ горячо спорилъ про

тивъ этого тезиса. Онъ принялся также за изученіе казачества. Споръ этотъ усилился въ 60-хъ годахъ и затѣмъ возникалъ неоднократно и впослѣдствіи т.н. споръ"сѣверянъ и южанъ". Споръ этотъ не всегда велся на стрго научной почвѣ, съ нимъ соединялись вопросы о правахъ малорусскаго языка, малорусской народности и т.п.

Самое видное мѣсто среди украинскихъ славянофиловъ безспорно занимаетъ Н.И. Костомаровъ. Родился онъ въ 1818 г. въ Воронежской губ., образованіе получилъ въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ на него имѣлъ громадное вліяніе проф. Срезневскій, который въ своихъ лекціяхъ проводилъ мысль, что каждая народность имѣетъ право на самостоятельное развитіе. Послѣ окончанія Харьковскаго университета Костомаровъ былъ назначенъ доцентомъ Кіевскаго университета, и уже въ это время оказывается его этнографическая жилка; онъ старается сближаться съ народомъ, изучаетъ народныя пѣсни, и результатомъ этого изученія является сочиненіе "О значеніи русскихъ народныхъ пѣсенъ". Въ то же самое время онъ начинаетъ собирать матеріалы для "Богдана Хмѣльницкаго" |одно изъ самыхъ лучшихъ его сочиненій|. Но вскорѣ его постигла катострофа. Онъ вмѣстѣ съ Кулишемъ, Шевченко и др. образовалъ въ Кіевѣ т.н. Кирилло-Меѳодіевское братство, которое стремилось къ освобожденію всѣхъ славянскихъ народностей изъ подъ опеки иноземцевъ и къ образованію изъ этихъ народностей федеративнаго союза, къ освобожденію крестьянъ и т.п. Въ 1846 г. общество это было открыто, и члены его, въ томъ числѣ и Костомаровъ, были сосланы въ Саратовъ. Въ Саратовѣ Костомаровъ не имѣлъ возможности про-

должать свои работы, которыя могъ возобновить по возвращеніи изъ ссылки. Лучшія изъ его сочиненій слѣдующія: "Богданъ Хмѣльницкій", "Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой", "Бунтъ Стеньки Разина", "Смутное время" и др. Этотъ перечень показываетъ на какія стороны исторической жизни больше всего обращалъ вниманіе Костомаровъ, съ одной стороны онъ съ любовью изучалъ всѣ тѣ явленія народной жизни, которыя были придавлены государствомъ; съ другой - съ антипатіей относился къ московскому единодержавію и старался показать несостоятельность московскаго правительственнаго механизма. Такъ какъ единодержавіе было выработано русскимъ народомъ восточной Руси, то, естественно, что Костомаровъ не могъ относиться сочувственно ко всей восточной Руси, особенно къ высшимъ слоямъ ея населенія, болѣе близкихъ къ правительственному центру. И вотъ, въ своемъ сочиненіи "Двѣ народности" онъ, сравнивая великоруссовъ и малоруссовъ, отдавалъ предпочтеніе послѣднимъ, какъ народности болѣе чистой, чѣмъ великоруссы, въ которыхъ очень замѣтенъ финскій элементъ, какъ народности, развившей у себя свободу, и у которой личность не подавлялась, а могла свободно развиваться. Впослѣдствіи Костомаровъ нѣсколько отступилъ отъ этой мысли, но идеѣ федеративнаго устройства Россіи Костомаровъ остался вѣрнымъ навсегда. Слѣдуетъ отмѣтить, что Костомаровъ не былъ строгъ въ пользованіи источниковъ, и съ нимъ не всегда должно соглашаться. - Съ внѣшней стороны сочиненія его отличаются блестящимъ слогомъ и художественностью разсказа. - Писалъ онъ и историческія повѣсти и романы.

Второй украинофилъ Кулишъ не имѣлъ такихъ устойчивыхъ воззрѣній, какъ Костомаровъ. Вначалѣ онъ былъ членомъ Кирилло-Мееодіевскаго братства и идеализировалъ казаковъ. Затѣмъ началъ измѣнять свой взглядъ; сталъ съ большей симпатіей относиться къ Польшѣ, а казачество считать за шайку разбойниковъ. Въ своемъ сочиненіи "Исторія возсоединенія Руси" признаетъ двѣ самобытныя, рѣзко разграниченныя цивилизаціи - польскую и русскую. Какъ въ той, такъ и въ другой онъ находитъ хорошія стороны: съ одной стороны онъ жалѣетъ, что не родился полякомъ въ лучшее время ихъ жизни, съ другой - признаетъ, что въ русской жизни было болѣе здравыхъ началъ, и потому она восторжествовала. Польша со своей испортившейся цивилизаціей не могла уничтожить казачества, проникнутаго противогосударственными началами и это казачество погубило ее самое. Россія же при своей государственной мудрости, опираясь на простой зраво-русскій народъ, овладѣла казаками и самой Польшей. Такимъ образомъ Кулишъ, можетъ быть даже незамѣтно для себя, подрываетъ въ корень федеративную теорію.- Къ концу жизни онъ вернулся къ старому взгляду.

По ученію Соловьева и Кавелина личность въ древней Руси была подавлена родовымъ началомъ, а по ученію славянофиловъ она растворилась въ общинномъ началѣ; Б.Н. Чичеринъ далъ новое воззрѣніе въ этомъ спорѣ. Въ древнемъ періодѣ русской исторіи онъ видитъ господство личнаго начала: нѣкогда славяне жили родовымъ бытомъ, но еще до призванія варяговъ родовая связь рушилась и каждое лицо, каждый индивидуумъ, не сдерживаемые болѣе связью естественной и не подчиненные еще высшей связи государственной, выступили со своею частною волей, частными правами и притязаніями, и сложился порядокъ, основанный на господствѣ личности и ея частныхъ правъ; первые князья были лишь начальниками дружинъ, державшихся на личномъ началѣ, т.е. на добровольномъ согласіи каждаго лица; когда князья сдѣлались осѣдлыми, они стали вотчинниками, характеръ управленія остался тотъ же частный,- вся цѣль управленія состояла въ полученіи дохода княземъ и его слугами; сознанія объ обществѣ, государствѣ не было, частное право господствовало во всемъ; частное право не можетъ создать ничего прочнаго, созданный имъ бытъ разрушается анархическимъ дѣйствіемъ собственныхъ началъ и ведетъ къ необходимости новыхъ формъ, основанныхъ на началѣ общественномъ, противоположномъ частному; такъ оно случилось и у насъ, когда въ XУ в. началась борьба новаго общественно-государственнаго начала съ отжившимъ частнымъ; постепенно государство сломило слишкомъ большое обособленіе личности и образовало союзы, которые стали служить орудіями государственной

власти, а затѣмъ московскіе государи, не разрушая элементовъ средневѣковья |Чичеринъ такъ называетъ удѣльный періодъ русской исторіи|, укрѣпили ихъ, заставивъ подчиниться общественной власти: каждый долженъ былъ служить государству, тянуть тягло на своемъ мѣстѣ. Черты прежняго "частнаго" быта, однако, еще долго сказываются въ новомъ государственномъ управленіи, которое по этому имѣетъ по преимуществу финансовый характеръ, и только съ половины XVIII вѣка государство начинаетъ думать и заботится об удовлетвореніи общественныхъ потребностей, до этого времени все должно было служить государственнымъ цѣлямъ, Сообразно съ этимъ Чичеринъ возникновеніе современной намъ крестьянской общины съ ея круговой порукой и передѣлами относилъ къ XVI в., община возникла лишь со времени прикрѣпленія крестьянъ. Отъ этой общины - тяглой, принудительной, Чичеринъ отличаетъ общины свободныя; свободныя общины были въ древней Руси, по преимуществу городскія, напр. Новгородъ, Псковъ и др., но онѣ были слишкомъ слабы и съ теченіемъ времени пали.

Такія положенія Чичерина вызвали сильнѣйшія возраженія, особенно со стороны славянофиловъ, именно И.Х. Бѣляева, потомъ Крылова и Ю. Самарина; напротивъ того, сторону Чичерина приняли Соловьевъ, Кавелинъ и Колачевъ. Въ теоріи Чичерина, какъ и во всякой другой, было не мало слабыхъ пунктовъ; несомнѣнно, онъ обратилъ большое вниманіе на то, что отсутствовало въ древней русской исторіи, чѣмъ на то, что въ ней было; ниже увидимъ, что начала частнаго права

совсѣмъ ужъ не такъ возобладали въ удѣльное время, какъ думалъ Чичеринъ, но тѣмъ не менѣе указаніе на свободу личности въ удѣльное время было важною заслугою Чичерина; равнымъ образомъ, его взглядъ на происхожденіе крестьянской общины, современной намъ, вѣрнѣе славянофильскаго взгляда.[x]

Сторонникомъ родовой теоріи выступилъ также И.Е. Забѣлинъ въ превосходной книгѣ своей - "Домашній бытъ русскихъ царей" и "Домашній бытъ русскихъ царицъ"; общія воззрѣнія автора изложены въ Введеніи ко II тому, но они не отличаются ни послѣдовательностью, ни опредѣленностью. Онъ признаетъ въ древней Руси и родовое начало и общинное, но община была собственно общиной родовъ или даже общиною хозяйствъ, дворовъ, а не общиною независимыхъ личностей; родъ всюду угнеталъ личность, родовая опека создавала "тяжелый, душный міръ, изъ котораго можно было вырваться только съ силой богатыря". Освобожденіе личности отъ этихъ оковъ и составляетъ сущность русскаго историческаго процесса; представителемъ личнаго начала является князь-вотчинникъ. Слѣдовательно, общій ходъ русской исторіи Забѣлинъ понимаетъ также, какъ Кавелинъ; также высоко, какъ послѣдній, Забѣлинъ ставитъ Грознаго и Петра: послѣ

---

[x] Сочиненія Чичерина, имѣющія отношенія къ русской исторіи: "Областныя учрежденія Россіи", "Опыты по исторіи русскаго права", " О народномъ представительствѣ"; воззрѣнія на общину высказаны въ ст. "Очеркъ историческаго развитія сельской общины" и "Еще о сельской общинѣ", возра-

Грознаго земля двигалась изъ конца въ конецъ, двигалась въ самой глубинѣ своихъ убѣжденій и воззрѣній,- искала новыхъ идеаловъ - идеалъ явился въ образѣ Петра, уже не перваго отца и не перваго государя обществу, а перваго его неутомимаго работника. Такой взглядъ едва ли правильно было проводить въ концѣ 60-хъ гг., когда вполнѣ уже выяснилось, насколько поглощена была личность въ московскій періодъ русской исторіи.

Главное значеніе Забѣлина въ русской исторіи, какъ первоклассnаго археолога: нужны его огромныя знанія и талантъ, чтобы нарисовать тѣ мозаичныя картины прежняго быта, какія даны въ "Домашнемъ бытѣ русскихъ царей и царицъ". Забѣлинъ думалъ было дать полную исторію русской культуры и далъ два тома "Исторіи русской жизни" |1876 г. 1879 г.|, которые оканчиваются, однако, лишь на XI в.; въ рѣшеніи этнографическихъ вопросовъ древней русской исторіи авторъ слѣдуетъ произвольнымъ пріемамъ писателя XVIII в.

Долго русская историческая наука стояла особнякомъ отъ наукъ естественныхъ, хотя изрѣдка и указывалось на то, что условія природы и климата вліяли на нѣкоторыя стороны жизни русской |Болтинъ. Соловьевъ|; лишь въ 60-хъ гг. XIX ст. естествознаніе получило особенное, преобладающее можно сказать, значеніе въ русскомъ обществѣ; тогда же явилась оригинальная попытка объяснить русское прошедшее данными естествознанія; попытка сдѣлана была покойнымъ А.П. Щаповымъ,

---

женія славянофиловъ напечатаны въ Русской Бесѣдѣ за 1856 г. и сл. года.

личностью чрезвычайно оригинальной, незаурядной. Уроженецъ Сибири, воспитанникъ Казанской Духовной Академіи, Щаповъ началъ свою научную дѣятельность работами по изученію раскола |Расколъ русскаго старообрядчества|, но затѣмъ увлекся общественнымъ движеніемъ, охватившимъ русское общество въ эпоху реформъ Александра II; Щаповъ долженъ былъ оставить кафедру, переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сталъ работать въ журналахъ; личная его жизнь сложилась очень неудачно и впослѣдствіи онъ былъ высланъ въ Сибирь. Работы его по переѣздѣ въ Петербургъ получили новое направленіе: подъ вліяніемъ естественныхъ наукъ онъ объяснялъ характеръ русскаго народа условіями природы и окружающей обстановки Вліяніемъ пищи и климата, вліяніемъ условій географическихъ старается онъ иногда натянуто, а иногда очень остроумно объяснить характеръ народа и его исторіи: природа Россіи сурова, "постоянная напряженная борьба съ ней развила въ русскомъ народѣ скорѣе практическое, чѣмъ созерцательное настроеніе. Умственный уровень его не высокъ; понять и осмыслить окружающее онъ неспособенъ; онъ смотритъ и не видитъ, слышитъ и не понимаетъ. Немного ему дала Византія: сокровища высшей умственной своей жизни всѣ отдала она все тому же Западу, а насъ хотѣла воспитывать нравственно и религіозно, она, въ которой уже не было живыхъ началъ нравственности и религіи. Вслѣда за опекой Византіи русскій народъ попалъ подъ опеку правительства, отдалъ ему свои глаза и уши, свою думу - Думѣ Царской [x].

---

[x] Изъ сочиненій его - "Соціально-педагогическія условія

Подвести итогъ научнымъ трудамъ предшественниковъ, свести ихъ въ одно мѣсто, примирить противоположные взгляды, не отдавая ни одному предпочтенія, взялся Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ въ своей Русской Исторіи, т.I и 2 |первая половина|. Ни по одному изъ спорныхъ вопросовъ не высказывался онъ опредѣленно. Какъ ученикъ и поклонникъ Соловьева, онъ, казалось бы, долженъ примкнуть къ родовикамъ, но слишкомъ уже потрясено зданіе родовой теоріи славянофилами, и ихъ возраженіямъ Бестужевъ-Рюминъ даетъ почетное мѣсто, не переходя на ихъ сторону окончательно. Онъ - врагъ послѣдовательной теоріи, которая, правда, приводя исторію въ систему - кроитъ ее нѣсколько искусственно; за обобщеніемъ онъ признаетъ значеніе этапнаго пункта, а на первый планъ выдвигаетъ изученіе факта. Нельзя, по его взгляду, съ точки зрѣнія односторонней теоріи сортировать событія и народы: нѣтъ событій неважныхъ, нѣтъ народовъ неисторическихъ. Это дѣленіе аристократично и несправедливо. Прогрессъ есть не прямая дорога, а широкое поле, которое должно быть исхожено вдоль и поперекъ, и на которомъ

умственнаго развитія русскаго народа" I870 г., "Историко-этнографическая организація русскаго народонаселенія" |Русское Слово| и рядъ статей о Сибири и ея населеніи въ Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Рус. Геогр. Общества за I872-I874 г.г. Изъ другихъ историческихъ трудовъ Щапова важно его сочиненіе "Расколъ русскаго старообрядчества" цѣнное по множеству выписокъ изъ соловецкихъ рукописей.

каждому народу назначено свое направленіе. Изученіе сложнаго явленія - общества во всемъ его разнообразіи вотъ задача историка, вотъ единственный объективный методъ.

Подобно Бестужеву-Рюмину, первенствующее значеніе изученію общества придаетъ и Ключевскій. Также, какъ и онъ, ученикъ Соловьева, онъ у учителя черпаетъ матеріалъ своихъ наблюденій, но освѣщаетъ его съ другой точки зрѣнія. Не учрежденія служатъ предметомъ его наиболѣе пристальнаго вниманія: ища живой нервъ исторіи въ создавшемъ ихъ обществѣ, онъ вопреки тѣмъ историкамъ, которые сосредоточивали свое вниманіе на "техникѣ правительственной машины", дѣлали разрѣзъ ея вдоль и поперекъ, изучали ее со всѣхъ сторонъ и въ ней воплощали всю Россію, пытается опредѣлить воззрѣнія людей, создавшихъ учрежденія. Если бы ихъ точка зрѣнія была правильна, если бы исторія учрежденій была исторіей Россіи, то эта Россія должна была десятки разъ умирѣть и возрождаться.

Въ началѣ и серединѣ русской исторіи Ключевскій[x] намѣчаетъ два характерныхъ факта: первые князья совѣщаются со старцами градскими,- московскіе цари - со служилыми людьми. Эти два факта являются показателями длинной исторіи паденія города и повышенія служилаго сословія. Городу въ древней Руси Ключевскій придаетъ очень важное значеніе: онъ, по его мнѣнію, выдвигается уже въ раннюю эпоху , У

---

[x] Боярская Дума древней Руси.

у каждаго племени есть свой городъ. Онъ ведетъ торговлю и войну, и для военныхъ цѣлей онъ же призываетъ дружину. Со временемъ одинъ изъ этихъ дружинниковъ-воиновъ усиливается и дѣлается княземъ. Съ укрѣпленіемъ московскаго самодержавія значеніе областныхъ князей падаетъ не сразу: съѣзжаясь по зову великихъ князей въ Москву, они еще не думаютъ утрачивать своихъ областей и такъ увѣрены въ прочномъ обладаніи ими, что не думаютъ закрѣплять договорами права на нихъ для своихъ дѣтей. Да и само государство долго еще признаетъ за ними эти права, что выразилось въ опричинѣ, противоставлявшейся владѣльческой земщинѣ. Только позднѣе, какъ бы разбуженные ужасами казней Іоанна и дальше въ Смутное время бояре хватаются за свои исконные права и пытаются договорно утвердить ихъ, но дѣло сдѣлано: они просто сведены на степень служилаго сословія, и ихъ аристократическій строй не соотвѣтствуетъ устанавливающемуся демократическому строю государства.

Главныя воззрѣнія В.О. Ключевскаго на значеніе боярской думы, на положеніе сословій встрѣчаютъ сильныя возраженія со стороны В.И. Сергѣевича | Изслѣдованія и лекціи и "Русскія юридическія древности", 3т., четвертый - печатается|. Ученикъ Чичерина, Сергѣевичъ придаетъ первенствующее значеніе въ древней русской жизни договорному началу; постепенно растущая власть князей нарушаетъ права отдѣльныхъ лицъ и земель и путемъ такихъ ограниченій и нарушеній со-

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

здаетъ московское государство. Какъ юристъ, В.И. Сергѣевичъ придаетъ особенно значеніе законодательнымъ нормамъ и въ древней русской жизни ищетъ той опредѣленности отношеній, которыя свойственны обществамъ болѣе развитымъ.

Для начинающихъ знакомиться съ русской исторіей лучшія книги – это "Боярская Дума" Ключевскаго, "Юридическія древности" Сергѣевича и "Обзоръ исторіи русскаго права" Владимирскаго-Буданова.

Поколѣніе историковъ, которое выступило въ 80-хъ и 90-хъ гг., сосредоточилось преимущественно на трехъ предметахъ: I| критическое изученіе источниковъ, 2| изученіе экономическаго строя страны и 3|изученіе областной исторіи; изъ представителей этого направленія укажемъ С.Ѳ. Платонова |"Сказанія и повѣсти Смутнаго времени", "Очерки по исторіи смуты"|; А.С.Лаппо-Даниловскаго |"Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ"|; П.Н.Милюкова |"Государственное хозяйство Россіи и реформа Петра", "Спорные вопросы финансовой исторіи XVII в." и "Очерки по исторіи русской культуры", популярно написанная книга въ 3 частяхъ, проникнутая цѣльнымъ міровоззрѣніемъ, излагающимъ выводы науки; особенно удалась автору I-ая часть его очерковъ|.

Изъ историковъ церкви важны четверо. Это современникъ Екатерины преосвященный Платонъ, авторъ довольно короткой и сухой исторіи, Филаретъ Черниговскій, расположившій свое сочиненіе по рубрикамъ и давшій исторію бо-

гатую фактами, ясную, систематическую, но характеристики церковнаго общества въ концѣ концовъ всетаки не представляющую и слишкомъ тенденціозно-противополагающую явленія овѣтлыя - темнымъ. Объясненіе и причины этихъ свѣтлыхъ и темныхъ явленій авторъ даетъ соотвѣтственно своей односторонней, религіозной точкѣ зрѣнія.

Еще болѣе обильную матеріаломъ, выписками изъ драгоцѣнныхъ памятниковъ, исторію представляетъ обширный I2-ти томный трудъ архіепископа Макарія. Подобно Филарету, и онъ располагаетъ свою исторію по рубрикамъ, добросовѣстно группируетъ данныя, снабжаетъ извѣстія точными ссылками. Но работа его носила оффиціальный характеръ: главнымъ мѣриломъ сужденій для него является документъ; отъ характеристикъ и мнѣній онъ воздерживается и судитъ вообще неохотно.

Иными чертами характеризуется сочиненіе проф. Голубинскаго. Онъ, наконецъ, далъ то, что такъ долго ждала исторія церкви: характеристику религіозной жизни и церковнаго общества, освѣщеніе подготовительнаго матеріала. Являясь въ этомъ случаѣ довольно послѣдовательнымъ западникомъ и постоянно прибѣгая къ аналогіи, къ обратнымъ заключеніямъ, онъ совершенно отрицаетъ у насъ самостоятельную, здоровую религіозную жизнь и церковную культуру. Въ этомъ случаѣ все заимствовано нами изъ Византіи: религіозныя учрежденія и народная жизнь не проникали другъ друга; первыя - оставались мертвы, вторая - не воспиталась подъ ихъ вліяніемъ. Несомнѣнно, выводы автора нельзя признать справедливыми.

Наконецъ, какъ на учебникъ, слѣдуетъ указать на небольшой, но основательный трудъ Знаменскаго.

Источники Русской Исторіи.

Бестужевъ-Рюминъ - Исторія Россіи, т.I.

Иконниковъ - Опытъ русской исторіографіи.

При изученіи исторіи мы пользуемся источниками и пособіями. Въ жизни источникомъ наз. все то, откуда черпаются свѣдѣнія, но наука должна дойти до автора или произведенія, въ которомъ впервые сообщены данныя свѣдѣнія. Пособіе основано уже на источникахъ. Примѣръ: мы заимствовали свѣдѣнія изъ исторіи Соловьева, Соловьевъ у Татищева, Татищевъ - изъ лѣтописи. Источникъ, до котораго должно дойти - лѣтопись, все остальное-пособія.

Источники раздѣляются на 3 группы: I| вещественные или монументальные, 2|устные, 3|письменные.

Вещественные - монументальные источники |черепа, костяки, орудія, постройки, памятники искусства| вѣдаетъ не исторія, а археологія.

Археологія - это наука сравнительно новая, возникшая въ XIX в.; въ Россіи начала развиваться съ 40-хъ гг., хотя любители и собиратели старины были у насъ и раньше. Въ 1846 г. уже возникло въ Петербургѣ Археологическое Об-

щество по иниціативѣ Кене[x]. Наиболѣе выдающимся дѣятелемъ по археологіи былъ гр. А.С.Уваровъ |ум.1884г.|; по его иниціативѣ образовалось Археолгическое Общество въ Москвѣ; онъ же организовалт археологическіе съѣзды въ Россіи, собирающіеся черезъ каждые три года. По смерти гр. Уварова его дѣло продолжаетъ его супруга гр. П.С.Уварова, ставшая во главѣ Московскаго Археологическаго Общества и Археологическихъ съѣздовъ. Археологія въ Россіи нашла много работниковъ: раскопки кургановъ, могилъ, городищъ, описаніе древнихъ памятниковъ велось и ведется съ рѣдкимъ оживленіемъ; археологическая литература растетъ быстро[xx].

Если съ количественной стороны дѣло быстро растетъ, то нельзя того же сказать о качественной сторонѣ. Дѣлаемые на основаніи археологическихъ данныхъ выводы, важные для исторіи, все еще остаются подъ сомнѣніемъ. Во всякомъ случаѣ археологія проливаетъ свѣтъ на первоначальную исторію; когда ея выводы будутъ точнѣе, помощь для исторіи несомнѣнна.[xxx]

---

x| См. Н.Веселовскій - "Ист. Имп. Русск. Археол.Общества"

xx| Сводъ этой литературы см. въ ст. Спицына въ Запискахъ И.Р.Ар.Общ. въ Трудахъ Отдѣленія Слав. и Русск.Археологіи.

xxx| Для начинающихъ прекрасное пособіе "Русскія древности въ памятникахъ искусства", изд. гр. И.И.Толстымъ и Н.П.Кондаковымъ |5 выпусковъ|. Изъ общихъ трудовъ по археологіи Россіи важны: гр. Уварова - "Археологія Россіи", гр. Бобринскаго - "Курганы смѣлы", Нидерле.

У археологіи пока еще мало средствъ для опредѣленія времени и національности, къ которымъ относятся находимые предметы; кромѣ того и сужденія о степени развитія народа по однимъ лишь орудіямъ, находимымъ въ его могилахъ, весьма гадательны. Отсюда понятно скептическое отношеніе многихъ историковъ къ археологіи, исторія изучаетъ "дѣянія" народовъ, а не усовершенствованіе ковшей и лампочекъ.

Археологія установила дѣленіе жизни первобытнаго человѣчества на слѣдующіе періоды: I| каменный вѣкъ, раздѣляющійся на двѣ эпохи - панолитическую и неолитическую, 2| мѣдный вѣкъ, 3| бронзовый и 4| желѣзный. По отношенію къ Россіи это раздѣленіе можетъ быть допущено только съ большими оговорками. У насъ находятся слѣды панолитической эпохи, когда человѣкъ не зналъ земледѣлія, пользовался орудіями изъ камня, рога и дерева. Есть у насъ и остатки неолитической эпохи, когда человѣкъ научился полировать и сверлить камень, когда онъ овладѣлъ гончарнымъ искусствомъ и сталъ привыкать уже къ земледѣлію; гораздо труднѣе доказать существованіе въ Россіи мѣднаго и бронзоваго вѣковъ: мѣдная и бронзовая культура встрѣчаются въ Россіи на окраинахъ Днѣстра и на Кавказѣ | Кабанскій могильникъ | между Камой и Уральскими горами; во всей же остальной Россіи на ряду съ бронзовыми вещами находятъ и желѣзныя; послѣднее обстоятельство, т.е. отсутствіе самостоятельнаго бронзоваго вѣка, особенно странно въ виду того, что черезъ теперешнюю Россію пролегали пути, по которымъ бронзовая культура проникала въ Западную Европу. Кромѣ основного дѣленія на вѣка, каждый вѣкъ подраздѣля

ется западноевропейской археологіей на эпохи, напр. эпоха Ла-Теневой культуры, Галльштадской и т.п., по отношенію къ Россіи эти подраздѣленія почти вовсе не примѣняются. Поэтому, по отношенію къ Россіи, ко времени до-историческому, археологія устанавливаетъ смѣну нѣсколькихъ основныхъ типовъ погребенія на югѣ Россіи.

Древнѣйшей формою считаютъ:

I| глиняныя площадки,

2| эпоха"крашенныхъ костяковъ". Содержаніе могилъ бѣдно, находятся глиняныя урны, бронзовыя и каменныя вещи, кости окрашены въ красный цвѣтъ, откуда названіе эпохи, охватывающей камено-бронзовый періодъ.

3| Греко-скиѳская эпоха съ У в. до Р.Хр. и до II в. по Р. Хр. Въ многочисленныхъ курганахъ находятъ золотыя вещи прекрасной греческой работы, изображающія бытовыя сценки изъ жизни скиѳовъ и другихъ варварскихъ народовъ; греческія кувшины, амфоры указываютъ на расцвѣтъ греческой культуры на югѣ Россіи. Эти же предметы встрѣчаются въ гораздо меньшемъ количествѣ въ т.наз. "поляхъ погребенія."

4| Римская эпоха характеризуется стеклянными вещами. Кургановъ, относящихся ко II, III в.в. по Р.Хр. много въ Кіевской и сосѣднихъ губерніяхъ. Характеръ вещей начинаетъ измѣняться подъ вліяніемъ варваровъ.

5| Славянская эпоха съ VI в. по Р.Хр.

Для русской исторіи эта классификація была бы очень важна, если бы можно было полагать, что погребенія эти принадлежатъ одному народу, именно славянскому; но такъ какъ объ этомъ пока не можетъ быть рѣчи, то и исторія не можетъ

сдѣлать выводовъ изъ добытыхъ археологіей данныхъ.

Кромѣ главнаго, самостоятельнаго значенія, археологія имѣетъ еще второстепенное значеніе, служебное: она можетъ иллюстрировать и подкрѣпить данныя историческихъ источниковъ. Въ этомъ, послѣднемъ отношеніи археологія уже успѣла оказать русской исторіи цѣнныя услуги; таковы находки кіевскія, наглядно доказывающія высокую культуру Кіевской Руси, описанія старинныхъ одеждъ, утвари и т.п.; такова попытка археолога Спицына иллюстрировать сказанія лѣтописи объ отдѣльныхъ русскихъ племенахъ, возстановить обстановку, среди которой жили славяне.

Очень важнымъ подспорьемъ для древней исторіи является языкъ страны. Необходимо изучить всѣ мѣстныя названія рѣкъ, городовъ, урочищъ; это дастъ возможность опредѣлить живше въ данномъ мѣстѣ народы. Такъ постоянно встрѣчающіяся слова съ окончаніями на ка, ва, ма, на, са, ша и пр. доказываютъ присутствіе здѣсь финскихъ племенъ. Такія названія встрѣчаются, напримѣръ, въ губерніяхъ Московской, Тульской, Орловской, Черниговской и служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что финскія племена обитали въ этихъ областяхъ Россіи, въ которыхъ ихъ теперь вовсе нѣтъ. Болѣе внимательное и пристальное изученіе укажетъ даже на постепенное движеніе народа въ разныя стороны: такъ мы можемъ прослѣдить движеніе Черемисъ съ верховьевъ Оки къ сѣверу за Волгу и къ востоку за Суру; такое же постепенное отступленіе къ сѣверо-востоку нѣкогда огромнаго племени Югорскаго: было время, когда оно спускалось до Оки, затѣмъ группировалось по р. Югу и Вычегдѣ и наконецъ,

перебралось въ Азію, за Уральскій хребетъ къ устьямъ рѣки Оби; напротивъ, другія племена, Корела, двигались отъ Востока къ Западу. Главнѣйшій же интересъ представляетъ, конечно, поступательное движеніе русскаго племени по огромной равнинѣ Восточной Европы.

Главнымъ источникомъ по древнерусской исторіи служитъ лѣтопись.

Списки и лѣтописи сохранились и сохраняются еще отчасти въ монастыряхъ, но отношеніе къ этимъ источникамъ долго было въ высшей степени невѣжественное. Еще Петръ I обратилъ вниманіе на собираніе историческихъ памятниковъ, но послѣ Петра на древнія рукописи смотрѣли съ пренебреженіемъ, такъ какъ Русь считали страной варварской и старались забыть старину. Насколько отношеніе къ историческимъ памятникамъ было небрежно, видно изъ разсказа митрополита Евгенія, который говоритъ, что подъѣзжая однажды къ Юрьеву монастырю, онъ увидѣлъ идущаго ему навстрѣчу дружку, который везъ телѣгу, чѣмъ то наполненную. Оказалось, что это были рукописи, которыя онъ везъ, чтобы бросить въ Волховъ. Дѣло въ томъ, что монастырское начальство передъ ревизіей, боясь представить монастырь въ дурномъ видѣ, рѣшило выбрасывать ненужные, по ихъ мнѣнію, документы. Но правительство рано начало заботиться о собираніи и сохраненіи лѣтописей. Въ 1720 г. Петръ издалъ указъ, которымъ предписывалось: "во всѣхъ монастыряхъ, епархіяхъ и соборахъ прежніе жалованныя грамоты и другія курьезныя письма оригинальныя, такожде и историческія рукописи, книги пересмотрѣть, переписать и прислать въ Сенатъ". При этомъ

было сказано, что эти документы требовались только на нѣкоторое время, по истеченіи котораго они должны были быть возвращены. Но монастыри и соборы отнеслись довольно равнодушно къ этому указу. Было прислано всего 40 рукописей, между которыми оказалось четыре важныхъ списка лѣтописныхъ. Но это было не по плечу петровскому времени. Петръ былъ слишкомъ занятъ другими дѣлами, а св. Синодъ относился къ этому небрежно, потому дѣло это скоро заглохло. Анна Іоановна задумала издать лѣтописный сводъ, но Синодъ отнесся недоброжелательно и выразилъ мнѣніе, что это напрасный переводъ бумаги, слѣдствіемъ котораго будетъ распространеніе въ народѣ нелѣпостей. При Екатеринѣ II дѣло это сильно подвинулось впередъ: въ ея царствованіе было привезено въ столицу много рукописей, но со вступленіемъ на престолъ Павла дѣло опять приняло другое направленіе: его образъ дѣйствія былъ совершенно обратный Екатерининскому; онъ приказалъ собрать всѣ лѣтописи и, нагрузивъ ими телѣгу, съ простымъ ящикомъ, въ самую распутицу, отправить въ Москву, куда должны были съѣхаться изъ разныхъ монастырей, чтобы разбирать лѣтописи. Такимъ образомъ, погибла масса драгоцѣнныхъ списковъ.

При Петрѣ было собрано немного лѣтописей, этимъ, главнымъ образомъ, занимался Татищевъ, но собственно эпоха собранія лѣтописей начинается съ Екатерины II, и первымъ издателемъ древнихъ актовъ можетъ считаться Фр. Миллеръ, заслуга котораго безцѣнна. Во время своего путешествія по Сибири онъ собралъ массу цѣнныхъ актовъ, документовъ; онъ спасъ грамоты о Смутномъ времени, о Лжедимитріи.

Какъ историкъ,мы видѣли,Миллеръ не отличается особенными дарованіями, но его заслуга уже велика потому, что онъ положилъ основаніе собиранію и изданію рукописей, основалъ школу ученыхъ архивистовъ, изъ которой вышли Каменскій, Стриттеръ, Малиновскій. Миллеръ не только занимался самъ, онъ также снабжалъ матеріаломъ Щербатова, Новикова и др.

Новиковъ извѣстенъ, какъ издатель "Древней Россійской Вивліофики", обширнаго сборника старыхъ актовъ разнаго вида, лѣтописей, литературныхъ старинныхъ произведеній и историческихъ статей. Съ нашей точки зрѣнія это хорошее изданіе для XVIII в. неудовлетворительно, потому что оно было сводомъ попавшагося подъ руку матеріала, изданнаго почти безъ всякой критики и безъ научныхъ пріемовъ. При Екатеринѣ собираніемъ древнихъ историческихъ памятниковъ занимался также графъ Мусинъ-Пушкинъ. Онъ былъ оберъ-прокуроромъ Св.Синода, стоялъ близко къ монастырямъ; разбирая въ монастырскихъ библіотекахъ рукописи, онъ нашелъ "Слово о полку Игоревѣ", Лаврентьевскій списокъ лѣтописи.

Изданіемъ рукописей занимался также Шлецеръ; онъ издалъ лѣтопись , Русскую Правду, не совсѣмъ удачно, но опять мы не можемъ судить строго и должны принимать во вниманіе время, когда онъ издавалъ. Совершенно независимо отъ Екатерины въ провинціяхъ начинается тоже движеніе въ пользу изученія старины, какъ напримѣръ, въ Архангельской губ. два крестьянина собираютъ мѣстный матеріалъ и издаютъ его. Въ Оренбургской губ. Рычковъ собираетъ матеріалъ мѣстной исторіи. Въ дѣлѣ собиранія древнихъ памятниковъ большое участіе принимало "Вольное Россійское собра-

ніе", ученое общество, основанное при Московскомъ университетѣ въ 1771 г.. Изъ отдѣльныхъ лицъ, потрудившихся на этомъ поприщѣ, нужно еще упомянуть Стриттера, который выбралъ изъ Византійскихъ писателей цѣнныя извѣстія, относящіяся къ намъ, и Курскаго купца Голикова. Послѣдній еще съ дѣтства восторгался дѣяніями Петра; обанкротившись онъ попалъ подъ судъ и былъ освобожденъ по манифесту, по случаю открытія памятника Петру. Тогда Голиковъ рѣшилъ всю свою жизнь посвятить работѣ надъ біографіей Петра, собравъ по возможности, всѣ извѣстія о немъ, написалъ сочин. "Дѣянія Петра Великаго".

Дѣятельность Николая Петровича Румянцева по собиранію рукописей, лѣтописей и другихъ памятниковъ русской исторіи составляетъ эпоху въ исторіи русской археографіи. Румянцевъ, сынъ знаменитаго Екатерининскаго фельдмаршала, государственный канцлеръ при императорѣ Александрѣ I, могъ по своему общественному положенію и богатству дѣлать очень много; онъ не останавливался передъ денежными затратами для любимаго дѣла - собиранія рукописей, лѣтописей и пр.; но этого мало: онъ съумѣлъ собрать вокругъ себя цѣлый кружокъ лицъ, работавшихъ по собиранію источниковъ и занимавшихся разработкой историческихъ вопросовъ, и вдохнулъ имъ любовь къ памятникамъ старины. Результатомъ трудовъ этого кружка явилось изданіе цѣлой массы памятниковъ. Румянцевъ вступалъ въ сношенія со всѣми учеными архивистами: Бантышъ-Каменскимъ, Калайдовичемъ, Малиновскимъ, Стриттеромъ и митрополитомъ Евгеніемъ, неутомимымъ изслѣдователемъ русскихъ древностей,

прот. Григоровичемъ, производившемъ изысканія въ архивахъ Бѣлоруссіи; описаніе своего драгоцѣннаго собранія рукописей Румянцевъ поручилъ знаменитому археологу Востокову; Лербергъ и Кругъ, два изслѣдователя древней русской исторіи, обязаны также многимъ Румянцеву; черезъ Круга Румянцевъ сошелся съ Френомъ, знаменитымъ оріенталистомъ и нумизматомъ. Румянцевъ отдавалъ особое предпочтеніе документальнымъ источникамъ исторіи, всякаго рода актамъ передъ источниками повѣствовательными, лѣтописями, сказаніями и пр.; отсюда его близость къ Качеювскому и нѣсколько скептическое отношеніе къ Карамзину, политическія воззрѣнія котораго также не сходились съ убѣжденіями Румянцева.

Вслѣдствіе порученія Румянцева Строевъ и Калайдовичъ стали совершать экскурсіи по окрестнымъ монастырямъ Москвы и разыскивать тамъ памятники старины. Монастыри вообще были богаты рукописями, но, къ сожалѣнію, монахи XIX в. относились къ нимъ не такъ, какъ ихъ отдаленные предшественники: насколько послѣдніе любили рукописи и берегли ихъ, настолько же первые не придавали имъ никакого значенія и уничтожали ихъ въ большомъ количествѣ; можетъ быть, они боялись, что имъ достанется за плохое состояніе ихъ рукописей и предпочитали совсѣмъ ихъ не имѣть. Строевъ и Калайдовичъ въ примосковскихъ монастыряхъ разыскали "Святославовъ сборникъ" |1073 г.|, "Судебникъ Іоанна III", "Похвалу кагану Владимиру, переводъ Дамаскина Іоанна, экзарха Болгарскаго, соч. Кирилла Туровскаго, Софійскій временникъ и пр. отъ XIУ - XУIII в.в. Они же первые стали со-

ставлять научное описаніе рукописей, т.е. опредѣляли время ихъ написанія. Румянцевъ былъ также въ сношеніи съ заграничными учеными и усердно разыскивалъ источники русской исторіи въ иностранныхъ архивахъ.

Румянцевъ былъ любитель исторіи, которая основывается на документахъ, поэтому онъ позаботился объ изданіи государственныхъ грамотъ и договоровъ. Изданіе это можетъ быть названо монументальнымъ: прекрасная бумага, крупныя буквы и форматъ неудобный для чтенія.- "Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ" и до сихъ поръ остается однимъ изъ важнѣйшихъ пособій при изученіи русской исторіи XIII - XVIII в.в. Румянцевъ все мечталъ о научномъ изданіи лѣтописей и пожертвовалъ на это 25,000 рублей; но изданіе вышло въ свѣтъ уже послѣ его смерти.

Изъ изданій Румянцева важнѣйшіе:

I| Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ 5 томовъ |5-ый томъ не конченъ|; въ этомъ собраніи документовъ XIII - XVII в.в. особенно важны: актъ объ избраніи Михаила Ѳеодоровича, ханскіе ярлыки, договоръ смоленскаго князя Мстислава, слѣдственное дѣло объ убіеніи царевича Дмитрія, акты изъ эпохи Смутнаго времени и пр.

2| Законы вел.кн. Іоанна Васильевича и его внука царя Іоанна Васильевича.

3| Софійскій временникъ.

4| Памятники русской словесности XVI в.

5| Іоанна, экзарха Болгарскаго.

6| Бѣлорусскій архивъ.

Сверхъ того сочиненія: Евгенія, Аделунга, Лерберга, Кеппе-

на, Берка и др.

Въ 1826 г. Румянцевъ скончался, оставивъ послѣ себя громадное наслѣдство: общая стоимость его научныхъ издержекъ доходила до 300,000 р. Передъ смертью гр. Румянцевъ завѣщалъ для общаго пользованія соотечественниковъ свое богатое собраніе книгъ, рукописей и другихъ древностей. Императоръ Николай I. открылъ это собраніе для публики подъ названіемъ "Румянцевскаго музея", первоначально въ Петербургѣ, но при имп. Александра II музей былъ переведенъ въ Москву, гдѣ и соединенъ съ т.н. Публичнымъ музеемъ.

Послѣ смерти Румянцева его кружокъ началъ распадаться и распался бы совсѣмъ послѣ смерти митрополита Евгенія, если бы его не поддержалъ въ это время П.М. Строевъ, знаменитый русскій археографъ [x].

Строевъ началъ свою литературную дѣятельность еще будучи студентомъ; первымъ его трудомъ былъ учебникъ русской исторіи; въ 1815 г. онъ началъ издавать журналъ "Современный наблюдатель Россійской словесности". Поступивъ въ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, онъ посѣтилъ многіе монастыри и нашелъ много богатаго матеріала [см. выше]. Строевъ былъ избранъ членомъ въ московское общество исторіи и древностей. Вступая въ это общество, онъ произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на то, какая масса драгоцѣнныхъ рукописей и другого матеріала хранится въ монастыряхъ и предложилъ отправить экспедицію обозрѣть всѣ архивы Россіи и выбрать изъ нихъ наиболѣе важное. Рѣчь его успѣха не имѣла: одни увидѣли въ ней порицаніе дѣя-

тельности общества и обидѣлись, а другимъ его предложеніе показалось химерой. Тогда онъ на частныя средства отправился въ Новгородъ и обозрѣлъ тамъ богатую Софійскую библіотеку, въ которой онъ нашелъ много рукописей XII - XVI в.в. Только въ царствованіе Николая I ему удалось при содѣйствіи Академіи Наукъ осуществить свой давнишній планъ и тогда |1829 г.| была послана археографическая экспедиція. Строевъ нашелъ себѣ достойнаго помощника въ лицѣ Бередникова; они объѣхали весь сѣверъ Россіи. Оба вмѣстѣ они разсмотрѣли до 200 архивовъ; самые древніе акты оказались,какъ и слѣдовало ожидать, въ монастыряхъ; изъ находокъ наиболѣе важны - уставныя, губныя и таможенныя грамоты XVI в., дополнительные указы къ Судебнику, списокъ указовъ 1597 - 1607 г.г. о правѣ перехода крестьянъ, которые Карамзинъ считалъ подложными, акты изъ Смутнаго времени, много жалованныхъ и несудимыхъ грамотъ, акты о патр. Никонѣ, ереси Башкина; затѣмъ нѣсколько произведеній письменности: Евангеліе XIV в., путешествіе Антонія и т.д. Экспедиція убѣдилась, въ какомъ печальномъ положеніи находились древніе памятники: многіе погибли, другіе погибали въ сырыхъ подвалахъ, забытые всѣми.

Трудно описать тѣ препятствія, которыя Строеву и Бередникову пришлось преодолѣть. Правда, они были снабжены открытыми листами отъ всѣхъ вѣдомствъ, - не имѣли только отъ Синода, самаго важнаго, важнаго потому, что наиболѣе цѣн-

---

x| къ стр.III. См. Н. Барсуковъ - Жизнь и труды П.М.Строева.

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

ныя рукописи хранятся въ монастырскихъ библіотекахъ. Частными путями Строеву и Бердникову удалось проникать въ монастыри. Много позже они вспоминали братьевъ Августиновъ, Евѳиміевъ и др., которые безжалостно уничтожали рукописи.

Когда Строевъ издалъ собранные имъ матеріалы, онъ поднесъ ихъ имп. Николаю I. Николай оцѣнилъ важность этихъ документовъ и нашелъ, что дѣло собиранія и изданія рукописей, актовъ и пр. не можетъ идти дальше такъ, какъ шло до сихъ поръ, завися отъ доброй воли частныхъ лицъ; вслѣдствіе этого въ 1834 году образована была Археографическая Комиссія, и съ этихъ поръ дѣло было поставлено на прочную ногу. Но то, что было достаточно для 30-хъ годовъ XIX ст. не вполнѣ уже удовлетворяетъ насъ. Мы идемъ впередъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ развивается и дѣлопроизводство; чтобы въ концѣ концовъ архивы и старые дѣла не заполнили всего государства, ихъ уничтожаютъ. Но уничтоженіе это не поставлено правильно: оно всецѣло зависятъ отъ произвола лицъ, зачастую совсѣмъ необразованныхъ. Съ этой цѣлью Н.В. Калачовъ образовалъ въ Петербургѣ "Археологическій институтъ" для подготовки дѣятелей архивнаго дѣла. Въ провинціи же по его мысли начали учреждаться архивныя комиссіи, въ составъ которыхъ вошли мѣстные любители старины. Архивныхъ комиссій возникло много; но всѣ онѣ къ сожалѣнію, не обезпечены денежными капиталами, и члены ихъ несутъ безвозмездную работу.

Если для охраны письменныхъ памятниковъ признано было

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

необходимо учредить археографическую комиссію,то для охраны памятниковъ вещественныхъ учреждена была Имп. Археологическая Коммиссія. На Археологической Коммиссіи лежитъ трудная задача - охрана всѣхъ старинныхъ зданій.Ей приходится преодолѣвать еще и до сихъ поръ массу всякихъ затрудненій;сильную поддержку ей можетъ оказать болѣе любовное отношеніе къ дѣлу общества.Съ грустью приходится отмѣтить,что на нашихъ глазахъ гибнутъ старинные и драгоцѣнные памятники искусства |Псковская Мирожская церковь,надписи въ Новгородской Софіи|.

Въ заключеніе перечислимъ наиболѣе важныя изданія Археографической Коммиссіи:

I|Полное собраніе лѣтописей, I-XYIIтт.съ пропусками.

2|Акты историческіе, съ I334-I700 г.,важный матеріалъ для внутренней исторіи Россіи.

3|Дополненіе къ актамъ историческимъ,I2 томовъ.

4|Акты,относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, I4 томовъ.

5|Акты,относящіеся къ исторіи западной Россіи,5томовъ.

6|Акты,относящіеся къ Россіи,извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ А.И.Тургеневымъ, 2тома.

7|Дополненіе къ нимъ,Iтомъ.

8|Акты юридическіе- собраніе формъ старинаго дѣлопроизводства.

9|Акты,относящіеся до юридическаго быта древней Россіи, 3тома.

I0|Письма русскихъ государей.

II|Новгородскіе писцовые книги.

12|О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича - Катошихина.

13|Русская историческая библіотека.

16|Дневникъ Люблинскаго сейма.

17|Выходы царей Михаила Феодоровича, Алексѣя Михайловича и Федора Алексѣевича.

18|Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи и мн. др.

10 Лѣтопись.

Литература:

Шлецеръ - "Несторъ".

Строевъ - Софійскій временникъ" |предисловіе|.

Погодинъ - Изслѣдованія т.II.

Срезневскій - Чтенія по ист. рус. лѣтописей.

Бестужевъ-Рюминъ - "О составѣ русскихъ лѣтописей".

Шахматовъ - Рядъ статей въ Чтеніи Общ.Ист. и Древ.Рос.
"О начальномъ Кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ", въ Ж.М.Н.П.
"Древнѣйшая редакція повѣсти временныхъ лѣтъ" и въ Извѣст.Отдѣл. рус. яз. и словесн. Имп. Ак. Наукъ.
Кіево - Печерскій Патерикъ и Печерская лѣтопись".
Предисловіе къ изданію Разумовской или Кенигсбергской лѣтописи 1902 г.

Лѣтописью называется погодный разсказъ о событіяхъ, мѣстами краткій, мѣстами болѣе подробный, всегда съ точнымъ указаніемъ лѣтъ. Лѣтописи наши сохранились въ огромномъ количествѣ экземпляровъ или "списковъ" - XIII - XVIII вѣковъ. По мѣсту и времени составленія, по содержанію лѣто-

писи дѣлятся на разряды |есть Новгородскіе,Кіевскіе,Суздальскіе,Московскіе и др.|. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ различій,которыя встрѣчаются въ спискахъ одного разряда,списки эти дѣлятся на редакціи или изводы.Первая по времени лѣтопись -"Повѣсть временныхъ лѣтъ" |Се повѣсти временныхъ лѣтъ,откуда есть пошла Русская земля,кто въ Кіевѣ нача княжити и откуда Русская земля стала есть"| -заглавіе лѣтописи.[X] Повѣсть разсказываетъ о разселеніи племенъ послѣ потопа, о происхожденіи и разселеніи племенъ славянскихъ и т.п. и доводитъ свое повѣствованіе до 1103 г.,затѣмъ перерывъ до 1110 г.,подъ которымъ есть приписка "Игуменъ Селиверстъ св. Михаила пописалъ книгы си лѣтописецъ,надѣяся отъ Бога милость пріяти,при князѣ Володимірѣ, ...6624г.|1116 |1116 г.|.

Ученые XVIII вѣка |Татищевъ,Миллеръ,Байеръ,Шлецеръ| вѣрили,что лѣтопись была написана Несторомъ,а встрѣчавшіяся въ ней противорѣчія считали за ошибки,явившіяся вслѣдствіе небрежности переписчиковъ; Шлецеръ даже надѣялся,что путемъ сличенія списковъ и исключенія позднѣйшихъ вставокъ добьется настоящей Несторовой лѣтописи.Мнѣніе это утвердилось на основаніе приписки, въ Хлѣбниковскомъ спискѣ "монаха черноризца Феодосіева монастыря Нестора". Больше нигдѣ никакихъ указаній на Нестора,какъ автора Повѣсти.Правда Татищевъ говоритъ,что видѣлъ еще списки съ подобной же

[X] "Повѣсть" дошла до насъ въ многочисленыхъ спискахъ - Лаврентьевскомъ |XIVв.|,Ипатьевскомъ |XVв.|,Радзивиловскомъ |XV-XVI в.|,Тротцкомъ |XVв.|,Хлѣбниковскомъ |XVIв.| и мн.др.

перепиской,но они пропали;мы же знаемъ какъ вообще Татищевъ пользовался источниками и потому имѣемъ полное основаніе не вѣрить ему въ данномъ случаѣ.Какъ косвенное подтвержденіе авторства Нестора приводится общее преданіе и мощи въ Кіево - Печерской Лаврѣ Нестора лѣтописца. До насъ дошло литературное произведеніе Нестора;между нимъ и лѣтописью есть противорѣчія,которыя не позволяютъ считать Нестора составителемъ лѣтописи. Въ лѣтописи разсказывается что ея авторъ пришелъ къ Феодосію и тотъ постригъ его,а въ "Житіе Феодосія",что авторъ постригся при преемникѣ Феодосія,Стефанѣ. Въ лѣтописи разсказъ о Борисѣ и Глѣбѣ взятъ не изъ сочиненія Нестора, а изъ соч. Іакова Черноризца. Въ лѣтописи авторъ, разсказывая о различныхъ событіяхъ, говоритъ о себѣ какъ объ очевидцѣ; такъ напр. разсказываетъ подъ 1065 г. объ уродѣ "и мы смотрѣли до вечера".Въ 1097 г. говоря объ ослѣпленіи Василька,прибавляетъ,что князь послалъ его, и называетъ себя "Василіемъ".Описываетъ новую каменную церковь въ Кіевѣ и упоминаетъ,что самъ работалъ при ея постройкѣ.Такимъ образомъ онъ является очевидцемъ въ разныхъ городахъ и иногда въ одно и тоже время. Съ другой стороны событія IX и X вѣковъ описаны кратко,но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуется,что ихъ описывалъ современникъ;напр. говоря о смерти Аскольда,говоритъ,что это было тамъ,"гдѣ нынѣ Ольминъ дворъ":авторъ,конечно, зналъ хорошо,что это за "Ольминъ дворъ".- Въ лѣтописи приводятся цѣликомъ договоры Олега,Игоря,и Святослава съ греками: память одного человѣка не могла удержать въ головѣ законодательныхъ актовъ,очевидно,они были записаны современни-

ками.

Изъ всего этого съ очевидностью слѣдуетъ,что составитель лѣтописи пользовался нѣсколькими чужыми трудами; самое заглавіе лѣтописи значительнѣе содержанія ея, т .е. Повѣсть временныхъ лѣтъ была одною изъ составныхъ частей лѣтописи,также какъ повѣсть о крещеніи Руси,о Борисѣ и Глѣбѣ;очевидно, на Руси рано стали записывать событія, поразившія современниковъ,а равно и черты лицъ, прославившихся своею святостью. Были записи и другого характера, краткія погодныя отмѣтки о смерти князей,епископовъ и т.п. Былъ и еще источникъ - народныя преданія |вѣщій Олегъ, близкій къ Ильѣ Муромцу, кн. Ольга и др. |. На основаніи всѣхъ этихъ источниковъ былъ составленъ первоначальный лѣтописный сводъ,именуемый Повѣстью временныхъ лѣтъ, и мы не имѣемъ права смотрѣть на нее,какъ на трудъ одного человѣка.

Первый усомнился въ этомъ Строевъ,когда онъ открылъ греческую хронику Георгія Амартола,часть которой дословно вставлена въ Повѣсть.Такой фактъ освѣтилъ вопросъ съ совершенно новой стороны,явилась возможность указать и освѣтить источники лѣтописи.Строевъ первый и высказалъ взглядъ,что лѣтописи есть ничто иное,какъ сводъ разнаго историко - литературнаго матеріала, и послѣ этого стали указывать составныя части "Повѣсти".Съ наибольшей полнотой это сдѣлано въ указанномъ трудѣ Бестужева-Рюмина. Одновременно или скоро послѣ составленія лѣтописнаго свода въ началѣ XII в. въ Кіевѣ возникли лѣтописи въ Новгородѣ,позже въ Псковѣ.

Съ IIIO г. начинаются лѣтописи мѣстныя.Прямо къ Повѣсти

примыкаетъ Кіевская лѣтопись и продолжается до 1119 г., а послѣ этого она обращается въ лѣтопись Волынскую или Галицко-Волынскую. Послѣ татаръ являются мѣстныя лѣтописи и въ Ростово-Суздальской землѣ,хотя начало ихъ раньше XIIIв. Изъ сѣверныхъ лѣтописей могутъ быть отмѣчены - Тверскія, Рязанскія, Софійскій Временникъ,Воскресенскія и др., а затѣмъ въ Москвѣ стали появляться своды изъ этихъ лѣтописей. Эти выводы Бестужева-Рюмина нѣсколько измѣнены въ приведенныхъ трудахъ акад. Шахматова. Изученіе Новгородскихъ лѣтописей привело къ тому выводу, что такъ называемая Повѣсть временныхъ лѣтъ не есть первый по времени сводъ,а что ему предшествовалъ другой, болѣе ранній,составленный въ Кіевѣ около 1074г. Начальный сводъ значительно отличался отъ Повѣсти временныхъ лѣтъ,такъ въ немъ Игорь изображается преемникомъ Рюрика,а Олегъ лишь воеводой,говорится о войнахъ Игоря съ разными племенами,чего нѣтъ въ Повѣсти,гдѣ княженіе Игоря описано очень кратко:говорится,что онъ началъ княжить въ 912 г.,затѣмъ походы 913 и 914г.г. и скачокъ въ 944г. Съ другой стороны въ Начальномъ сводѣ нѣтъ заимствованій изъ греческихъ источниковъ; нѣтъ письменныхъ договоровъ Олега,Игоря и Святослава съ греками, нѣтъ преданій объ обрахъ,объ апостолѣ Андреѣ и т.п. На основаніи вышеизложеннаго можно сдѣлать выводъ,что Начальный сводъ былъ составленъ въ Кіевѣ. Соединеніе Начальнаго свода,нѣкоторыхъ заимствованій изъ Византійскихъ и народныхъ источниковъ и лѣтописи Печерскаго монастыря и образовало тотъ сводъ,который называется Повѣстью временныхъ лѣтъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ признаніе этого вывода требуетъ измѣ-

нить установившійся было взглядъ на позднѣйшіе своды,каковы Софійскій Временникъ |XIIIв.| и Никоновская лѣтопись |XVIв.|:прежній взглядъ,что всѣ извѣстія ихъ о древней Руси,не находящіяся въ Повѣсти временныхъ лѣтъ,должны быть отвергнуты,какъ позднѣйшія вставки и наслоенія,долженъ быть теперь значительно ограниченъ:въ ихъ извѣстіяхъ до XIII в. отразились древнѣйшія лѣтописные своды.

XII столѣтіе лучшее время въ исторіи нашего лѣтописанія. Лѣтописи составлялись преимущественно въ дружинѣ,которая принимала живое участіе въ событіяхъ и близко стояла къ народу. Подъемъ народнаго духа и развитіе вѣчевой жизни отразились на лѣтописи,богатой живописными подробностями, отражающей всю жизнь. Такъ Кіевская лѣтопись даетъ яркое описаніе того,что происходило въ Кіевской Руси.

Послѣ XII вѣка появляются мѣстныя лѣтописи,останавливающіяся главнымъ образомъ на событіяхъ отдѣльныхъ областей. мало по малу на сѣверѣ Руси общественная жизнь замолкаетъ, лѣтопись становится суше,обращаясь въ офиціальную запись наиболѣе крупныхъ событій;ею пользуются какъ юридическимъ документомъ. Такъ Юрій Галицкій въ спорѣ съ племянникомъ своимъ Василіемъ Темнымъ передъ ханскими вельможами ссылается на лѣтопись.Иванъ III отправляясь въ Новгородъ, взялъ съ собой дьяка,который долженъ былъ по лѣтописямъ вычитать новгородцамъ всѣ ихъ неправды. Поэтому значеніе лѣтописей,какъ источника падаетъ;онѣ продолжаются до XVIIв., но уже и для XVII в. не имѣютъ особой цѣны.

Какъ бы на смѣну лѣтописи въ московское время появляются разряды, разрядныя книги, въ которыхъ записывались всѣ

назначенія по службамъ и придворнымъ учрежденіямъ, мѣстническія дѣла, а равно и свѣдѣнія о движеніи войскъ, отписки воеводъ и мн. др.. Разрядныхъ книгъ сохранилось не мало; тексты ихъ изслѣдователи дѣлятъ на три категоріи: а|оффиціальные, б|частные и в|скомпилированные изъ двухъ первыхъ; очень близко къ разрядамъ подходятъ такъ называемыя записныя книги московскаго стола.X|

Сказанія, третій видъ источниковъ, частью занесены въ лѣтопись, частью существуютъ отдѣльно. Таковы сказанія о Крещеніи Руси, о Борисѣ и Глѣбѣ, о смерти Андрея Боголюбскаго, о битвѣ на Калкѣ, о нашествіи Батыя, объ Александрѣ Невскомъ, о Куликовской битвѣ. Сказаній особенно много въ Смутное время. Ихъ писали люди, близко стоявшіе къ происшествіямъ, почему ихъ важность не подлежитъ сомнѣнію. Историкъ долженъ относится къ нимъ съ осторожностью, такъ какъ въ сказаніяхъ много субъективнаго и чѣмъ ближе къ намъ тѣмъ больше. Да и давно жившіе русскіе часто изображали дѣйствительность не такъ, какъ она была, а какъ они хотѣли ее видѣть и какъ хотѣли представить ее; древняя Русь

X| Тексты разрядныхъ книгъ изданы: Милюковъ - Древнѣйшая разрядная книга |до 1565г.|, въ Древней Рос. Вивліофикѣ |1556-1576|, части 13 и 14-ая; Симбирскомъ сборникѣ Валуева; Дворцовые Разряды, 4тома |дополненіе къ нимъ 1; Разрядныя книги|, Ср. статьи Милюкова: Оффиціальныя и частныя редакціи древнѣйшей Разрядной книги |Чт. Об. Ист. и Др. 1887г., кн. 2| и его же -Къ вопросу о составленіи Разрядныхъ книгъ. |Ж.М.Н.П. 1889г. № 5 |.
Переработку лѣтописей составляютъ также „степныя" книги.

также умѣла пользоваться литературнымъ оружіемъ, какъ и новая;особенно ясно это видно изъ разбора сказаній Смутнаго времени.[X]

Ж и т і я с в я т ы х ъ являются цѣннымъ и интереснымъ историческимъ источникомъ,особенно до XIУ вѣка. Таковы житія Бориса и Глѣба,Антонія и Феодосія;ихъ писали чтобы сохранить память о святыхъ людяхъ,патронахъ страны поразившихъ современниковъ своимъ нравственнымъ превосходствомъ; въ нихъ много бытовыхъ и фактическихъ подробностей.Житія,составленныя или передѣланныя позднѣе въ XУ и послѣдующихъ вѣкахъ, не имѣютъ уже такой цѣнности. Ихъ цѣль - служить душеспасительнымъ и поучительнымъ чтеніемъ для мірянъ и способствовать прославленію монастыря.

Съ конца XIУ ст. на составленіе житій начала вліять юго - славянская письменность |Кипріанъ,Пахомій|;съ этого времени житія пишутся по одному шаблону;напр. святой въ отрочествѣ плохо учится въ училищѣ до встрѣчи со старцемъ;уходя изъ міру, онъ раздаетъ свое имущество бѣднымъ. Примѣръ: житіе св. Сергія Радонежскаго сохранилось въ двухъ редакціяхъ - Епифанія и позднѣйшей,упомянутаго Пахомія. Въ первой редакціи,написанной русскимъ монахомъ, разсказывается,что насилія московскихъ воеводъ заставили родителей св. Сергія уйти изъ Ростова;что Сергій,уходя изъ міру,отдалъ свое имѣніе брату;что,поселившись въ лѣ-

---

[X] См. по этому вопросу С.Ф. Платонова -Повѣсти и сказанія Смутнаго времени.

су, онъ испыталъ много неудобствъ отъ хищныхъ звѣрей.Во второй редакціи всѣ эти живыя черты исчезли и замѣнены шаблонными: нѣтъ упоминанія о насиліи московскихъ воеводъ, борьба со звѣрями замѣнена искушеніями нечистой силы и т.п Такой же тенденціозной передѣлкѣ подверглись впослѣдствіи въ Москвѣ Новгородскія житія святыхъ,заступничество которыхъ не разъ избавляло Великій Новгородъ отъ Суздальских и Московскихъ войскъ.

Конечно не всѣ житія подверглись такой передѣлкѣ,а многія,несмотря на нее,сохранили въ себѣ живыя черты тогдашняго быта;особенно много нѣкоторыя житія даютъ по воросу о колонизаціи:нерѣдко они рисуютъ враждебное отношеніе крестьянъ къ отшельникамъ,селившимся около нихъ:крестьяне предчувствовали и предугадывали,что со временемъ они будутъ отданы во владѣніе монастырю,который возникнетъ на мѣстѣ поселенія пустынника.Житіе Макарія Желтоводскаго позволяетъ опредѣлить восточную границу русскаго племени на лѣвомъ берегу Волги въ XУ ст.

Житія русскихъ святыхъ были собраны, а нѣкоторыя и вновь написаны знаменитымъ московскимъ митрополитомъ Макаріемъ | ум. 1563 г.|;трудъ Макарія завершилъ духовное объединеніе русской земли того времени подобно тому,какъ Москва завершила ея государственное объединеніе.

Общая оцѣнка житій русскихъ святыхъ,какъ источника исторіи дана В.О. Ключевскимъ въ его книгѣ "Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ".Превосходные образцы того,какъ должно пользоваться древними житіями святыхъ даны В.Г. Васильевскимъ |См. ниже, при разборѣ мнѣній о началѣ Руси|.

Мемуары, воспоминанія, записки, дневники частныхъ лицъ - очень цѣнные источники, дополняющіе офиціальные источники;въ запискахъ современниковъ отчетливо рисуются возрѣнія людей прошедшихъ вѣковъ и обстановка ихъ жизни.Этотъ родъ источниковъ по самому роду своему нуждается въ строгой критической провѣркѣ. Записки пишутся людьми,смотрящими на событія со своей, частной точки зрѣнія,нерѣдко пишутся - въ цѣляхъ самооправданія, не всегда они пишутся людьми хорошо освѣдомленными о событіяхъ,поэтому критика должна прежде всего изучить личность автора воспоминаній,его отношеніе къ описываемымъ событіямъ.Записки современниковъ открываются такъ наз . сказаніями кн. Курбскаго |ум. 1583 г.|, т.е. исторіей вел. кн. Московскаго; но это произведеніе скорѣе политическій памфлетъ,чѣмъ исторія; во многомъ не слѣдуетъ вѣрить также знаменитому дѣятелю Смутнаго времени Авраамію Палицину |ум. 1626 г.|, "сказанія объ осадѣ Троицкаго-Сергіева монастыря",одностороннее написанное сочиненіе Гр. Катошихина,хотя оно отчетливо изображаетъ административный механизмъ Московскаго государства времени царя Алексѣя Михайловича;келейникъ патріарха Никона Шушеринъ въ житіи Никона оправдываетъ и обѣляетъ его отъ всякихъ нареканій; противоположная точка зрѣнія проведена въ автобіографіи прот. Аввакума,которая считается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній древней Руси.Начиная съ Петровской эпохи идетъ цѣлый рядъ воспоминаній и записокъ современниковъ, - источникъ этотъ далеко не исчерпанъ; то и дѣло появляются новыя воспоминанія на страницахъ историческихъ журналовъ |Рус. Архивъ, Рус.Ста-

рина, Историч.Вѣстникъ, Кіевская Старина и др.|. Главнѣйшія изъ записокъ современниковъ гр. А.А.Матвѣева, Сильвестра Медвѣдева, Желябуж каго - напечатаны въ изданіи Сахарова "Записки русскихъ людей", также Туманскаго "Собраніе русскихъ записокъ и сочиненій", т.наз. Журналъ Петра Великаго, записки Н.И.Неплюева |ум. 1773 г.|. Н.Б.Долгорукой - жены любимца Петра II, кн. Шаховского |временъ Елизаветы|, Денисова и особенно Болотова - драгоцѣннѣйшій матеріалъ для бытовой исторіи XVIII в.; записки Екатерины II - скоро будутъ выпущены въ свѣтъ - въ высшей степени важный матеріалъ для политической исторіи XVIII в.; записки Е.Р.Дашковой - также; тѣ и другія требуютъ строгой критической провѣрки. |См. перечень ихъ въ Русской Исторіи Бестужева-Рюмина|. Изъ болѣе новыхъ должно указать на записки и дневникъ Никитенко |время Александра I, Николая I и Александра II|, напечатанные отрывки изъ записокъ бар. М.О.Корфа |время и личность Николая I.|, многочисленныя записки декабристовъ |см. перечень въ Общественномъ движеніи при Александрѣ I - Пыпина|, записки С.Г.Волконскаго и мн. др.

II Близко къ мемуарамъ стоятъ извѣстія иностранцевъ о Россіи: иностранцы, бывавшіе въ Россіи или писавшіе о ней по чужимъ извѣстіямъ, обращали вниманіе на тѣ стороны быта, которыя своими наблюдателями часто не отмѣчаются, какъ явленія обычныя, повседневныя. Для древней исторіи Россіи извѣстія иностранцевъ имѣютъ и болѣе важное самостоятельное значеніе: они не только дополняютъ, но и подтверждаютъ и исправляютъ источники домашніе; иногда данныя нашей первоначальной лѣтописи можно было бы принять за недостовѣрныя, если бы они не подтверждались иностранными; примѣръ: разсказъ

лѣтописи о призваніи 3-хъ братьевъ въ 862 году до сихъ поръ встрѣчаетъ сомнѣнія,такъ какъ нигдѣ кромѣ лѣтописи объ этомъ фактѣ не говорится;разсказы лѣтописи о походѣ Игоря на Константинополь,о поѣздкѣ туда же Ольги - внѣ сомнѣнія, ибо подтверждаются иностранными извѣстіями |Константина Богрянороднаго,Луитпранда.|.

Пользованіе иностранными извѣстіями требуетъ еще большаго критическаго изученія,чѣмъ домашнія:чужому наблюдателю труднѣе понять смыслъ явленій,чѣмъ своему,и въ тоже время онъ почти всегда предубѣжденъ противъ того народа, который описываетъ;рознь національная и религіозная часто чувствуется въ иностранныхъ извѣстіяхъ; какъ византійцы смотрѣли съ пренебреженіемъ на варваровъ русскихъ,такъ точно и западные путешественники,пріѣзжавшіе въ Москву въ XУ - XУII ст. свысока смотрѣли на варваровъ-москвитовъ;не слѣдуетъ забывать и того,что часто въ политическіе расчеты иностранныхъ авторовъ входило желаніе предоставить русскихъ въ возможно худшемъ видѣ для того,чтобы возбудить противъ нихъ общественное мнѣніе Европы;чѣмъ сильнѣе выступаетъ какой нибудь народъ со своими претензіями, чѣмъ успѣшнее и послѣдовательнѣе онъ борется за свои права,тѣмъ конечно больше осужденія и клеветы онъ встрѣтитъ на своемъ пути; и чѣмъ своеобразнѣе народъ, чѣмъ менѣе онъ похожъ на другихъ, тѣмъ больше онъ приметъ осужденій. По отношенію къ иностраннымъ авторамъ о Руси должно принять во вниманіе и то,что рѣдкіе изъ нихъ не смотрѣли свысока на нашъ народъ,рѣдкіе изъ нихъ знали русскій языкъ, и немногіе изъ нихъ наблюдали русскую жизнь внѣ главныхъ го-

родовъ,такимъ образомъ нерѣдко общія сужденія иностранцевъ пристрастны, частныя извѣстія - обивчивы,недостаточно точны.Для древней исторіи Руси особенное значеніе имѣютъ:

I|извѣстія древнихъ писателей греческихъ и римскихъ - см. В.В. Латышева.

2| Стриттеръ "*Memoriae populorum*"

3|Извѣстія Прокопія,Маврикія,Константина Богрянороднаго и другихъ византійцевъ.

4|Извѣстія мусальманскихъ писателей о Руси, см.Гаркави "Сказанія мусальманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ" также Хвольсонъ - Извѣстія Ибнъ-Дости,Куника и Розена - "Аль-Бекри, Яхчъ Антіохійскій" и мн. др.

5|Извѣстія западныхъ писателей начинаются Горднандомъ Готскимъ |XVI в. по Р.Х. |. и продолжаются по настоящее время,см. перечень главнѣйшихъ въ книгѣ Бестужева Рюмина т.I, подъ рубрикой"Сказанія иностранцевъ" - болѣе подробное - въ каталагахъ "*Rossica*" Имп.Пуб. Библіотеки,гдѣ есть отдѣленіе,посвященное иностраннымъ произведеніямъ о Россіи.

VII Послѣдній,но самый важный источникъ - <u>акты и документы</u>. Выше уже было указано,что еще въ началѣ XIX столѣтія со времени Н.П. Румянцева и у насъ начали отдавать предпочтеніе исторіи,построенной на актахъ,исторіи,написанной по лѣтописямъ и другимъ повѣствовательнымъ памятникамъ; съ теченіемъ времени такое наравленіе усилилось,сдѣлалось не только преобладающимъ,но почти исключительнымъ,чему способствовало и измѣненіе въ требованіяхъ, предъявляемыхъ

къ исторіи. Акты могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи:
I |акты государственные: манифесты, законы, указы, грамоты |духовныя, уставныя, таможенныя и др.|, донесенія |рапорты, реляціи, слѣдственныя дѣла, вѣдомости|, акты такіе укрѣплены подписями, имѣютъ дату и т.п.; нѣкоторые изъ нихъ конечно бываютъ неточны, даже невѣрны, пристрастны, неполны, напр. слѣдственное дѣло, реляція о сраженіи могутъ быть невѣрны, но они тѣмъ не менѣе точно устанавливаютъ самый фактъ, вызвавшій донесеніе |смерть царевича Димитрія, Бородинская битва|, а съ другой стороны самая невѣрность или неполнота открываетъ цѣли и намѣренія правительства; само собой разумѣется, что и этого рода акты должны быть правильно оцѣнены критикой.
II Частные акты |сдѣлки, мировые, купчіе, закладные, рядные, просьбы всѣхъ родовъ | заключаютъ богатѣйшій матеріалъ для бытовой исторіи, они знакомятъ также со взглядами общества, со степенью его образованія, со строемъ общественнымъ и т.п

Главные сборники актовъ:
"Сборникъ госуд. грамотъ и договоровъ" изд. Румянцевымъ, а затѣмъ сборники актовъ, изд. археографическими коммиссіями въ Петербургѣ, Кіевѣ и Вильнѣ, а также въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древ. Рос. |Угличскіе акты, Бѣлецкіе и др. |, въ Сборникѣ Имп. Рус. Историч. Общества |115 т.т. по XVIII и XIX в.в. |.

Хранятся акты въ архивахъ, изъ которыхъ первенствующее значеніе принадлежитъ: Московскому главному архиву министерства иностранныхъ дѣлъ; Московскому архиву министерства юстиціи, Государственному архиву въ Петербургѣ,

Библіотека С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

архиву Государственнаго Совѣтъ и Комитета Министровъ, архиву Сената и т.п. Желающіе ознакомиться съ архивами, описями и ихъ новѣйшими матеріалами, хранящимися въ нихъ, должны обратиться къ указанной книгѣ В.С. Иконникова: Опыты русской исторіографіи; эта книга заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о всѣхъ правительственныхъ архивахъ и многихъ частныхъ.

- - - - - - - - - -

Исторія Русскаго государства начинается съ IX вѣка, исторія русскаго племени гораздо раньше. Первые вопросы нашей исторіи - когда выступило славянское племя впервые? гдѣ оно обитало въ Европѣ до своего разселенія? Вопросъ этотъ занималъ и составителя Повѣсти временныхъ лѣтъ и онъ отвѣчалъ,что нѣкогда славяне жили на Дунаѣ, тамъ, гдѣ земля Угорская |т.е. Венгрія| и Болгарская, и оттуда славяне начали расходиться въ разныя стороны: одни ушли на рѣку Мораву и прозвались Морава, другіе Чехами,третьи Хорватами,Сербами и т.п. Затѣмъ оставшіеся на Дунаѣ славяне подверглись нападенію Влаховъ, т.е. Волоховъ, тогда они разошлись съ Дуная,часть ушла на Вислу и прозвалась Ляхами,другіе сѣли по Днѣпру и стали называться полянами,третьи - древлянами и т.д..

Лекціи по Русской Исторіи. Листъ 9-ый.

Лит. Богданова, Эртел. пер. д.I. Директоръ

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

По лѣтописному преданію славяне нѣкогда жили на Дунаѣ, въ предѣлахъ теперешнихъ Румыніи и Болгаріи и оттуда разошлись въ тѣ страны,въ которыхъ ихъ застаетъ исторія. Лѣтописное преданіе находило и находитъ защитниковъ себѣ |Забѣлинъ,Самоквасовъ,раньше Соловьевъ|,но оно не можетъ быть принято. Нѣсколько разъ изслѣдователи весьма внимательно изучали этнографію придунайскихъ областей и не находили тамъ славянъ; на нижнемъ Дунаѣ жили геты, даки, проходили другія племена, но до V вѣка по Р.Х. славянъ тамъ не было.[X] Этотъ выводъ очень важный,онъ важнѣе,чѣмъ всѣ другія соображенія, которыя приводятся въ доказательство того,что прародина славянъ была на Дунаѣ: именно, защитники этого послѣдняго мнѣнія указываютъ на то,что лѣтопись Влахами - Волохами называетъ населеніе Италіи, Римлянъ, можетъ быть вообще романскіе народы,а между тѣмъ при императорѣ Траяне римляне укрѣпились въ теперешней Румыніи; имена "Дунай", Траянъ" очень популярны въ народной поэзіи славянскихъ народовъ |Дунай - нарицательное имя рѣки, Траянъ - въ Словѣ о полку Игоревѣ|; что изображенія покоренныхъ гето - даковъ на Траяновой колоннѣ въ Римѣ сходны со славянскимъ типомъ, и т.д.; но всѣ эти доводы болѣе чѣмъ шатки: имя Траяна, также какъ каляда - римскія *calendae* могли проникнуть къ славянамъ путемъ книжнаго заимствованія; широкое распространеніе имени Дуная также может быть слѣдствіемъ позд-

---

[X] См. Барсовъ - Очерки исторической географіи. Географія начальной лѣтописи.

нѣйшаго знакомства славянъ съ этою рѣкою. Слѣдовательно, мы не должны придавать этому преданію значеніе факта, и потому необходимо обратиться къ другимъ свидѣтельствамъ о славянахъ;не мало писателей Греціи и Рима сообщаютъ драгоцѣнныя извѣстія о теперешней южной Россіи, X| не скрываются ли у нихъ извѣстія о славянахъ подъ именемъ какого либо другого народа? Первый писатель, который даетъ подробныя свѣдѣнія о Россіи - знаменитый Геродотъ: въ IУ книгѣ онъ описываетъ походъ Дарія на скифовъ, обитавшихъ,по его словамъ, въ степяхъ между Дунаемъ и Дономъ, Геродотъ разсказываетъ также о народахъ, которые жили къ сѣверу и сѣверо - востоку отъ скифовъ, т.е. даетъ свѣдѣнія о населеніи большей части тогдашней Россіи, Описаніе Геродота,конечно, не точно, разборъ его извѣстій, толкованіе ихъ породило громаднѣйшую литературу,тѣмъ не менѣе дѣло не разъяснено еще вполнѣ. Геродотъ описываетъ обычаи скифовъ, ихъ бытъ,но такіе этнографическіе признаки не могутъ имѣть въ наукѣ рѣшающаго значенія; одинаковыя или сходныя черты могутъ быть указаны у очень многихъ народовъ: пышно хоронили своихъ царей, имѣли знахарей, излечивавшихъ болѣзни, казнили этихъ знахарей за неудачи, гадали на прутьяхъ, имѣли бани, заключали побратимства,скальпировали своихъ враговъ, дѣлали чаши изъ ихъ череповъ, - но какіе народы на первоначальной степени развитія не дѣлали того же или почти тогоже?

X| Извѣстія собраны В.В. Латышевымъ въ изв. „Scythica et Caucasica" |тексты и переводъ|.

Скифы были наѣздники,всадники, никогда почти не разставались съ лошадьми, но образъ жизни народа зависитъ отъ окружающей его природы: современные намъ киргизы и калмыки только такіе "конные" народы, что искони живутъ въ степяхъ. До насъ сохранились изображенія скифовъ. |Кульобская ваза, Чертомлыцкая ваза|[X], по этимъ изображеніямъ можно сказать,что скифы не отличались рѣзко своимъ типомъ отъ народовъ индоевропейскихъ, къ какому же типу они больше подходятъ къ славянскому или германскому ,или гальскому, или иному - сказать трудно. Поэтому пока ученые для рѣшенія вопроса о національности скифовъ подыскивали слова однозвучныя со со словомъ скифъ,указывали на этнографическія черты - возможны были самыя разнообразныя мнѣнія, напр . Шафарикъ считалъ ихъ за туранцевъ, Эйхвальдъ - за финновъ, Иловайскій,Забѣлинъ, Соловьевъ - за славянъ. Когда же были болѣе строго разобраны немногія слова скифскаго языка, дошедшія до насъ въ передачѣ грековъ,тогда стало преобладать мнѣніе, что скифы - народъ близкій къ такъ назыв. иранцамъ,древнимъ персамъ |мнѣніе Мюлленгофа|; этотъ выводъ считается въ настоящее время наиболѣе твердымъ; но имѣемъ ли право,говорятъ противники этого взгляда, считать скифовъ за одинъ народъ? не называли или греки и Геродотъ однимъ именемъ совокупность нѣсколькихъ племенъ, тѣмъ болѣе,что и по разсказу Геродота, восточные скифы - кочевники, а западные - осѣдлые земледѣльцы. Но самъ фактъ этотъ вполнѣ воз-

---

[X] См. гр. Толстого и Кондакова, Рус. Древности, вып. 2-ой.

моженъ, т.е. то,что одна часть народа перешла на земледѣльческій бытъ въ то время,какъ другая оставалась еще номадами; а съ другой стороны, Геродотъ такъ опредѣленно говоритъ о скиѳахъ, какъ бы объ одномъ народѣ,такъ рѣзко различаетъ народы скиѳскіе, нескиѳскіе,что допустить указанное толкованіе было бы произвольно. Выводъ тотъ, что въ скиѳахъ мы не имѣемъ права видѣть предковъ славянъ.[X]

Кромѣ скиѳовъ Геродотъ называетъ въ теперешней Россіи нѣсколько нескиѳскихъ народностей, большинство изъ нихъ по признакамъ болѣе или менѣе случайнымъ причисляется къ народамъ финскимъ |андрофаги Геродота - теперь мордва, меланхлемы его - вѣроятно черемисы, будины - вотяки и пермяки, іирки - югра|; этотъ выводъ тѣмъ вѣроятнѣе, что изученіе мѣстныхъ названій доказываетъ,что нѣкогда фины жили гораздо южнѣе,чѣмъ во времена историческіе; народъ "невры", который по Геродоту жилъ между Днѣстромъ и Днѣпромъ, приблизительно въ долинѣ рѣки Припяти - обык-

---

[X] О скиѳахъ см: I| *Scythica et Caucasica* извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ, собр. Латышевымъ |текстъ и русскій переводъ авторовъ,безъ всякихъ объясненій|
2|Браунъ - Древности Геродотовской Скиѳіи - попытка согласить извѣстія Геродота о Скиѳіи; здѣсь приведена обширнѣйшая литература по этому вопросу до конца 60-хъ годовъ XIX ст.
Лапо - Данилевскій - Скиѳскіе древности.
4|Браунъ - Разысканія въ области славяноготскихъ отношеній.

новенно со времени Шафарика считаютъ за предковъ славянъ; основанія такого мнѣнія филологическія: слово "невры" сближаютъ со словомъ - Нуръ, Нурецъ, и др. названіями, встрѣчающимися въ этой области.

Послѣ скифовъ съ IV в. до Р.Х. до II в. по Р.Х. ,на югѣ господствовали сарматы; это племя,очевидно, было родственно скифамъ, оно выяснено лучше,чѣмъ скифы: теперешніе осетины,вѣроятно, потомки нѣкогда могучаго и славнаго народа сарматовъ; по языку они также индоевропейцы и ближе всего къ иранцамъ; названія главныхъ рѣкъ юга Россіи - Днѣстра,Днѣпра,Дона,вѣроятно, сарматскаго происхожденія; остатки сарматовъ долго оставались въ Крыму и въ степяхъ на востокъ отъ Днѣпра; наша лѣтопись ихъ знаетъ подъ названіемъ "ясы". Могущество сарматовъ на югѣ Россіи сломлено было готами,пришедшими на югъ Россіи |отъ Днѣпра до Дуная| съ Вислы во II вѣкѣ по Р.Х. Въ это это время область между Днѣпромъ и Дунаемъ была значительно заселена:города были не только по берегамъ Чернаго моря |греческія колоніи|, но и въ глубь материка: источники называютъ намъ города по Днѣстру,Бугу и Днѣпру,многочисленные клады римскихъ монетъ находятся по среднему Днѣпру,по Припяти;нѣтъ сомнѣнія,что здѣсь жили, т.ск., на будущемъ театрѣ древней русской исторіи,племена,далеко вышедшіе изъ первоначальныхъ условій жизни, здѣсь же скрываются и славяне,но подъ какимъ именемъ и гдѣ именно мы не знаемъ.[x] Плиній и Тацитъ | I в. по Р. Хр. | и

---

[x] Наиболѣе свѣдѣній о II в. по Р.Х. даетъ Птолемей.

Птоломей |II в. по Р.Х.| говорятъ о Венедахъ, т.е.славянахъ, за Вислою,но Птоломей помѣщаетъ ихъ къ востоку отъ Вислы по берегу Балтійскаго моря,гдѣ славяне никогда не жили;на югѣ Россіи тѣснятся тюркскія народности: гунны,ихъ потомки болгары,затѣмъ овары,хазары, и уже только съ VI в. славяне явственно подъ именемъ антовъ - славянъ выступаютъ на югѣ Россіи.

Бытъ русскихъ Славянъ.

Итакъ,въ какой бы то ни было періодъ времени, наши предки славяне заняли русскую равнину и разселились въ ней. Непривѣтно глядѣла природа на новаго пришельца и не какъ мать,а какъ мачеха отнеслась она къ нему.Такъ на западѣ въ любовной заботѣ о человѣкѣ она приготовила ему свѣтлое и теплое помѣщеніе,въ странѣ разгороженной хребтами гор,какъ бы на отдѣльныя комнаты,приспособленныя для удобной жизни народовъ.Она не заморозила его гиперборейскимъ холодомъ,не сожгла африканскимъ жаромъ.Здѣсь на русской равнинѣ не то нашелъ человѣкъ:суровый климатъ, тяжелый трудъ,однообразныя картины скучнаго ландшафта.Одно,чѣмъ можетъ похвалиться страна, это рѣки широкія,полноводныя,судоходныя. Структура ихъ береговъ вездѣ одинакова: правый берегъ горный, лѣвый - луговой. На горномъ берегу обыкновенно воздвигались города. По

разборъ его извѣстій въ книгѣ Брауна: "Разысканія въ области славяноготскихъ отношеній".

характеру своему равнина сводится къ двумъ типамъ: лѣсному и степному. Эти два типа различнымъ образомъ вліяли на характеръ народа,населявшаго равнину.

Первоначальная лѣтопись раздѣляетъ русскихъ славянъ на племена: Славяне Ильменскіе, Полочане,Кривичи,Дреговичи, Древляне,Поляне,Радимичи, Вятичи,Сѣверяне,Дулѣбы, Хорваты,Уличи, и Тиверцы, и указываетъ для каждаго племени довольно опредѣленную территорію. Въ чемъ основа этого различія? Языкъ и вѣра,очевидно, у всѣхъ одни; племенныя особенности сводятся только къ различію въ нравахъ и обычаяхъ, такъ какъ "Поляне" напримѣръ, "имутъ отъ отецъ своихъ обычай кротокъ и тихъ", тогда какъ Древляне живяху звѣринскимъ образомъ",она оставливается еще на различныхъ способахъ погребенія покойниковъ и вообще все различіе ограничиваетъ этнографическими особенностями.

Само собой разумѣется,что позднѣйшіе изслѣдователи не могли остановиться только на этихъ различіяхъ и что возникъ цѣлый рядъ вопросовъ: чѣмъ было вызвано обособленіе племенъ,что ихъ связывало и какую промежуточную ступень къ государству занимали они?

Изъ племенъ постепенно слившись,получили одно названіе Русь и образовали одно обширное государство. Разсматривая названія этихъ племенъ, мы видимъ, что они распадаются на двѣ группы, одни объясняются мѣстомъ занимаемымъ племенемъ, какъ напримѣръ древляне - "зане сѣдоша въ лѣсѣхъ",дреговичи отъ слева дрегва, топь, болото, словене т.е. славяне по преимуществу, которые ушли дальше всѣхъ

на сѣверъ, къ Новгороду со всѣхъ сторонъ окружены чужеземцами и въ большей степени чувствуютъ себя славянами. Названія другихъ племенъ какъ будто указываютъ на начало родовое, какъ будто они произошли отъ одного родоначальника, такъ напр. Родимичи и Вятичи отъ двухъ братьевъ Родима и Вятки.

Третьи названія остаются непонятными: названіе сѣверянъ еще можно объяснить или по мѣсту имъ занимаемому, что сначала они жили южнѣе, а потомъ перешли на сѣверъ, а можетъ быть родствомъ со словомъ "сярбы, сербы", названія: дулѣбы, тиверцы, кривичи, хорваты, - пока еще необъяснимы окончательно .

Давно поставленъ былъ вопросъ, въ какомъ отношеніи стоитъ раздѣленіе русскаго міра въ IX вѣкѣ на племена къ теперешнему его раздѣленію на три народности |велико - мало - и бѣлоруссовъ|? Особаго вниманія заслуживаютъ двѣ предложенныя въ послѣднее время гипотезы: археолога Спицина и филолога Шахматова.

Спицинъ | Ж.М.Н.П. 1899 г., № 8 | по обрядамъ погребенія и вещамъ находимымъ въ курганахъ славянскихъ XIв. соединяетъ эти племена въ три группы : югозападную, сѣверную и восточную. Первую, югозападную группу, образуютъ племена :волыняне, древляне, поляне и дреговичи. Вторую сѣверную - Ильменскіе славяне, полочане и кривичи; и третью восточную - сѣверяне, родимичи и вятичи объ ульцахъ и тиверцахъ раскопки пока даютъ такъ мало, что ихъ приходится обойти|.

Такъ сгруппированы археологомъ Спицинымъ древнерусскія племена на три группы. Тотъ же вопросъ пытался разрѣшить филологъ Шахматовъ въ статьѣ "Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчый |Ж.М.Н.П. 1899 г. № 4|. Авторъ ставитъ себѣ задачу, не стоитъ ли настоящее дѣленіе русскаго народа въ связи съ племенными различіями, восходящими къ отдѣльнымъ историческимъ эпохамъ? Онъ находитъ возможнымъ принять, что еще въ доисторическое время русскій языкъ распался на три группы говоровъ: сѣверно- русскую, средне - русскую, и южно - русскую.

Великорусская народность образовалась изъ потомковъ двухъ различныхъ группъ: сѣверной и средней.

Бѣлрусская - изъ западной вѣтви средней группы, |радимичи и дреговичи|, а частью и сѣверной группы |кривичи|

Малорусская - наиболѣе цѣльная изъ южной группы.

Такое дѣленіе не совпадаетъ съ дѣленіемъ, сдѣланнымъ по даннымъ археологическимъ; не защищая этого послѣдняго признавая его еще, напротивъ, очень шаткимъ, слѣдуетъ сказать, что и дѣленіе академика Шахматова не можетъ удовлетворить историка.

Еще болѣе спорнымъ является вопросъ объ образованіи государства. Какова была та заложенная въ жизни самой славянъ форма, изъ которой она возникла? Разнообразны и многочисленны были отвѣты, дававшіеся на этотъ вопросъ. Всѣ выдвинувшіяся по этому поводу теоріи можно свести къ четыремъ основнымъ.

I |Теорія государственная, установленная Карамзинымъ и поддерживаемая въ настоящее время Самоквасовымъ. Теорія

эта, повторяя въ сущности легенду лѣтописи, утверждаетъ, что славянскія племена сознавъ превосходство порядка, мира, и единоначалія, добровольно жертвуютъ ради этого высшаго начала своей свободой. А разъ дѣло сдѣлано, то князь становится повелителемъ почти неограниченнымъ. О вѣчахъ,говорятъ послѣдователи государственной теоріи - мы въ первое время не слышимъ. Олегъ захотѣлъ - и перемѣнилъ столицу. Владиміръ пожелалъ - и ввелъ новую вѣру. Ярославъ по собственной волѣ установилъ новые законы. Однако нельзя не подмѣтить крупныхъ промаховъ этой теоріи.Развѣ не звучитъ власто голосъ вѣча уже на первыхъ страницахъ русской исторіи? развѣ не совѣтывался Владиміръ и съ боярами и съ градскими старцами прежде чѣмъ перемѣнить вѣру? Законы Ярослава, т.е. Русская правда, вовсе не были новыми правилами,установленными этимъ княземъ; Ярославъ судилъ по старымъ народнымъ обычаямъ и его судъ былъ записанъ.

2|Терія родовая, основы которой были уже изложены. Она въ сущности приложима только къ князьямъ и ихъ счетамъ.Ею объясняются изгойство и мѣстничество, но родовой бытъ есть уже слишкомъ первичная форма и свойственна только народамъ кочевымъ,народъ же хозяйственный, народъ торговый не могъ руководиться его началами въ своихъ сношеніяхъ.Тутъ сама жизнь тотчасъ разорвала бы оковы,налагаемыя ими. Если и удерживались кое какіе остатки родового быта,какъ названіе Радимичей, Вятичей и нѣкоторыя слова да обычаи,то только въ видѣ любопытныхъ окаменѣлостей, а не знаменателей живого или недавно отжившаго строя.

3|Теорія общинная выдвинута въ противовѣсъ родовой. За свою основу и точку отправленія она взяла землю, къ участкамъ которой, по ея мнѣнію, и привязывались общей работой и общими выгодами группа владѣльцевъ. Всякаго новаго вступавшаго члена община надѣляла землей и за это требовала исполененія нѣкоторыхъ обязательствъ. Но приложимо ли такое понятіе объ общинѣ къ жизни нашихъ предковъ? Въ тѣ времена,когда повсюду было множество пустопорожней земли,зачѣмъ надо было славянину привязываться къ общинѣ ради какого нибудь участка?.

Послѣдующія ученія значительно сгладили первоначально совершенно противоположныя ученія о формѣ быта у славянъ русскихъ въ эпоху образованія государства. Когда понятія "науки" и "рода" выяснились въ наукѣ точнѣе, явились ученія,имѣвшія цѣлью сблизить два эти,первоначально столь противоположныя начала. Таково ученіе Никитскаго о фикціи родового быта |Очеркъ внутренней исторіи Пскова| и Леонтовича о задругѣ |О значеніи верви сравтельно съ задругою - Ж.М.Н.П. 1867г. № 4|.

4) По взгляду Никитскаго, въ эпоху образованія государства родовой бытъ уже распался,но тогдашнему обществу совсѣмъ непонятна была еще мысль о возможности имѣть общія дѣла единственно на основаніи простого мѣстнаго сожительства.На помощь приходитъ фикція - на лицъ постороннихъ распростаняютъ узы родства, т.е. они, будучи посторонними,считаются родственниками, рядомъ съ одной семьею начинаетъ жить другая семья,по крови ей чуждая, но обѣ онѣ считаютъ себя происходящими отъ одного общаго

родоначальника,конечно,измышленнаго. Такими фиктивными вымышленными ро—доначальниками на Руси являются Кій,Щеки, Хоривы,Вятки, Радимы, и др., слѣдовательно, русскія славяне давно вышли изъ родового быта, образовали союзы территоріальные,но руководились родственными отношеніями.

Задруга |существующая и нынѣ у сербовъ| есть семейная община т.е. союзъ родственниковъ; союзъ этотъ выбираетъ себѣ старшину,владѣетъ землей совмѣстно, судится самъ и въ тоже время допускаетъ въ свою среду чужихъ.

Чешскій ученый Ириченъ въ качествѣ соединительнаго звена между родомъ и общиной выдвинулъ задругу.Задруга начинается съ семьи,владѣющей сообща землею,но расширяется черезъ принятіе въ этотъ союзъ родственниковъ не кровныхъ,а благопріобрѣтенныхъ,каковы зятья,шурья и т.д. Тутъ нѣтъ полновластнаго родоначальника: ни одного участка земли нельзя продать безъ согласія всѣхъ членовъ, число которыхъ совершенно неопредѣленно и можетъ простираться отъ 20 до 100 . Отсюда видно,что Ириченова теорія примиряетъ крайности теорій родовой и общинной и соединяетъ въ себѣ их элементы.

Нѣчто похожее на задругу раскрыла А. Ефименко въ строѣ жизни современныхъ архангельскихъ крестьянъ, а также по писцовымъ книгамъ - въ жизни - югозападной Руси XV - XVI вѣковъ. Въ той и другой формѣ скользитъ передъ нами обликъ глубокой старины почти не затуманенный позднѣйшими искусственными наслоеніями,такъ какъ на сѣверѣ вслѣдствіе отсутствія помѣщичьей власти первоначальный бытъ могъ сохраниться въ наиболѣе чистомъ видѣ, а западная

Русь также сохранила его дольше, чѣмъ Московская, не находясь подъ непосредственнымъ вліяніемъ татаръ. Изслѣдованія г-жи Ефименко показали, что крестьяне Архангельской губерніи, живутъ поселками, состоящими обыкновенно изъ шести дворовъ, которые принадлежатъ очевидно, всѣ шесть одной семьѣ, ибо жители поселка большей частью носятъ одинаковую фамилію. Эти поселки называютъ печищами, названіе, сближаемое со словомъ огнище. Оба эти названія можно толковать слѣдующимъ образомъ: вѣроятно, основателемъ печища является одинъ крестьянинъ, который выйдя изъ своей деревни съ семьей, заводитъ гдѣ нибудь въ лѣсу починокъ, расчищая огнемъ участокъ земли подъ поле.

Фиктивный родъ Никитскаго и задруга Леонтовича гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ родъ Соловьева и община Аксакова. Дальнѣйшій шагъ въ сближеніи ученій о родѣ и общинѣ сдѣланъ Градовскимъ. Изъ многочисленныхъ сочиненій покойнаго профессора государственнаго права для исторіи особенно важны: Исторія мѣстнаго управленія", "Высшая администрація XVIII вѣка" и "Государственный строй древней Руси". [x] Не отрицая того, что князья въ своихъ отношеніяхъ руководились родовыми началами, Градовскій указывалъ на территоріальныя общины, сложившіяся въ волости еще до призванія князей. Образованіе волости вытекало изъ условій заселенія славянами теперешней Россіи: дерев-

---

[x] См. собраніе соч. Градовскаго - изданіе еще не закончено.

ни тянули къ селамъ,села къ пригородамъ,пригороды къ старшимъ городамъ;слѣдовательно, территоріальныя общины образовали извѣстную іерархію; въ нихъ то и лежалъ зародышъ государственнаго быта древней Руси.Единство волости держалось на связи указанныхъ территоріальныхъ общинъ,а не на принадлежности тому или другому князю. Когда же междукняжескія отношенія изъ родовыхъ стали территоріальными,тогда возникло нѣсколько княжествъ вотчинъ; одно изъ нихъ Московское подчинило себѣ всѣ остальныя и образовала государство.

---

12 Призваніе князей.

Литература предмета:

В. Томсенъ - Начало русскаго государства |ясное и популярное изложеніе вопроса съ точки зрѣнія норманской теоріи|.

Куникъ - Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven.

Гедеоновъ - Варяги и Русь 2т. 1876г.

Иловайскій - Разысканія о началѣ Руси.

Если восточные славяне вышли изъ формъ первоначальнаго быта въ IXв., тѣмъ не менѣе государство русское возникло съ помощью призванныхъ князей варяговъ. Передъ образованіемъ государства восточные славяне распались на два союза: южные - поляне,сѣверяне,вятичи, и др. платили дань

хазарамъ, новгородцы и кривичи вмѣстѣ съ нѣкоторыми финскими племенами - варягамъ. Разсказъ лѣтописи объ этомъ событіи вызвалъ и вызываетъ самые разнообразные комментаріи и преположенія: Байеръ, Миллеръ, Шлецеръ, Кругъ, Карамзинъ,Шафарикъ,Погодинъ,Соловьевъ, Миклошичъ, Куникъ защищаютъ разсказъ лѣтописи; ихъ ученіе образовало норманскую теорію происхожденія Руси, наиболѣе полно изложенную въ сочиненію Куника; напротивъ того Ломоносовъ,Гедеоновъ,Забѣлинъ,Костомаровъ, Иловайскій и др.. образовали такъ называемую "славянскую" школу, которая отвергла норманское |шведское| происхожденіе первыхъ князей и утверждала, что это князья были или туземнаго происхожденія или отъ поморскихъ славянъ; впрочемъ,как норманская такъ и славянская имѣютъ очень много видоизмѣненій весьма значительныхъ. Высказывались предположенія, и другія: напр. о мадьярскомъ | Болтинъ|, хазарскомъ | Эверсъ|, происхожденіи первыхъ князей.

Разсказъ лѣтописи:

859г. |Имаху дань варязи изъ заморья на Чюди и на Словѣнѣхъ, на Мери, на Весѣхъ, и на Кривичѣхъ; и Козари имаху на Полянѣхъ,и на Сѣверѣхъ, и на Вятичѣхъ, имаху го бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма.

862г. | Изгнаша варяги за море и не даша имъ дани,и начаша сами въ себѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и воста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаше сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: поищемъ себѣ князя иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ Варягамъ Руси, сице бо и звахуть тіи Варязи Русь, яко се

Библиотека С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

друзіи зовутся Свее |шведы|, друзіи же Урмане |норвежцы|, Англяне, друзіи Готе; тако и си. Рѣша Руси Чюдь, Славѣны, Кривичи и Весь: "земля наша велики и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; да пойдете княжить и володѣти нами". И избрашася три братія съ роды своими, пояша по собѣ всю Русь и придоша.

Возможно, конечно, отрицать эти сообщенія лѣтописи, какъ позднѣйшій вымыселъ, какъ позднѣйшую вставку; мы уже видѣли, что старѣйшія редакціи лѣтописныхъ сводовъ не восходятъ ранѣе XIУ ст., но разсказъ этотъ о началѣ государотва является общимъ для всѣхъ редакцій; нѣтъ основаній отвергнуть этотъ разсказъ: возможно, что хронологія разсказа невѣрна, что онъ не точенъ, но едва ли возможно отвергать самый фактъ призванія; трудно допустить, какія мотивы могли бы заставить выдумать безъ нужды фактъ обращенія къ иноземцамъ за князьями. Сказаніе лѣтописи, во всякомъ случаѣ, необходимо принять во вниманіе.

Изъ сопоставленія вмѣстѣ Варяговъ-Руси со Свеями |шведами|, Урманами |норвежцами|, Англянами |англы|, Готами слѣдуетъ, что лѣтописецъ считаетъ ихъ народностью скандинавскою. Выраженіе "за моремъ" недостаточно опредѣленно: по отношенію къ Новгороду и Скандинавія, и Фин ляндія и Померанія - все это одинаково было за моремъ.

2| Свидѣтельство Бертинскихъ лѣтописей, въ которыхъ раз-

Библиотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

сказывается, что въ 839 г. къ Людовику Благочестивому пришли послы отъ императора Ѳеофила и вмѣстѣ съ ними люди, которыя называли себя "Росъ", а государя своего коганомъ; Ѳеофилъ просилъ Людовика дозволить этимъ людямъ вернуться на родину чрезъ его владѣнія, такъ самъ онъ не можетъ допустить, чтобъ они возвращались къ себѣ по тому же пути, по которому прибыли въ Византію въ виду того, что имъ пришлось бы идти чрезъ земли дикихъ и страшно жестокихъ варварскихъ племенъ. Когда же Людовикъ точнѣе освѣдомился объ этихъ людяхъ, онъ узналъ, что они шведской народности, почему онъ заподозрѣлъ ихъ ихъ и задержалъ. Изъ этого разсказа ясно, что "Росъ" - шведы, скандинавы, норманны; если они возвращаются на родину изъ Византіи черезъ Германію, то, очевидно, что родина ихъ гдѣ то на сѣверѣ, вѣроятно, въ Скандинавіи; они возвращались инымъ путемъ, чѣмъ пришли въ Византію; возможно, что они попали въ Византію чрезъ Россію. Недоумѣніе вызываетъ только титулъ государя ихъ "коганъ"; слово это тюркское и такъ назывались государи хозаръ.

3| Епископъ Кремонскій Ліутпрандъ |X в.|,дважды бывшій въ Константинополѣ, упоминаетъ между прочимъ: Руссы, которыхъ мы называемъ норманнами, и въ другомъ мѣстѣ о походѣ Игоря на Константинополь: живетъ на сѣверѣ народъ, который греки по наружности называютъ норманнами, и мы - норманнами. Царемъ у нихъ Ингваръ |Игорь|.

4| Слѣдующія доказательства очень сильныя - филологическія. Константинъ Багрянородный |X в.|, описывая плаваніе по Днѣпру, даетъ поргамъ два ряда названій, русскія и

славянскія.

Русскія:	Славянскія:
1| Ессупи - - - -	не спи.
2| Ульворси - - -	островунипрахъ, т.е.островной порогъ.
3| Гелландри - -	"шумъ порога", теперь "Звенецъ".
4| Айфоръ - - - -	неясытъ, теперь Ненасытецкій, слово "неясытъ" значитъ пеликанъ, но правильнѣе - ненасытный, бездонный, а айфоръ могло быть переведено "вѣчно стремящійся".
5| Варуфоросъ - -	Вульнипрахъ, теперь Вольный или Волнинскій.
6| Леанти - - - -	Верутци, отъ врѣти - кипѣть.
7| Струкунъ - - -	напрези, теперь Лишній; рѣка здѣсь дѣлается уже, теченіе быстрѣе, но мѣсто не опасное.

Объяснить сколько нибудь удовлетворительно "русскія" названія пороговъ Константина Багрянороднаго изъ теперяшняго русскаго языка не удалось представителямъ славянской школы, напротивъ того они всѣ, кромѣ перваго "Ессупи", - объясняются изъ скандинавскихъ нарѣчій.

5\| Такое же важное значеніе имѣютъ имена князей - Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ, Олегъ, Ольга, Игорь и ихъ дружинниковъ, въ договорѣ Олега 911 г. всѣ 15 именъ пословъ - скандинавскаго происхожденія; въ договорѣ Игоря 944 г. изъ 50 именъ только три славянскаго происхожденія.

6\| Наконецъ, нерѣдкія обращенія нашихъ князей въ X и XI столѣтіяхъ къ варягамъ въ Скандинавію дѣлаютъ возмож-

нымъ признаніе и болѣе раннихъ связей Руси со скандинавскимъ сѣверомъ.

7| Въ памятникѣ, открытомъ В.Г.Васильевскимъ |"Совѣты византійскаго боярина"| Гарольдъ, сынъ норвежскаго конунга, названъ конунгомъ Варангіи.

Это мѣсто окончательно рѣшаетъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что Варяги - Норманны, Скандинавы. Но имѣемъ ли мы право Русь и варяговъ считать за одинъ народъ ? Этотъ вопросъ чрезвычайно важный и неудовлетворительно разрѣшенный норманнскою школою.

Первые князья наши были скандинавы изъ племени Русь; но сколько не искали такого племени въ Швеціи, найти не могли. Финны называютъ до сихъ поръ на своемъ языкѣ Швецію *Ruotzi, Rots, Rotsi;* славяне, говорятъ познакомились со шведами черезъ посредство финновъ и стали называть шведовъ финскимъ именемъ *Ruotzi* т.е. Русью; это еще возможно, но и сами варяги называли себя Русью; невѣроятно, чтобы они усвоили себѣ почему то имя, которое имъ дали финны, да и славяне съ IX в. для обозначенія шведовъ употребляютъ слово "свеи". Слѣдовательно, не указано племени, которое носило бы это имя, не объяснено и происхожденіе этого имени. Но есть другія возраженія: имя Русь принадлежитъ безпорно югу нашему, а не сѣверу; Русью позже называли не Новгородскую землю, гдѣ по лѣтописному преданію возникло наше государство, а приднѣпровье, въ частности Кіевская земля. Въ настоящее время можно считать доказаннымъ, что Русь - народъ жилъ на югѣ задолго до 862 г., года призванія князей, именно:

1| Можно считать установленнымъ, что походъ Руси подъ предводительствомъ Аскольда и Дира на Константинополь былъ въ 860 г., за два года до основанія государства.

2| Разработанное покойнымъ Васильевскимъ житіе Георгія Амастридскаго доказываетъ, что Русь между 828-824 г.г.производила нападенія на греческія города по Черному морю.

3| Нельзя не принять во вниманіе также доводовъ славянской школы, что Варяги - Русь слишкомъ скоро ославянились въ Кіевѣ, и что въ древней нашей исторіи незамѣтно слѣдовъ норманнскаго вліянія, именно только два поколѣнія князей - Рюрикъ и Игорь носили норманнскія имена, внукъ же Рюрика, Святославъ, носитъ уже славянское имя.

Слѣдовательно, варяги были норманны, скандинавы,но что за народъ были Русь - въ настоящее время съ достовѣрностью полною сказать трудно, какъ нелязя сказать и того, что Варяги и Русь - это одно и то же. В.Г.Васильевскій высказалъ предположеніе, не могла ли эта загадочная Русь быть потомками готовъ, именно тѣми готами, которые оставались въ Крыму до XУ ст.? Принятіе такой гипотезы было бы очень соблазнительно; при ней понятно, почему Русь жила на югѣ теперешней Россіи, а равно и происхожденіе имени древнихъ князей и ихъ дружинниковъ. Догадку Васильевскаго пытался утвердить Будиловичъ.

Саги называютъ готовъ "Рейдготами", т.е. славными готами, и приднѣпровье называютъ страной Рейдготовъ; отъ формы слова "Рейд" могло образоваться слово Русь. Вопросъ этотъ филологическій; противъ такого словопроизводства высказывается проф. Браунъ |Разысканія, /стр. и сл/.

Объединеніе племенъ въ одно государство.

Славянорусскія племена покорены были Русью: факта завоеванія и покоренія отрицать нельзя: русская исторія открывается завоеваніемъ; доказывается это:

1| многочисленными преданіями лѣтописи о борьбѣ кіевскихъ князей съ отдѣльными племенами: княженіе Олега проходитъ въ борьбѣ съ Смоленскими кривичами, сѣверянами, радимичами и дреговичами; однихъ онъ облагаетъ легкою данью, другихъ-тяжелою, третьихъ - улучей и тиверцевъ ему не удается покорить себѣ. Преемники его продолжаютъ борьбу, ибо племена не хотятъ сразу подчиниться власти кіевскаго князя |Игорь и Ольга - съ древлянами, Святославъ - съ вятичами |; борьба эта заканчивается только къ концу X вѣка.

2| У нѣкоторыхъ изъ этихъ племенъ сохранились долго свои "князья", кн. Малъ древлянскій и другіе добрые ихъ князья, которые распахали древлянскую землю; Ходота - у Вятичей; князья, бывшіе подъ рукою Олега.

3| Всѣ племена, какъ потомъ всѣ земли, платили князю "дань", слово это ясно характеризуетъ тогдашнія отношенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что у русскихъ славянъ до основанія государства было вѣче во всѣхъ значительныхъ городахъ; несомнѣнно, однако, что до второй половины XI ст. вѣче придавлено |объ этомъ см. ниже|.

Если отдѣльныя племена и были покорены, то это не помѣшало имъ сравнительно скоро слиться въ одну большую народность: варяги-побѣдители были слишкомъ немногочисленны,

чтобы они могли образовать изъ себя особое сословіе потомковъ завоевателей.

Объединенію славянъ способствовали:

а| общность языка и происхожденія; вѣроятно, что уже тогда было различіе въ говорахъ, но оно, во всякомъ случаѣ, не было такъ значительно, какъ въ настоящее время.

б| экономическія условія тогдашней жизни несомнѣнно также въ сильнѣйшей степени вели къ объединенію племенъ: торговля была главнымъ занятіемъ древней Руси; Константинополь, за нимъ Итиль |около Астрахани|, Болгары |ниже устья Камы|, нѣмецкіе города и островъ Готландъ на Балтійскомъ морѣ - были главными рынками, куда направлялось торговое движеніе изъ Руси; это движеніе совершалось по опредѣленнымъ намѣченнымъ путямъ, преимущественно рѣчнымъ. Охрана этихъ путей, безопасность торговцевъ, двигавшихся вмѣстѣ съ караванами, вели къ образованію не только дружественныхъ, но и союзныхъ отношеній между племенами, равно заинтересованными въ общемъ дѣлѣ. Образованіе двухъ главнѣйшихъ центровъ древней Руси въ Кіевѣ и Новгородѣ объясняется именно направленіемъ торговыхъ путей: Кіевъ возникъ ниже всѣхъ значительныхъ притоковъ Днѣпра, тамъ, гдѣ могучая развѣтвленная система Днѣпра связывается въ узелъ, почти на границѣ со степью, съ которою приходилось столько воевать; изъ описанія Константина Багрянороднаго видно, какъ ранней весною по вскрытіи рѣкъ сходились по многоводнымъ тогда притокамъ Днѣпра караваны ладій отдѣльныхъ племенъ славянскихъ и, какъ затѣмъ, подъ предводительствомъ и охраной кіевскаго князя, однимъ общимъ караваномъ ладьи эти спускались Днѣпромъ къ Черному морю; совершенно также

Новгородъ возникъ тамъ, гдѣ въ подобный узелъ стягиваются притоки Ильменя: Шелонь, подходящая верховьями къ Западной Двинѣ, Ловать - къ Днѣпру и Мста - къ Вислѣ.

в| Со времени призванія князей - единство управленія, именно обязанность всѣхъ племенъ платить дань Кіеву, вело, конечно, къ упроченію связей. Часть дани собиралась полюдьемъ, другая уплачивалась повозомъ; полюдье, - князь съ дружиною въ зимніе мѣсяцы обходилъ подвластныя племена, сбиралъ съ нихъ дань, творилъ не мѣстѣ судъ и расправу; полюдье не могло сколько-нибудь значительно способствовать объединенію; населеніе тяготилось такими посѣщеніями; большее,въ этомъ отношеніи, значеніе имѣлъ повозъ - обязанность племенъ самимъ привозить часть дани въ Кіевъ.

Новое объединяющее славянорусскія племена начало внесло христіанство. Въ концѣ X в. Русь съ княземъ во главѣ приняла христіанство. Крещеніе Руси подготовлялось издавна[x]. Въ лѣтопись занесено преданіе о проповѣдникѣ Руси - Андреѣ, который, идя изъ Синопа въ Римъ, поставилъ крестъ на горахъ Кіевскихъ и указалъ здѣсь мѣсто будущему великому городу. За этимъ преданіемъ нельзя признать никакой исторической достовѣрности. Создалось оно, вѣроятно, уже послѣ раздѣленія церквей, вслѣдствіе желанія противопоставить главѣ римской церкви ап. Петру - Первозваннаго

---

x| Е.Е. Голубинскій - Исторія русской церкви.

апост. Андрея, главу церкви русской. Самое преданіе въ Новгородской редакціи передается иначе, чѣмъ въ Кіевской. Кіевская редакція сообщаетъ, какъ поразили апостола бани и съ какимъ удивленіемъ онъ разсказывалъ о нихъ въ Римѣ. Въ словахъ, влагаемыхъ въ уста Андрея, звучитъ иронія южанина надъ страннымъ для него обычаемъ. Новгородская редакція совершенно умалчиваетъ о баняхъ, сообщаетъ новую подробность, а именно: что въ селѣ Друзинѣ |впослѣдствіи Грузинѣ| Андрей водрузилъ свой посохъ, а затѣмъ въ скоромъ времени прислалъ на Русь епископа. По лѣтописному преданію Аскольдъ и Диръ послѣ неудачнаго своего похода приняли христіанство, но первое упоминаніе о христіанахъ въ Кіевѣ только въ договорѣ, заключенномъ Игоремъ съ греками. Къ этому времени новая вѣра нашла себѣ уже такое число приверженцевъ, что въ Кіевѣ была построена соборная церковь св. Иліи. Нѣкоторые, основываясь на томъ фактѣ, что Русь крещеная поставлена въ этомъ договорѣ на первомъ мѣстѣ, впереди Руси некрещеной, выводятъ заключеніе, что христіане были сильны своимъ числомъ и значеніемъ, что самъ князь втайнѣ сочувствовалъ христіанству. Трудно повѣрить, что это было такъ, а указанный фактъ объясняется просто тѣмъ, что договоръ писали христіане, какъ единственные грамотѣи того времени и поставили себя на первое мѣсто. На то же, т.е. на значительное распространеніе христіанства въ Кіевѣ указываетъ фактъ принятія новой вѣры Ольгою и крещеніе ея въ Кіевѣ, а не въ Константинополѣ,какъ думали раньше.

Можно предполагать, что число христіанъ все росло при

Святославѣ и по всей вѣроятности онъ самъ, не желая обратиться по примѣру матери, относился къ нимъ равнодушно и не преслѣдовалъ ихъ. Старшаго сына Святослава, Ярополка, иные, какъ напримѣръ Соловьевъ и Голубинскій, считаютъ склоннымъ къ христіанству, если не прямо христіаниномъ,и отсюда объясняютъ его вражду съ Владимиромъ - язычникомъ. Противоположныя начала вступаютъ въ борьбу, и въ ней падаетъ христіанинъ Ярополкъ, а торжествуетъ язычникъ "робичичъ". Язычество усиливается и, раздражившись въ борьбѣ, начинаетъ давить христіанство. При Владимирѣ, говоритъ Соловьевъ, мы видимъ случаи настоящаго гоненія. Князь начинаетъ ставить идоловъ и приносить имъ кровавыя жертвы. Наступаетъ тяжелое время для христіанства. Впрочемъ, оно продолжается недолго. Владиміръ, недавно фанатикъ язычества, перемѣнилъ вѣру, народъ послѣдовалъ примѣру князя. Что же побудило князя перемѣнить вѣру, почему народъ такъ легко отнесся къ этой перемѣнѣ ? Нечего и говорить, какъ психологически невѣрно объясненіе лѣтописи, что разочаровавшись въ язычествѣ, князь задумалъ искать новой правды. Этотъ мотивъ слишкомъ высокъ для человѣка X ст. Въ самомъ разсказѣ лѣтописи, распадающемся на три части: I| прибытіе представителей различныхъ вѣръ, 2|посольство нарочитыхъ мужей, 3| походъ на Корсунь, женитьба князя и крещеніе, - видна очень ясная тенденція: осмѣять или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько унизить всѣ остальныя вѣры и тѣмъ ярче оттѣнить высоту православія. Послы евреевъ, болгаръ даютъ князю отвѣты, рисующіе ихъ вѣру положительно въ смѣшномъ видѣ. Что же касается представителя нѣмецкой вѣры, то онъ является слишкомъ плохимъ діалектикомъ, не

умѣющимъ даже какъ слѣдуетъ постоять за свою вѣру, не въ примѣръ философу-греку, который надѣленъ всѣми необходимыми качествами. Слѣдовательно, повѣсть о крещеніи не лишена той же тенденціи, что повѣсть объ апост. Андреѣ; она также, какъ и первая, преслѣдуетъ полемическія цѣли; такимъ образомъ, лѣтописная повѣсть не даетъ отвѣта на поставленный вопросъ. Отвѣтъ едва ли не заключается въ хроникѣ Яхи Антіохійскаго, открытой бар. Розеномъ. Согласно его извѣстіямъ въ 988 г. противъ императоровъ тогдашнихъ византійскихъ подняли бунтъ два вельможи, и императоры обратились къ Владимиру съ просьбой помочь имъ, обѣщая за это руку царевны Анны. Владимиръ помогъ, потребовалъ обѣщанной награды, но императоры отказали ему на томъ основаніи, что онъ не христіанинъ. Обиженный князь идетъ на Корсунь добывать оружіемъ исполненія обѣщанія, но затѣмъ согласился креститься, ради руки Анны. Несомнѣнно, что въ этой готовности играли роль чисто дипломатическія соображенія, въ которыхъ нельзя отказать Владимиру: видя себя окруженнымъ христіанскими землями и желая примкнуть къ нимъ, онъ охотно принялъ предложеніе императоровъ. Бракъ съ Византійскою царевной безспорно поднималъ Владимира въ его собственныхъ глазахъ, а равно и въ глазахъ его окружающихъ. Въ поведеніи Владимира нѣтъ ничего страннаго, напротивъ и другіе варварскіе конунги дѣйствовали такъ же, какъ онъ.

Какое вліяніе новое ученіе оказало на тогдашнее русское общество ? Всякаго изслѣдователя прежде всего долженъ поразить тотъ фактъ, что христіанство, по крайней

мѣрѣ въ Кіевѣ, было принято почти безъ сопротивленія. Нѣкоторые воспользовались этимъ фактомъ, чтобы дѣлать самые лестные выводы относительно русскаго народа. Они говорили, что народа этотъ былъ уже христіанскимъ по духу, что онъ сразу созналъ правду и высоту новой вѣры, что христіанство только завершило все то, что прежде выработалось въ народѣ. Язычество, указываютъ эти ученые, не было у насъ чѣмъ то крѣпко вросшимъ въ жизнь, укоренившимся, организованнымъ. Оно не создало ни прочнаго жреческаго сословія, ни опредѣленнаго міросозерцанія, ни опредѣленнаго культа. Послѣднее замѣчаніе совершенно вѣрно, но еще неизвѣстно, слѣдуетъ ли этому радоваться. Другіе отвѣчаютъ на этотъ вопросъ отрицательно: ничего хорошаго нѣтъ въ томъ, что народъ не дорожилъ своей старой религіей, не любилъ своихъ боговъ, не защищалъ ихъ до послѣдней капли крови, а такъ легко, такъ равнодушно промѣнялъ ихъ на другое, ему неизвѣстное, непонятное. Да и промѣнялъ ли въ строгомъ смыслѣ слова ? Если бы былъ какой-нибудь опредѣленный языческій строй жизни, то христіанству, правда, пришлось бы вести съ нимъ трудную и долгую борьбу и его торжество было бы куплено дорогой цѣной, но явилось бы прочнымъ и несомнѣннымъ. Христіанство натолкнулось бы на нѣчто опредѣленное, которое оно вытѣснило бы, чтобы стать на его мѣсто. Ничего подобнаго не было на самомъ дѣлѣ, оно пришло на пустое мѣсто, встрѣтилось съ какимъ то невидимымъ расплывчатымъ противникомъ, который нигдѣ не выступалъ рѣшительно, отказывался отъ борьбы, а между тѣмъ то тамъ, то сямъ снова и снова давалъ себя

знать. Христіанство не было принято радостно и сознательно, а равнодушно; христіанское просвѣщеніе явилось поверхностнымъ. Въ лѣтописи есть извѣстіе, что священники три дня ходили и поучали, но такъ и остается неизвѣстнымъ, чему они научили и какъ, а главное на какомъ языкѣ. Вѣрнѣе всего на греческомъ или на болгарскомъ, и въ такомъ случаѣ, конечно, значеніе этой проповѣди падаетъ само собой. Язычество долгое время жило на ряду съ христіанствомъ; народъ довольно холодно относился къ его обрядамъ, сохранялъ всѣ прежнія суевѣрія и предразсудки. Каждый домохозяинъ попрежнему былъ домашнимъ жрецомъ и, помолившись въ церкви, шелъ молиться къ овину. На сѣверѣ, гдѣ язычество прочнѣе утвердилось и христіанство почти не было извѣстно, новая вѣра была встрѣчена прямо враждебно и во исполненіе воли князя приходилось крестить "огнемъ и мечемъ", какъ это дѣлали въ Новгородѣ Добрыня съ Путятой. Лѣтопись знаетъ даже не одинъ примѣръ мученичества на дальнихъ окраинахъ Руси |св. Леонтій Ростовскій, Кукша |.

Въ первое время князья приложили нѣкоторыя заботы къ утвержденію христіанства и христіанскаго просвѣщенія. Владимиръ, по свидѣтельству лѣтописи, устроилъ училище для 300 мальчиковъ, и не его вина, если въ народѣ онъ не встрѣтилъ особеннаго сочувствія, и если матери съ плачемъ отдавали туда своихъ дѣтей. Надо думать, что это была просто школа грамотности. Школа эта долгое время оставалась единственной. Ярославъ, въ свою очередь заботился о поднятіи образованія, имъ устроены были при соборѣ св. Со-

борѣ св. Софіи книгохранилище, гдѣ берегліись и переписывались для князей рукописи, и школа въ Новгородѣ.

Въ этой скудости просвѣщенія большая вина лежитъ на грекахъ. Въ качествѣ нашихъ учителей, они должны были бы настоять, чтобы правительство позаботилоось объ учрежденіи школъ, а не разсчитывать на частную инціативу, къ которой они привыкли у себя, но которой нельзя было ожидать въ новопросвѣщенной странѣ.

И все же, несмотря на то, что многіе факты разрушаютъ представленіе насчетъ особенно сильнаго вліянія христіанства въ первое время его принятія, - оно и тогда имѣло нѣкоторое и, можетъ быть, немаловажное значеніе. Оно оживило сознаніе единства, дало единое церковное управленіе и заложило первыя сѣмена образованія.

Но вмѣстѣ съ христіанствомъ, вмѣстѣ съ греческимъ духовенствомъ перенесся на русскую почву и весь византійскій міръ съ его воззрѣніями, понятіями государственными и юридическими, съ суровымъ оффиціальнымъ правомъ и обычаями, съ его жестокими наказаніями. Это былъ міръ старый, разлагающійся, наполовину гнилой. Что далъ онъ молодому славянскому міру? Кіевскому обществу "мягкому, роскошному, сибаритскому" |Костомаровъ, т.I, стр. 80 |, уважающему только грубую силу и удачу, христіанство противопоставило любовь къ ближнему, помощь слабымъ, смиреніе; вмѣсто прежняго уваженія къ силѣ и презрѣнія къ слабости - уваженіе къ нищетѣ, почти обоготвореніе страданія; христіанство открывало другую цѣль жизни, давало надежды на загробныя блага; кто страдаетъ, тотъ получитъ награду по

смерти, слѣдовательно, не только не должно убѣгать отъ страданія, слѣдуетъ искать его, и Кіевъ, многолюдный сластолюбивый городъ, становится центромъ русскаго подвижничества. Но, пособляя страждущимъ и гонимымъ, русскіе подвижники мало дѣйствовали противъ виновниковъ людскихъ страданій: "покорность настоящему, отсутствіе мысли объ общественномъ движеніи - было основою нравственнаго понятія, выработаннаго на религіозной почвѣ. Зачѣмъ разсуждать и умствовать - помни, что ты хуже всѣхъ человѣкъ, долженъ Христа ради смиряться."

Но каково было положеніе и вліяніе греческаго духовенства? Нельзя не признать за нимъ того несомнѣннаго достоинства, что, стоя по своей народности нѣсколько далеко отъ мѣстныхъ интересовъ, оно не вмѣшивалось въ домашнія распри, въ политику, не становилось ни на чью сторону въ княжескихъ счетахъ и заботилось только объ одномъ: о водвореніи міра; въ этомъ оно полагало главное свое назначеніе. Только впослѣдствіи, когда уже выдвигается свое русское духовенство, оно начинаетъ смѣшивать интересы церковные съ московскими, подчиняетъ первые послѣднимъ и отводитъ имъ уже служебную роль. Греческому духовенству принадлежитъ укорененіе мысли о князьяхъ, какъ о намѣстникахъ Господа, какъ о владыкахъ, поставленныхъ и посвященныхъ свыше на казнь злымъ и радость добрымъ. Впрочемъ эта идея не скоро привилась народному сознанію и самая власть князей не мало не подходила подъ византійскія понятія. Роль епископовъ, какъ третейскихъ судей, была незна-

чительна на Руси. Въ Византіи она была имъ привычна, но у насъ князья рѣдко прибѣгали въ своихъ распряхъ къ суду епископовъ.

Нѣкоторые думаютъ, что съ принятіемъ христіанства Русь признала нѣкоторую зависимость свою отъ византійскаго императора. Единичные факты какъ будто утверждаютъ это предположеніе. 1| Духовенство въ Россіи поминало за ектеніями императоровъ. 2| Византійскій императоръ назывался между прочимъ *rex russorum, alanorum. gotorum.* 3| Иногда русскіе князья получали придворные чины отъ императора. 4| Въ греческихъ хроникахъ нѣсколько разъ упоминается о русско-варяжской дружинѣ въ Царьградѣ. 5| Мстиславъ, плѣнивъ Полоцкихъ князей, отправилъ ихъ въ Царьградъ. Но за этими фактами никакъ нельзя признать важнаго опредѣляющаго значенія, такъ какъ: 1| духовенство поминало императора просто потому, что оно привыкло къ этому дома въ Греціи, 2| титулъ *rex russorum* особенно поставленный наряду съ *gotorum* относился по всей вѣроятности къ тѣмъ остаткамъ готовъ, которые сохранились въ Крыму и также носили названіе Руси. Остальные факты могутъ, конечно, объясняться тѣмъ, что князья чтили въ императорѣ главу православнаго міра и относились къ нему съ почтеніемъ; но распоряженія и указы императоровъ никогда не распространялись на Россію, и что послѣ крещенія князья ходили походами на Царьградъ.

Библіотека С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

XI - XII в в к а.

Несмотря, однако, на нѣкоторые успѣхи объединяющихъ началъ, русская земля постоянно распадалась на части. Ярославъ Владимировичъ |ум. 1054 г.| былъ послѣднимъ княземъ, владѣвшимъ почти всею русской землей |кромѣ Полоцкой земли|. По смерти его земля распадается, начинается время, которое обыкновенно называется удѣльнымъ или удѣльно-вѣчевымъ, но которое гораздо правильнѣе называть временемъ господства родовыхъ отношеній или временемъ очереднаго порядка наслѣдованія.

Литература:

С.М.Соловьевъ - Исторія отношеній князей Рюрикова дома.
Костомаровъ - Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси.
Сергѣевичъ - Вѣче и князь |Юридическія Древности, т.2, вып.1 |.
Грушевскій - Очеркъ исторіи Кіевской земли, а равно исторіи другихъ земель: Волынской - Андріяшева, Черниговско-Сѣверской - Багалѣя, Переяславской - Лаврскаго, Полоцкой - Даниловича, Смоленской - Голубовскаго, Рязанскаго князя - Иловайскаго.

Какимъ же образомъ произошло распаденіе русской земли на части? Чѣмъ объясняется это распаденіе? По этому вопросу существуетъ нѣсколько мнѣній. Карамзинъ считалъ

Лит. Богданова. Эртелевъ пер. д.1. Директоръ С.

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

установившійся съ 1054 г. порядокъ слѣдствіемъ отцовской слабости Ярослава Владимировича, не передавшаго всего своего государства старшему сыну, а раздѣлившаго его между своими дѣтьми. Такое рѣшеніе вопроса было бы, конечно, самымъ простымъ, самымъ легкимъ, но оно не выдерживаетъ критики. Гораздо больше заслуживаютъ вниманія мнѣнія по этому вопросу - Соловьева, Сергѣевича и Пассека.

Соловьевъ главною причиною распаденія русской земли на удѣлы считаетъ междукняжескія отношенія, основанныя на родовомъ началѣ. Вся русская земля принадлежала не одному князю, а всему княжескому роду. Во главѣ этого княжескаго рода стоялъ старшій, великій князь, который для остальныхъ князей былъ "въ отца мѣсто", и который соблюдъ интересы всего княжескаго рода, - "а ты, брате, въ Володимери поемени старѣй еси насъ, думай, гадай о русской земли, и о своей чести, и о нашей". Младшіе же князья: 1| ѣздили подлѣ стремени старшаго, ходили по немъ, "отецъ мя переобидѣлъ и волости ми не далъ, хочу за землю русскую страдати и подлѣ тебя ѣздити". |Ростиславъ Юрьевичъ говоритъ Изяславу Мстиславичу|. 2| Были въ волѣ отаршаго, - "и на томъ цѣлова крестъ Володимировичъ къ Святославу, яко имѣть ему его въ отца мѣсто и въ всей воли его ему ходити"; и наконецъ, 3| младшіе князья смотрѣли на старшаго - "въ его воли быти и зрѣти на нань". Великій князь имѣлъ со своей стороны власть судить и наказывать младшихъ князей, но власть эта ограничивалась родовыми понятіями

Кiевъ+Нов.　Ярославъ
Черн., Мур., Рязан., Тмутаракань
Переяславль и Сузд.-Бѣлоозер. край　по Верх. Поволжью
Смоленск　Волынь с Гор. Владимiром

Владимiръ　Изяславъ　Святославъ　Всеволодъ　Вячеславъ　Игорь

Червен. край

Ростиславъ, Василько и Володарь　Святополк.　Давидъ, Олегъ, Ярославъ　Владимiръ Мономахъ　Борисъ　Давидъ

Владимiръ　Ярополкъ и Брячиславъ　Владимiр Изяславъ

Всеволодъ Игорь, Святославъ

Ярослав, Осмомыслъ

Мстиславъ, Ярополкъ, Вячеслав, Андрей, Юрiй Долгорукiй

Владимiръ

Изяслав, Всеволод, Ростиславъ　Ростислав, Андрей Михаилъ Всеволод Б.-Гнѣздо

Мстиславъ　Константинъ Юрiй Ярославъ

Романъ　Александръ Невскiй

Даниилъ

въ пользу младшихъ: старшій долженъ былъ относиться къ нимъ, какъ отецъ къ дѣтямъ, въ противномъ случаѣ младшіе князья отказывали ему въ повиновеніи. "Мы тя до сихъ мѣстъ аки отца имѣли ко любви; аже еси съ сякыми рѣчьми прислалъ не аки къ князю, но аки къ подручнику и просту человѣку, а что умыслилъ еси, а тое дѣй, а Богъ за всѣхъ", говорилъ Мстиславъ Ростиславовичъ Андрею Боголюбскому.

Какимъ же образомъ пріобрѣталось великокняжеское достоинство или старшинство въ родѣ? Прежде всего старшинствомъ физическимъ, т.е. дядя имѣлъ преимущество передъ племянниками, старшій братъ передъ младшими. Но противъ этого первонач льнаго правила скоро стали возставать племянники, и причина этого была слѣдующая: по смерти отца старшій сынъ становился "въ отца мѣсто", по отношенію къ своимъ младшимъ братьямъ, а слѣдовательно, дѣти его становились какъ бы братьями своихъ дядей; наприм. по смерти Владимира Мономаха старшій сынъ его Мстиславъ сталъ отцомъ по отношенію къ своимъ братьямъ: Ярополку, Вячеславу и др.; слѣдовательно, дѣти Мстислава - Всеволодъ и Изяславъ - имѣли право считать себя братьями своихъ дядей, - Ярополка, Вячеслава и др.; но здѣсь естественно возникалъ вопросъ, - старшій сынъ старшаго брата, ставшаго отцомъ для младшихъ братьевъ, сталъ по этомъ самому братомъ дядямъ своимъ, но какимъ братомъ? - старшимъ или младшимъ? Рѣшеніе этого вопроса затруднялось иногда еще и тѣмъ, что лѣтами племянникъ могъ быть старше своего дяди. Конечно,въ интересахъ племянниковъ было

считаться старшими, но въ періодъ отъ XI до XII вѣка дядья сохранили старшинство за собой и явное дѣло, что племянники старались измѣнить такой порядокъ вещей, но это не всегда имъ удавалось.

Такимъ образомъ, князья, братья, подъ главенствомъ отца правили русскою землею сообща. Напримѣръ, послѣ смерти Ярослава Мудраго, его сыновья Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Вячеславъ и Игорь, вмѣстѣ съ дѣтьми Изяслава, великаго князя, которые считались братьями своимъ дядьямъ, правили русской землей [т.е. владѣли родовою собственностью], подъ главенствомъ Изяслава; всѣ остальные князья, дѣти Святослава, Всеволода и др. считались какъ бы малолѣтними, неспособными владѣть родовою собственностью, быть совладѣльцами со старшими. Но если бы по смерти Изяслава вступилъ въ старшинство Святославъ, и, слѣдовательно, сталъ бы по отношенію къ остальнымъ братьямъ "въ отца мѣсто", то сыновья его (его) изъ племянниковъ стали бы братьями своимъ дядьямъ и такъ постепенно переходили бы въ "старшіе" сыновья Всеволода, Вячеслава и Игоря. Эта "лѣствица" могла бы быть правильной до тѣхъ поръ, пока князей было мало; но впослѣдствіи, когда, по изслѣдованію Погодина, князей было одновременно до 800, получалась странная путаница, которая еще болѣе увеличивалась тѣмъ, что со смерти великаго князя вся эта масса князей переходила изъ одного города въ другой, которымъ владѣли тоже по старшинству, - старшій, обыкновенно владѣлъ лучшимъ удѣломъ, чѣмъ младшій, и такимъ образомъ происходило постоянно передвиженіе

князей. Но Соловьевъ не могъ не замѣтить, что нѣкоторые князья не только не переходили изъ одного города въ другой, но даже совсѣмъ не владѣютъ удѣлами, и далъ прекрасное объясненіе этого явленія изгойствомъ. Если кто нибудь изъ сыновей великаго князя умиралъ, не достигнувъ великаго княженія, не сдѣлавшись старшимъ въ родѣ, то и дѣти его не дѣлались братьями своимъ дядьямъ и, слѣдовательно, не могли владѣть родовою собственностью; такіе князья, отцы которыхъ умерли при жизни дѣдовъ, назывались"изгоями". "Изгои трои: поповъ сынъ грамоты не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ, а се четвертое изгойство и себѣ приложимъ, князь осиротѣетъ". Примѣромъ князей-изгоевъ можетъ послужить потомство Владимира, старшаго сына Ярослава Мудраго, умершаго при жизни отца; сынъ Владимира - Ростиславъ ничего не получилъ по завѣщанію Ярослава. Но у Соловьева нѣтъ опредѣленнаго отвѣта на вопросъ,- совершенно ли князья-изгои теряютъ право на владѣніе удѣлами, или же теряютъ право только на великое княжество? То они, по его мнѣнію, совершенно теряютъ это право, какъ Ростиславъ, Борисъ, Давидъ, то сохраняютъ право на отцовскій удѣлъ, какъ князья Полоцкіе.

Родовая теорія не объясняетъ удовлетворительно всѣхъ случаевъ наслѣдованія столовъ и взаимныхъ отношеній князей: напр., сыновья Святослава Игоревича - Ярополкъ, Олегъ, Владимиръ - вмѣсто родственныхъ отношеній вели распри, въ которыхъ погибли два старшихъ брата; сыновья Владимира Св. по смерти отца вели тѣ же братоубійственныя ссоры; Ярославъ не могъ сломить Мстислава Тмутараканскаго и только

послѣ смерти его сталъ единымъ властителемъ Русской земли, заточивъ другого своего брата Судислава въ тюрьму; въ дальнѣйшемъ эти усобицы еще усиливаются, но и въ древнѣйшее время трудно такія отношенія назвать родственными. Силу сдѣланнаго замѣчанія можно ослабить соображеніями, высказанными еще Эверсомъ: распри между сыновьями Святослава Игоревича и сыновьями Владимира Св., по его мнѣнію объясняются другимъ родовымъ началомъ - местью, именно Олегъ убилъ Люта, дружинника Ярополка; Ярополкъ пошелъ мстить Олегу смерть Лютову, во время бѣгства Олегъ погибъ; тогда Владимиръ, третій братъ, долженъ былъ отомстить Ярополку смерть брата своего; усобицы между сыновьями Владимира началъ старшій изъ нихъ Святополкъ, т.наз. Окаянный, но онъ былъ лишь пасынкомъ Владимира, сыномъ убитаго имъ Ярополка: на дѣтяхъ Владимира онъ мстилъ смерть отца своего Ярополка.

Въ наслѣдованіи Кіевскаго стола порядокъ родового старшинства иногда соблюдается, иногда нарушается; само собою разумѣется, что для доказательства родовой теоріи важны первые случаи; Соловьевъ и не думалъ, что въ такомъ дѣлѣ можетъ быть"правило безъ исключеній", исключенія были и не рѣдки, но это не исключаетъ правила, теоріи: родовой бытъ уже въ IX в. былъ въ сильной степени ослабленъ, въ XI - XII в.в. Само собою разумѣется родовыя связи еще болѣе пошатнулись, но представленія о родѣ не исчезли еще, и такъ какъ многія наслѣдованія могутъ быть объяснены только съ точки зрѣнія родовыхъ отношеній, то, очевидно, что родовый от-

ношенія были руководящими. Примѣры: по смерти Изяслава Ярославича столъ Кіевскій наслѣдуетъ старшій въ родѣ его братъ Всеволодъ; по смерти Всеволода, старшій же въ родѣ его племянникъ Святополкъ Изяславичъ, по смерти котораго родовое старшинство нарушено кіевскимъ вѣчемъ въ пользу Владимира Мономаха и его сыновей; но вступленіе на престолъ Ольговича Всеволода указываетъ на живучесть родовыхъ отношеній, правильно Всеволоду Ольговичу наслѣдуетъ братъ его Игорь, скоро убитый кіевлянами; наконецъ, энергичный любимецъ кіевлянъ Изяславъ Мстиславичъ могъ удержаться въ Кіевѣ противъ своего дяди Юрія Долгорукова, только спрятавшись за дядю Вячеслава, который былъ старше Юрія; этотъ послѣдній эпизодъ очень сильно подкрѣпляетъ родовую теорію.

Сильный ударъ родовой теоріи былъ нанесенъ Сергѣевичемъ, который въ своемъ сочиненіи "Вѣче и князь" далъ новую теорію, по которой всѣ отношенія между князьями объясняетъ договоромъ, отчего и самая теорія носитъ названіе договорной: "уладимъ либо миромъ, либо войною", "рать стоитъ до мира, а миръ до войны". Сергѣевичъ не признаетъ единства древней Руси: между князьями не было подчиненія какому нибудь общему правилу, среди нихъ не было великаго князя, который пользовался бы большими правами сравнительно съ другими князьями, - отношенія между князьями были исключительно договорными. Всѣ князья постоянно заключали между собою договоры и такимъ образомъ дѣлили русскую землю; договоры заключались и тогда, когда князья хотѣли предпринять что нибудь сообща [съѣзды князей]; если же въ лѣтописяхъ и встрѣчаются наименованія нѣкоторыхъ князей

великими,старѣйшими, отцами,то это вполнѣ объясняется физическимъ старшинствомъ одного князя сравнительно съ другими;но съ этимъ старѣйшинствомъ не было связано никакихъ правовыхъ преимуществъ, - уважать же старшаго, "старыя чти яко отца",было дѣломъ совѣсти каждаго младшаго князя.Затѣмъ старѣйшими,великими назывались князья болѣе древнихъ болѣе сильныхъ городовъ;старѣйшинство по городу пріобрѣталось личными дѣйствіями князя,призваніемъ, завоеваніемъ, соглашеніемъ.Князья старшихъ городовъ,естественно,играли первую роль въ рѣшеніи вопросовъ современной имъ политики.

Договоры между князьями бывали въ XII вѣкѣ,какъ бывали они и въ XI вѣкѣ.,но объяснять этими договорами междукняжескія отношенія еще болѣе неправильно, чѣмъ родовымъ началомъ.Правда,впослѣдствіи,въ XIУ и ХУ в.в. отношенія между князьями,дѣйствительно, чаще основывались на договорахъ,но видѣть основаніе междукняжескихъ отношеній въ XI - XII в.в. также въ договорахъ есть ничто иное, какъ подвести разнообразные факты подъ одно главное положеніе. Неудачнѣе всего съ точки зрѣнія договорной теоріи объясняется значеніе кіевскаго князя,изгойство,случаи занятія кіевскаго стола,указанные раньше.

В. Пассекъ объясняетъ происхожденіе удѣльнаго порядка преобладаніемъ семейно областного чувства.Неудачный терминъ "семейно-областной" образовался у Пассека слѣдующимъ образомъ:въ этотъ періодъ князья руководились семейными чувствами, |отеческая заботливость старшаго о младшемъ, чувство любви между остальными|.Борясь на предложеніе ему кіевлянами великаго стола послѣ смерти Владиміра,

говоритъ: "не буди мнѣ взяти руки на брата моего отарѣйшаго".

Города же и городскія области стремятся замкнуться въ себя отъ посторонних вліяній, стремятся имѣть своего собственнаго любимаго князя. На это указывалъ также Костомаровъ |Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси|. Вслѣдствіе этого, причиной княжескихъ усобицъ были не сами князья, которыхъ удерживало семейное чувство, а стремленіе областей къ самостоятельности. Такимъ образомъ "удѣльный періодъ" вытекаетъ изъ соединенія семейнаго чувства князей и стремленія городовъ къ самостоятельности. Если отбросить неудачныя сентиментальныя разсужденія Пассека о семейныхъ чувствахъ князей, то слѣдуетъ признать и отмѣтить, что онъ правильно указываетъ на стремленіе городовъ къ обособленію, какъ на причину распаденія Руси; только это стремленіе было не главной причиной, а уже вторичной.

Выводъ. На основаніи всего сказаннаго слѣдуетъ, что первопричиной раздробленія Руси слѣдуетъ считать родовыя отношенія, а стремленіе же къ особности городовъ слѣдствіемъ тому же.

Результатомъ этой долгой княжеской борьбы было двойное раздробленіе Руси, - княжеское и земское. Единый княжескій родъ распался первоначально на нѣсколько семействъ, изъ которыхъ выдѣлились Святославичи Черниговскіе, Мономаховичи, Ростиславичи Галицкіе; потомъ Мономаховичи раздѣлились на Изяславичей Волынскихъ, Юрьевичей Суздальскихъ, Ростиславичей Смоленскихъ; Святославичи на Ольговичей

Новгородъ Сѣверскихъ,Давидовичей Черниговскихъ,Ярославичей Муромо - Рязанскихъ.Каждая изъ этихъ семей стремится усѣстся на постоянное владѣніе въ извѣстной области, и сообразно этому дробится и земля русская на независимыя другъ отъ друга земли:Кіевскую,Черниговскую,Новгородъ-Сѣверскую,Муромо-Рязанскую,Переяславскую,Владиміро-Волынскую,Галицкую,Смоленскую,Полоцкую,Ростово-Суздальскую, Новгородскую. Если первымъ князьямъ удалось привести эти области въ подчиненіе Кіеву,если они заставили эти области платить дань,то при послѣдующихъ князьяхъ эти признаки подчиненія Кіеву совсѣмъ изчезаютъ.Внутри своей области каждый князь былъ совершенно независимъ отъ отъ другихъ князей,ни въ чемъ и ни въ какомъ отношеніи не былъ подчиненъ старшему князю; конечно,кіевскій князь, если онъ былъ достаточно силенъ и энергиченъ,могъ заставить другихъ князей принять участіе въ какомъ нибудь походѣ,но онъ никогдъ не вмѣшивался во внутреннее управленіе чужой области.При такомъ порядкѣ вещей естественно нарушилось единство русской земли, и съ половины XI в. началась ея децентрализація.Князья дѣлаются все независимѣе по отношенію къ кіевскому князю и вмѣстѣ съ тѣмъ становятся въ совершенно иныя отношенія къ населенію.

Вѣче.

Литература:

Сергѣевичъ - Вѣче и князь |2-ой т. Рус.Юридич. Древн.|

Костомаровъ - Начало единодержавія въ древней Руси, Монографіи, т. XII.

Лиинченко - Вѣче въ Кіевской области.

Лимбертъ - Предметъ вѣдомства вѣча |Варшавск.Университ. Извѣстія, 1887г., № I-3.|.

Самоквасовъ - Замѣчанія по исторіи русскаго устройства и управленія |Ж.М.Н.П. 1869г. № II-I2|.

Градовскій - Государственный строй древней Руси |рецензія на книгу Сергѣевича, Ж.М.Н.П. 1869г.№ I0|.

Такимъ образомъ результатомъ княжескихъ усобицъ явилось раздѣленіе Руси на отдѣльныя княжества;но этого мало, - раздѣленіе проникнуло и внутрь самихъ княжествъ, такъ какъ земщина обособилась отъ князя и главнымъ ея органомъ стало вѣче, дѣятельность котораго въ XII в.достигла полнаго расцвѣта и повсѣмѣстнаго распространенія. При изслѣдованіи этого элемента общественнаго устройства древней Руси прежде всего ставится вопросъ о времени его возникновенія.По свидѣтельству лѣтописца,вѣче,какъ явленіе обычнаго права,существовало съ незапамятныхъ временъ:въ лѣтописномъ разсказѣ объ общественныхъ событіяхъ съ древнѣйшаго времени народъ и народная дума уже являются дѣйствующими лицами.Хозары требуютъ дани съ кіевлянъ и это требованіе обсуждается народомъ: "одумаше

поляне и вдаша отъ дыма мечъ".. "И рѣче имъ Ольга:да глаголиста,что ради придоста сѣмо?" - Рѣша же древляне: "Посла насъ деревьска земля". Объ участіи народа въ общественныхъ дѣлахъ въ X в. свидѣтельствуютъ также и официальные документы того времени,а именно договоръ Олега и Игоря съ греками.Первый договоръ былъ заключенъ не только отъ имени князя,но и "отъ всѣхъ,иже суть подъ рукой его сущихъ Русь".При заключеніи второго договора послы говорятъ о себѣ:"И великій князь нашъ Игорь,и боляре его и людіе вси рустіе, послаша насъ къ Роману и Константину".

На чемъ же было основано существованіе вѣча? На свободномъ правѣ свободнаго населенія,отвѣчаетъ Сергѣевичъ: народъ исполняетъ только то,что хочетъ и ввиду этого князья непремѣнно должны были обращаться за совѣтомъ и за рѣшеніемъ вопросовъ къ народу, т.е. къ вѣчу. Мнѣніе Сергѣевича вызвало справедливое замѣчаніе Градовскаго, который видитъ основаніе существованія вѣча не въ правахъ частныхъ лицъ,а въ общественномъ бытѣ. Община состояла изъ нѣсколькихъ связанныхъ между собой родовъ,интересы которыхъ постоянно сталкивались и могли разрѣшаться только на общихъ народныхъ сходкахъ.Такія же точно столкновенія должны были происходить между различными общинами, которыя при отсутствіи высшей власти могли опять таки улаживаться только на народныхъ собраніяхъ.Такимъ образомъ необходимость существованія вѣча до призванія князей прямо вытекаетъ изъ общественнаго устройства славянскихъ племенъ. Владимірскій-Будановъ эту до-княжескую

эпоху называетъ эпохой племенныхъ сходокъ Съ возникновеніемъ городовъ изъ племенныхъ сходокъ образовались городскія вѣча,слѣдящія какъ за внутренними, такъ и за внѣшними распорядками;съ призваніемъ князей и съ усиленіемъ ихъ власти вѣче начинаетъ функціонировать какъ органъ государственной власти.Вѣче,какъ племенная сходка существовало вездѣ:гдѣ былъ городъ,тамъ всегда собиралось и вѣче. Этотъ апріорный выводъ подтверждается свидѣтельствомъ лѣтописца. Описывая борьбу пригорода Владиміра со старшими городами Ростовомъ и Суздалемъ,лѣтописецъ говоритъ такъ:"Новгородцы бо изначала и Смольняне, и Кыяне, и Полочане и вся власти,якоже на думу, на вѣче сходятся". Сергѣевичъ многими выписками изъ лѣтописей подтверждаетъ присутствіе вѣча въ кіевской волости,волынской,полоцкой, новгородской,псковской. и др.Но,существуя повсѣмѣстно, вѣче не вездѣ имѣло одинаковое значеніе;всего опредѣленнее оно было въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ вѣче было особенностью не одного только города,а составляло порядокъ жизни всей области.Это обстоятельство послужило основаніемъ мнѣнію,высказанному Самоквасовымъ,что вѣче какъ правовой органъ существовало только въ Новгородѣ, гдѣ вслѣдствіе этого утвердился демократическій строй; на югѣ же въ кіевской области по преимуществу, преобладало монархическое начало, и вѣче тамъ было явленіемъ революціоннымъ.Но основаніи этого Самоквасовъ дѣлитъ вѣче на законное и незаконное;однимъ изъ признаковъ такого дѣленія послужило выраженіе лѣтописца -"сѣдоша" при описаніи однихъ собраній, и "сташа" при описаніи дру-

гихъ. Но формъ для собиранія вѣча не было никакихъ,и потому вопросъ этотъ едьали можетъ имѣть мѣсто.

Съ другой стороны Самоквасовъ правъ въ томъ,что указываетъ на разницу между сѣверянами и южнымъ вѣчемъ;разница была въ особенности начиная съ половины XI в.,но Самоквасовъ,дѣля вѣча на законныя и незаконныя,слишкомъ преувеличиваетъ ее. Замѣчаніе,что вѣче имѣло различное значеніе нужно принять еще въ томъ смыслѣ,что до призванія князей вѣче было самостоятельно,при первыхъ князьяхъ,въ особенности при Святославѣ,Владимірѣ Св. и Ярославѣ Мудромъ оно было подавлено,такъ какъ эти князья относились болѣе строго,болѣе ревниво къ своей власти;а съ увеличеніемъ рода князей,съ возникновеніемъ княжескихъ усобицъ,вѣче опять возвращаетъ свое прежнее значеніе.

Кто же имѣлъ право участвовать въ вѣчевыхъ собраніяхъ? Въ лѣтописи участвующіе на вѣчѣ обозначаются такими общими терминами,какъ "люди","всѣ люди", "весь Великій Новгородъ", "вся галицкая земля",терминами обнимающими повидимому,все свободное населеніе. Сергѣевичъ,имѣющихъ право участвовать на вѣчевыхъ собраніяхъ опредѣляетъ какъ свободныхъ людей,не стоящихъ подъ отеческой властью и не находящихся въ какой нибудь другой частной зависимости;слѣдовательно,онъ выдѣляетъ дѣтей,не вышедшихъ изъ подъ отеческой власти,закуповъ изъ числа участвовавшихъ на вѣче. Первое свое ограниченіе Сергѣевичъ основываетъ на семейномъ правѣ:дѣти состоятъ подъ властью отца и своей воли не имѣютъ, слѣдовательно, для нихъ

невозможна самостоятельная дѣятельность на вѣче. Это мнѣніе онъ подтверждаетъ слѣдующими словами лѣтописца: "Княже,ты ся на насъ не гнѣвай:не можемъ на Володимере племя руки взняти; олняже Ольговичъ хотя и съ дѣтьми", говорятъ кіевляне Изяславу Мстиславовичу на его предложеніе идти къ Суздалю на Юрія. То же говорятъ и дрючане князю Всеволоду Борисовичу:"Аче ны ся и съ дѣтьми бити за ся,а ради ся бьемъ за тя". Другіе же историки въ томъ числѣ и Соловьевъ, утверждаютъ,что выраженіе " и съ дѣтьми" есть простое риторическое украшеніе, свойственное тому времени,точно такое же риторическое украшеніе, какъ и слова нижегородцевъ, что они заложатъ "жены и дѣтей". Относительно участія въ вѣчевыхъ собраніяхъ закуповъ, источники не даютъ никакихъ прямыхъ указаній,а потому Сергѣевичъ на основаніи общаго положенія закуповъ |стремленія древняго обычая къ ограниченію ихъ правъ|, отрицаетъ возможность участія ихъ на вѣчѣ. Существуетъ еще одно мнѣніе относительно состава вѣчевыхъ собраній, М.Н. Погодина,который полагаетъ,что вѣче составлялось изъ воиновъ - потомковъ варяговъ; но это мнѣніе не выдерживаетъ критики,такъ какъ 1|вѣче существовало и до приглашенія князей, 2|послѣ приглашенія князей вѣче было въ такихъ городахъ,гдѣ никогда варяги не жили и 3|варяги не были настолько многочисленны,чтобы могли захватчествовать, не сливаясь со славянами.Въ настоящее время принятъ взглядъ Сергѣевича, т.е.,что въ вѣчевыхъ собраніяхъ имѣли право участвовать всѣ свободные, но только отцы, дѣти же не имѣли права голоса и должны были подчиняться рѣше-

Библіотека С.Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

отцовъ. Въ лѣтописи, кромѣ общаго термина "люди", встрѣчаются указанія на участіе отдѣльныхъ слоевъ населенія, начиная съ высшихъ и до низшихъ: участвуютъ князья и митрополиты, участвуютъ не только "лучшіе" люди |купцы и бояре|, но и "меньшіе", смерды черные, худые мужики.

Въ составъ волости входили не только города, но и пригороды, а потому возникаетъ вопросъ, кто имѣлъ право участвовать въ вѣчевой жизни волости, - только ли жители главныхъ городовъ или и жители пригородовъ. Извѣстное мѣсто лѣтописи: Новгородцы бы изначала, и смольняне, и кыяне, и полочане, и вся власти, якоже на думу, на вѣча сходятся на что же старшіе сдумаютъ, на томъ же пригороды отстанутъ" какъ будто бы говоритъ въ пользу того взгляда, что въ древности существовало правило, въ силу котораго пригороды должны были подчиняться рѣшенію старшихъ городовъ. Не было ли такъ въ дѣйствительности? - Въ лѣтописи есть много мѣстъ, которыя противорѣчатъ этому взгляду, и наоборотъ, указываютъ на то, что жители пригородовъ не только участвовали въ вѣчевыхъ собраніяхъ главныхъ городовъ но и часто созывали свои особыя вѣча и принуждали главные города подчиняться своимъ рѣшеніямъ. Кіевскій князь Изяславъ былъ призванъ не одними кіевлянами, но и жителями Бѣлграда и Василя. Въ 1384г. орѣховцы и корельцы пришли на новгородское вѣче по дѣлу его посадника, кн. Патрикѣя, чтобы поддерживать на вѣчѣ свою партію.

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

Андрея Боголюбскаго избираютъ суздальскимъ княземъ,какъ ростовцы и суздальцы,такъ и владимірцы:"тѣмъ же лѣтѣ сдумавши ростовцы и суздальцы и володимерцы вси,пояша Андрея,сына дюргева старѣйшаго,и посадиша на отчи столѣ, Ростови,и Суздали,и Володимери,зане былъ прелюбимъ всѣми за премногую его добродѣтель".Если же на вѣчахъ главныхъ городовъ отсутствовали жители пригородовъ,то это объясняется тѣмъ,что участіе въ вѣчевыхъ собраніяхъ было правомъ,но не обязанностью, - кто хотѣлъ,тотъ и участвовалъ,при томъ участіе это было непосредственнымъ, а не черезъ представителя,и,конечно,пригороды приходили только на такія вѣча,на которыхъ рѣшались болѣе общіе вопросы,касавшіеся всей волости.Другой формой участія пригородовъ въ вѣчевой жизни составляютъ особыя пригородныя вѣча.Исторія борьбы главныхъ городовъ съ пригородами даетъ много фактовъ,подтверждающихъ существованіе этихъ вѣчевыхъ собраній; и часто рѣшеніе пригородныхъ вѣчъ шло въ разрѣзъ съ рѣшеніемъ,принятымъ главнымъ городомъ,такъ что главный городъ долженъ былъ идти войной на младшій или подчиненный его рѣшенію.Но выступать съ самостоятельнымъ мнѣніемъ могли только такіе пригороды, которые обладали значительной силой,чтобы имѣть возможность привести его и,въ случаѣ надобности,защитить оружіемъ.

Въ историческихъ памятникахъ нельзя найти никакихъ указаній на періодичность вѣчевыхъ собраній, - они составлялись по мѣрѣ надобности и всегда по особому приглашенію.При отсутствіи необходимости вѣче могло не собираться не только въ теченіе мѣсяца,но даже и года,и наоборотъ,

иногда вѣчевыя собранія могли быть каждый день въ теченіе недѣли и больше. Такъ въ Новгородѣ по дѣлу князя Патрикѣя вѣче созывалось ежедневно въ теченіе двухъ недѣль. Только одинъ Владимірскій-Будановъ высказываетъ мнѣніе о періодичности вѣчевыхъ собраній, и то высказываетъ,какъ предположеніе."Лишь продолжительно",говоритъ онъ,"можно доказать,что были періодическія собранія во время братчинъ,въ дни церковныхъ мѣстныхъ торжествъ".Но этотъ взглядъ неправиленъ - братчины никогда не были вѣчевыми собраніями.Право созыванія вѣча,какъ и право участія въ немъ,принадлежало каждому свободному человѣку:созвать вѣче могъ,какъ князь,тысяцкій,посадникъ,такъ и каждый обыкновенный человѣкъ,лишь бы вопросъ,предлагаемый на обсужденіе такъ заинтересовалъ народъ,чтобы онъ пожелалъ собраться для обсужденія его;безъ желанія же народа вѣче не могло состояться,хотя бы призывъ исходилъ отъ князя.Во время похода Мстислава Мстиславича съ новгородцами къ Кіеву |1214г.| на Всеволода,новгородцы,дойдя до Смоленска поссорились со смольнянами и не захотѣли итти дальше."Князь же Мстиславъ вѣче поча звати,они же не поидоша,князь же цѣловалъ всѣхъ,поклонився пойдѣ. Новгородцы же сотворивше вѣче особое,почаше гадати."

Созывалось вѣче двумя способами, - или колокольнымъ звономъ или посредствомъ приглашенія черезъ особыхъ разсыльныхъ.Въ Новгородѣ и Псковѣ колоколъ сдѣлался символомъ вѣчевой жизни,такъ что даже требованіе объ отмѣнѣ вѣча было выражено въ формѣ - не быть вѣчному колоколу.

снять вѣчный колоколъ". Въ другихъ городахъ вѣче созывалось черезъ посредство биричей и подвойскихъ. Такъ, о кіевскомъ вѣче въ 1147г. говорится, что князь Владиміръ "рабитъ" на вѣче, т.е. зоветъ, приглашаетъ.

Опредѣленнаго мѣста для собранія вѣча не было, - оно въ большинствѣ случаевъ созывалось на площадяхъ, на торгу, у церкви, словомъ, гдѣ нибудь на открытомъ мѣстѣ. Въ Кіевѣ упоминаются слѣдующія пять мѣстъ, гдѣ почти всегда происходили вѣчевыя собранія, - у церкви св. Софіи, на Ярославовомъ дворѣ, на Угрскомъ полѣ, у церкви св. Никиты и у св. 40 мучениковъ. Въ Новгородѣ излюбленными мѣстами для вѣчевыхъ собраній были Ярославовъ дворъ и площадь св. Софіи, но были и другія мѣста. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мнѣнія раздѣлялись, вѣча собирались въ двухъ и болѣе мѣстахъ. По дѣлу кн. Патрикѣя происходили одновременно два вѣча, - сторонники Патрикѣя собрались на Ярославовомъ дворѣ, противники у св. Софіи. Иногда бывало, что и сторонники одного мнѣнія собирались одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Такъ въ дѣлѣ Новгородскаго посадника Твердислава противники его собрались одновременно у св. Николая, другіе у св. 40 мучениковъ. Вѣчевыя собранія иногда происходили и внѣ города - въ полѣ, въ случаѣ большого собранія народа, или въ походѣ. Если народъ замышлялъ что - нибудь противъ князя, или созывающіе вѣче хотѣли выяснить, много ли будетъ сторонниковъ извѣстнаго предложенія, то вѣча по большей части собирались тайно, по дворамъ. Такое вѣче было въ 1169г. въ Новгородѣ: "томъ же лѣтѣ, говоритъ лѣтописецъ, начаша новгородцы вѣче дѣяти,

по дворамъ,на князя на своего,на Святославича,на Ростиславича.И пріѣхавши на городище пріятели его начала повѣдати:княже,дѣютъ людіе вѣче ночь,и хотятъ и ти итти. А помышляй о себѣ".Тѣмъ самымъ,что вѣче не имѣло опредѣленнаго мѣста для собраній,самъ собой рѣшается вопросъ о продолжительности его, - продолжительность вѣча точно также была неопредѣленна - различна,смотря по важности обсуждаемаго вопроса и по единодушію,съ какимъ принималось рѣшеніе этого вопроса.

Каковъ же былъ порядокъ вѣчевыхъ собраній? На этотъ вопросъ лѣтопись не даетъ опредѣленнаго . отвѣта.Повидимому,какъ скоро народъ собирался и занималъ свое мѣсто, первое слово принадлежало лицу,собравшему вѣче.Такъ въ 1147г. Владиміръ,собравшій вѣче по порученію своего брата Изяслава въ Кіевѣ,началъ говорить первый и объяснилъ причину созванія.Руководительство же преніями и вообще первая роль на народныхъ сходкахъ,вѣроятно,принадлежала лучшимъ людямъ, т.е. боярамъ,людямъ состоятельнымъ и старцамъ,почему либо заслужившимъ уваженіе народа.Въ подтвержденіе этого можно привести разсказъ лѣтописи о совѣщаніи Владиміра съ народомъ по поводу выбора вѣры: на это вѣче собралось множество народа, - и бояре,и старцы,и люди, - но обсуждали вопросъ только князья,старцы и бояре,остальные же выражали только свое одобреніе или неодобреніе.Отсюда какъ будто можно вывести заключеніе, что права всѣхъ участвовавшихъ на вѣчѣ были не одинаковы. но такое заключеніе было бы невѣрно:права всѣхъ одинаковы,и каждый говоритъ или молчитъ по собственному усмотрѣнію, преобладающая же роль лучшихъ людей усиливалась

здравымъ смысломъ присутствующихъ. Да и не всегда бывало такъ,что говорили только лучшіе люди, - иногда нѣкоторые изъ этихъ лучшихъ людей,желая заглушить чьи либо непріятные для нихъ рѣчи подкупали крикуновъ,"злыхъ тѣхъ смердовъ,убійцъ,шильниковъ и прочихъ безъименитыхъ мужиковъ, иже скотамъ подобни суть",которые поднимали шумъ,производили безпорядокъ и такимъ образомъ не давали высказываться противной партіи.Примѣромъ такого безпорядочнаго вѣча можетъ послужить новгородское вѣче въ 1471г. когда эти безъименитые мужики,подкупленные партіей Борецкихъ,возбуждавшей вопросъ о переходѣ Новгорода отъ московскихъ государей къ литовскимъ,пришли на вѣче и "біяху въ колоколы, и кричаху,и лаяху,яко пси,нелѣпая глаголюще!за короля хотимъ",т.е.являлись какъ бы главными дѣйствующими лицами.Изъ всего сказаннаго видно,что древняя Русь не выработала особаго порядка вѣчевыхъ совѣщаній.

Что касается до постановленій вѣча,то въ этомъ отношеніи требовалось,по большей части или единодушное согласіе или же такое подавляющее большинство,которое заставляло бы смолкать всѣхъ разномыслящихъ. При такомъ положеніи дѣла счетъ голосовъ,конечно,не производился,по той простой причинѣ,что обыкновенное большинство голосовъ не считалось достаточнымъ для рѣшенія дѣла.Такой порядокъ вполнѣ понятенъ:вѣдь рѣшеніе дѣла по большинству голосовъ слишкомъ искусственный выходъ изъ затрудненія,представляемаго раздѣленіемъ мнѣній,чтобы древній человѣкъ могъ прибѣгать къ нему, - для него гораздо проще было

биться за свои убѣжденія и, такимъ образомъ, заставить принять противниковъ то мнѣніе, которое для него является истиннымъ. Что это было такъ на самомъ дѣлѣ, видно, во первыхъ изъ обычныхъ для того времени выраженій, въ которыхъ говорится о состоявшихся народныхъ рѣшеніяхъ, а во вторыхъ изъ тѣхъ послѣдствій, которыя бывали въ случаѣ такого раздѣленія мнѣній, когда ни на одной сторонѣ не было подавляющаго большинства. Въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями обыкновенно употреблялась слѣдующая форма: благословеніе отъ владыки, поклоненіе отъ посадника |такого -то|, и отъ тысяцкаго |такого-то|, и отъ всего Новгорода, и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ меньшихъ къ князю |такому-то|". Существовала и краткая редакція договора, но смыслъ ея былъ тотъ же самый. Въ лѣтописи есть также указаніе на то, что рѣшеніе вѣчевыхъ собраній постановлялись отъ имени всѣхъ. Такъ въ 1215 году переяславскій князь, Ярославъ Всеволодовичъ, послалъ изъ Торжка въ Новгородъ сто новгородцевъ, чтобы составить тамъ партію противъ князя Мстислава. "Новгородцы же не яшася по то, но вси быша единодушно и тѣ сто мужъ".

Какъ же обстояло дѣло при нерѣшительномъ раздѣленіи голосовъ, т.е. при раздѣленіи голосовъ на половину или же при обыкновенномъ большинствѣ? Въ такомъ случаѣ противныя стороны прибѣгали къ борьбѣ, къ суду Божьему. Въ Новгородѣ на сторонѣ кн. Патрикѣя стоялъ одинъ только славянскій конецъ, весь же остальной Новгородъ былъ противъ него; но и этого громаднаго большинства было недо-

статочно,чтобы сразу сломить приверженцевъ кн.Патрикѣя; они уступили только тогда,когда весь Новгородъ вооружился,какъ на ратъ:"и по усобной той рати,поидоша вся пять концовъ на въ одиночество; отняша тыи городы у князя, и даша ему Русь да Ладогу и Норовьскій берегъ,и грамоту списаша съ княземъ,и запечатома на вѣчи,въ Ярославлѣ дворѣ".Другой случай съ посадникомъ Твердиславомъ показываетъ,что иногда даже побѣждало меньшинство, если только оно проявляло больше энергіи и настойчивости, чѣмъ большинство.Въ 1218г. противъ посадника Твердислава возстали почти всѣ новгородцы и собрали вѣче,чтобы замѣнить его другимъ;на сторонѣ посадника былъ только одинъ Людинъ конецъ да Пруская улица Наревскаго конца.Дѣло дошло до битвы,на той и другой сторонѣ много было убитыхъ и раненыхъ, - но вопросъ не былъ рѣшенъ: собранія продолжались цѣлую недѣлю и Твердиславъ побѣдилъ,но побѣдилъ только тогда,когда всѣ пришли къ единенію:"но Богомъ діаволъ попранъ бысть и св.Софіей крестъ возвеличенъ бысть:и съидошася братья въ купѣ единодушно и крестъ цѣловаша".

Такимъ образомъ,обыкновенной формой вѣчевого рѣшенія было единеніе всѣхъ;но подъ единеніемъ всѣхъ нужно разумѣть не соглашеніе всѣхъ безъ исключенія,а только соглашеніе подавляющаго большинства.Это обстоятельство служило причиной неустойчивости вѣчевыхъ постановленій: побѣжденная сторона только ждала удобнаго случая,чтобы снова поднять тотъ же самый вопросъ,и часто случалось, что постановленія вѣча черезъ краткій промежутокъ вре-

мени совершенно измѣнялись на другомъ вѣчѣ.Такъ напримѣръ,бѣлгородцы рѣшили сдать свой городъ печенѣгамъ, но является старецъ и проситъ отсрочить исполненіе этого рѣшенія вѣча, и народъ соглашается.Въ 1273 г.новгородцы пошли войной на Василія Ярославича за Дмитрія Александровича;но не успѣли дойти до Торжка,какъ приверженцы перваго созвали новое вѣче,слѣдствіемъ котораго было призваніе недавняго врага,Василія Ярославича,и изгнаніе Дмитрія Александровича.Неудивительно послѣ этого,что народъ по окончаніи вѣча прибѣгалъ иногда къ убійству главныхъ предводителей побѣжденной партіи; примѣромъ этого можетъ послужить убійство кіевлянами Игоря въ 1147г. Такая жестокость вызывалась желаніемъ сдѣлать постановленія вѣча болѣе прочными и предохранить городъ отъ внутреннихъ безпорядковъ."По князи своемъ ради,идемъ;но первѣе о семъ промыслемы,акоже и прежде сотвориша при Изяславѣ Ярославичѣ,высѣкоша Всеслава отъ поруба зліи они и поставиша князя себѣ,и много зла быша про то граду нашему.А се Игорь,ворогъ нашего князя и нашъ не въ порубѣ,но въ св. Федорѣ,субивше того къ Чернигоьу пойдемъ по своемъ князи";отвѣчаютъ кіевляне послямъ Изяслава Мстиславича.Вообще такой порядокъ вещей способствовалъ образованію въ городахъ партій и давалъ полный просторъ ихъ взаимной борьбѣ;всѣ эти партіи группировались обыкновенно вокругъ князя и имѣли цѣлью доставить ему столъ.

Что же касается до предметовъ вѣдомства вѣча,то на

на первомъ мѣстѣ нужно поставить избраніе князя,а не законодательную дѣятельность,такъ какъ наши предки жили не по закону,а по обычаю,одинаково обязательному какъ для народа,такъ и для князей,и потому главную заботу въ древней Руси составляло не законодательство,а управленіе:- первый же вопросъ управленія - избраніе князя. Нужно замѣтить,что изъ отнесенія избранія князей къ главнымъ функціямъ вѣча,совсѣмъ не слѣдуетъ,что столы замѣщались только по избранію:случалось,что князья занимали столы только въ силу военной удачи,и такимъ образомъ право избранія уступало болѣе сильному праву побѣдителя; но этимъ не уничтожалась сила народнаго обычая,какъ только обстоятельства мѣнялись,онъ снова вступалъ въ дѣйствіе.Вѣче избираетъ князя не только въ Новгородѣ,но и въ Кіевѣ.Въ 1068г. кіевляне прогнали Изяслава Ярославича,а княжескій столъ посадили дядю его Всеслава,который до тѣхъ поръ былъ заключенъ въ тюрьмѣ.Точно также и Владиміръ Мономахъ сдѣлался Кіевскимъ княземъ,благодаря избранію его вѣчемъ,несмотря на то,что сыновья Всеволода по Любецкому договору не имѣли на это права.Въ этомъ отношеніи важно то,что и сами князья не отрицаютъ правоспособности вѣча въ дѣлѣ призванія и утвержденія князей и часто находятъ нужнымъ считаться съ нею.Такъ Кіевскій князь Всеволодъ Ольговичъ,желая передать послѣ смерти столъ брату своему Игорю,настаиваетъ на избраніи его кіевскимъ вѣчемъ.Подъ 1154г. въ лѣтописи разсказывается,что Изяславъ,прежде чѣмъ идти въ Кіевъ,послалъ спросить у кіевлянъ,желаютъ ли они его,и потомъ,оправдываясь передъ Юрі-

емъ,обвинявшемъ его въ самозванствѣ,говорилъ:ци самъ есмь сѣлъ въ Кіевѣ? Посадили мы кыянѣ".Послѣ смерти Изяслава кіевляне передали столъ брату его Ростиславу.Въ описаніи этого событія лѣтописцемъ есть очень характерное выраженіе,изъ котораго слѣдуетъ,что кіевляне совершенно ясно сознавали,что имъ принадлежитъ право избранія князей;вотъ это мѣсто:"яко же братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, также и ты чести.А до твоего живота Кіевъ твой",т.е.кіевляне говорятъ Ростиславу,что они избираютъ его пожизненно.И въ городахъ Ростово-Суздальской земли находимъ такое же ясное сознаніе о правѣ избранія князей.Владимірцы,недовольные Ярополкомъ Ростиславичемъ,говорятъ ему:"мы есьмы вольнаго князя пріяли себѣ".Вслѣдствіе этого суздальскіе князья точно также принуждены считаться съ волею народа;такъ Юрій Долгорукій,желая послѣ смерти передать Ростово-Суздальскую землю двумъ младшимъ сыновьямъ,Всеволоду и Михалкѣ,обратился къ согласію народа;народъ сначала согласился,но послѣ смерти Юрія выгналъ этихъ князей, а на столъ Юрія не посадилъ старшаго сына его Андрея.

При избраніи князя вѣче обыкновенно заключало договоръ, "рядилось" съ нимъ.Въ этихъ договорахъ съ князьями и заключалась законодательная дѣятельность князя вѣча.Какова же была эта законодательная дѣятельность?- Выраженіе лѣтописца,что вѣче выбравши князя,"весь порядокъ положьше" будто бы указываетъ на то,что соглашеніе между народомъ и княземъ устанавливаетъ полный порядокъ управленія и суда.Но,по всей вѣроятности, это выраженіе нельзя понимать

въ такомъ широкомъ смыслѣ, такъ какъ даже позднѣйшіе новгородскіе договоры съ князьями не исчерпывали всего земскаго наряда. Тѣмъ болѣе этого нельзя сказать о договорахъ XII в. Самое большее, что можно допустить, это то, что вѣче, "рядясь" съ княземъ, обязывало его держать волость по старинѣ, по стародавнему обычаю. Вообще свѣдѣній о договорахъ XII в. сохранилось очень мало. Самыя подробныя свѣдѣнія имѣются о договорѣ кіевлянъ съ Игоремъ Ольговичемъ |1146г| отъ котораго народъ требовалъ; "аще кому насъ будетъ обида, то ты прави", послѣ чего князь Святославъ цѣловалъ крестъ за брата своего Игоря, "азъ цѣлую крестъ за братомъ своимъ, ако не будетъ насилія нѣкотораго же".. Другой такой рядъ былъ также въ Кіевѣ съ Ростиславомъ Мстиславичемъ, отъ котораго кіевляне требовали, чтобы онъ держалъ дядю своего Вячеслава въ такой же чести, въ какой его держалъ Изяславъ, "а Кіевъ твой до твоего живота". Точно также были еще заключены ряды въ 1169г. и въ 1172гг. съ кн. Мстиславомъ Изяславичемъ, но содержаніе ихъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Такимъ образомъ первымъ дѣломъ вѣча было призваніе князей и заключеніе съ ними договоровъ; но кромѣ того вѣче принимало участіе и въ обсужденіи вопросовъ управленія, - по преимуществу о войнѣ и мирѣ. Для правильнаго пониманія роли, которую играло вѣче въ обсужденіи этихъ вопросовъ, нужно имѣть ввиду, что князь, 1|могъ вести войну собственными средствами и тогда не нуждался въ согласіи вѣча, и во 2|средствами волости при содѣйствіи всего населенія; въ послѣднемъ случаѣ непремѣнно нужно было

согласіе вѣча. Когда въ 1147г. кіевскій князь Изяславъ Мстиславичъ задумалъ идти противъ дяди своего Юрія въ союзѣ съ Черниговскими князьями, то кіевляне отказали ему въ помощи, и Изяславъ отправился въ походъ только со своей дружиной; но черниговскіе князья измѣнили ему и онъ, чтобы продолжать войну, былъ вынужденъ снова обратиться къ кіевлянамъ, которые на этотъ разъ, по опредѣленію вѣча, согласились помогать ему. Война, начатая съ согласія вѣча, прекращалась, если народъ требовалъ мира, а князь не могъ своими средствами продолжать ее. Въ 1169г. Изяславъ по желанію народа вынужденъ былъ прекратить войну съ Юріемъ и уступить ему Кіевъ; а въ 1175г. владимірцы говорятъ призванному ими князю Михалкѣ: "мирися или промышляй о себѣ" Но народъ въ вопросахъ войны и мира не ограничивался только участіемъ въ войнѣ, задуманной княземъ, - онъ часто бралъ на себя инициативу объявленія войны. Въ 1068г., послѣ того, какъ Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ были разбиты половцами, кіевляне, сотворима вѣче на торговищѣ, и рѣша, послався ко князю: "се половцы росулися по землѣ; дай, князи, оружіе и кони, и аще бьемся съ ними". Въ 1177г. требуя отъ своего князя Всеслава Ростиславича объявленія войны Всеволоду Владиміровичу, говорятъ: "аще ты миръ даси ему, но не дамы". Такимъ образомъ, въ дѣлѣ войны и мира, какъ и въ дѣлѣ избранія князья находились въ большей зависимости отъ вѣча, и слѣдовательно, обстоятельства для развитія вѣчевой организаціи и укрѣпленія правъ вѣча были благопріятны.

Отчего же случилось, что значеніе вѣча съ XIII в. начи-

нается падать и наконецъ вѣчевая жизнь совершенно исчезаетъ? По этому вопросу существуетъ нѣсколько мнѣній. Костомаровъ и Сергѣевичъ главную причину паденія вѣча видятъ въ татарскомъ нашествіи. Безъ сомнѣнія, татары играли въ этомъ важную роль, такъ какъ послѣ ихъ нашествія большинство городовъ было разрушено, а жители частью были перебиты, частью разбѣжались; а оставшіеся же не болѣе одной четверти населенія были настолько слабы, что не могли свободно выражать свои мнѣнія и свои требованія; а если нѣкоторые пытались еще дѣлать это, то князь, опиравшійся на татаръ, могъ всегда усмирить непокорныхъ, - онъ сдѣлался сильнѣе народа и не имѣлъ никакой надобности сообразовывать свои дѣйствія съ желаніемъ народа. Народъ былъ сосчитанъ и обложенъ данью, для сбора которой въ городахъ и пригородахъ водворились татарскіе чиновники: угодные татарамъ князья получили возможность опираться на ихъ силу въ борьбѣ, какъ съ другими князьями, такъ и съ городами. При наличности этихъ условій вѣче не могла имѣть прежняго значенія; но для окончательнаго паденія его всего этого было недостаточно, - остатки вѣча еще долго продолжаютъ существовать. Въ лѣтописи есть еще извѣстія о дѣятельности вѣча въ XIII и XIV вв., которыя какъ будто не напоминаютъ татарскаго погрома. Въ 1289г. умеръ волынскій князь Владиміръ Васильевичъ и передъ смертью отказалъ всѣ свои владѣнія, въ томъ числѣ и Берестье, двоюродному брату своему Мстиславу Даниловичу; но берестяне "учинили бяхутъ кромолу: еще Володимеру князю сущу, они же ѣхавши къ Юрьеви князю [племяннику Владиміра] цѣловать крестъ на

этого вопроса къ Русской Правдѣ прибавить еще и данныя лѣтописи, то получится полная картина состоянія южно-русскаго общества въ первый періодъ нашей исторіи.

Впервые для науки Русская Правда была открыта Татищевымъ: первое изданіе ея было сдѣлано въ 1767 г. Шлецеромъ и съ того времени было найдено много списковъ Правды и много разъ она была издаваема.x| Всѣ списки могутъ быть подраздѣлены на двѣ редакціи: краткую и пространную. Первую составляютъ древнѣйшіе списки, вторую - позднѣйшіе; впрочемъ, надо помнить, что потомъ изъ пространныхъ списковъ Русской правды начали дѣлать сокращенія, и слѣдовательно, одна краткость списка не служитъ еще ручательствомъ его древности, нѣкоторыя изслѣдователи для такихъ сокращеній создали третью редакцію - сокращенную изъ пространной. Списки краткой редакціи содержатъ въ себѣ законодательство Ярослава и его сыновей слѣдовательно, эта редакція сложилась въ XI в.; пространная же редакція заключаетъ въ себѣ еще дополненія XII и XIII в.в.; такимъ образомъ, различаютъ: Правду Ярослава, Правду Ярославичей и Пространную Правду. Правдой Ярослава считаютъ первыя 17 статей краткихъ списковъ, за ихъ глубокую древность говорятъ: 1| частыя указанія на право мести, подвергавшееся впослѣдствіи ограниченіямъ,

x| См. Владимирскаго-Буданова, Христоматія, вып. I.

2| выраженіе "скотъ" вмѣсто "куны"- деньги, указывающее на то время, когда еще домашній скотъ употреблялся вмѣсто денегъ и 3| назначеніе пени за убійство мужа въ 40 гривенъ безъ различія его общественнаго положенія. Въ пространныхъ же спискахъ уже различаются княжіе мужи отъ простыхъ мужей: за убійство первыхъ нужно платить 80 гривенъ, а за убійство вторыхъ - 40 гривенъ.

Въ прежнее время на Русскую Правду смотрѣли какъ на оффиціальный памятникъ русскаго законодательства; но въ послѣднее время сталъ преобладать иной взглядъ, а именно, что Правда есть юридическій сборникъ, составленный частнымъ лицомъ. Тѣ, кто считаютъ Правду памятникомъ оффиціальнымъ, опираются I| на надпись на нѣкоторыхъ спискахъ: "Уставъ великаго князя Ярослава", но эта надпись въ спискахъ краткой редакціи не встрѣчается; 2| на сказаніе лѣтописи о вознагражденіи новгородцевъ за помощь, оказанную ими Ярославу въ борьбѣ его противъ Святополка, - "а новгородцевъ по 10 гривенъ всѣмъ, и давъ имъ Правду и Уставъ списавъ рѣче: "по сему ходите и держите, якоже списахъ вамъ." Но противное мнѣніе, т.е., что Правда есть памятникъ неоффиціальный, опирается наболѣе вѣскія доказательства: I| Русская Правда начинается очень просто: "оубьетъ моужъ моужа, то мьстить братоу брата"; тогда какъ оффиціальныя грамоты начинались иначе: такъ Уставная грамота князя Ростислава Мстиславича |1150| начинается такъ: "Во имя Отца и Сына и Св. Духа, Богъ и Святая Богородица и отца моего молитва, приве-

дохъ епископа Смоленску съ людьми своими"; или Уставная грамота новгородскаго князя Всеволода Мстиславича |1135 г.| "се азъ князь великій Гавріилъ, нареченный Всеволодъ, самодержець Мстиславичъ, владычествующю ми всею Русскою землею;" 2| совершенно излишній въ сборникѣ законовъ повѣствовательный элементъ: "правда оустановлена Роуськои земли, егда ся съвокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Косиячко, Перенѣгъ, Микифоръ, Кияинъ, Чюдинъ, Микула; " 3| указанія на частныя рѣшенія - "а конюхъ старый оу стада 80 гривенъ яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюхѣ; его же оубилъ дорогобоудьца;" въ другихъ позднѣйшихъ спискахъ эта статья читается уже иначе, - "за конюшія 80 гривенъ;" 4| Правда о многомъ умалчиваетъ, какъ будто совсѣмъ, напр., о "полѣ", т.е. о поединкѣ. Совокупность этихъ доводовъ дѣлаетъ гораздо болѣе вѣроятнымъ предположеніе о неоффиціальномъ происхожденіи Правды. Сторонники норманской школы въ прежнее время называли періодъ русскöй исторіи до смерти Ярослава |1054 г.| - норманскимъ и потому усиленно искали въ Русской Правдѣ вліянія германскихъ законовъ, дальше всѣхъ въ этомъ направленіи пошелъ Погодинъ, считавшій Русскую Правду сборникомъ норманскихъ законовъ и обычаевъ и указавшій на цѣлый рядъ заимствованій изъ законовъ германскихъ народовъ, кровавая месть, денежная пеня, судъ изъ 12 лицъ, ѣзда на чужомъ конѣ, - и на слова скандинавскаго происхожденія - "князь", "бояре", "ябедникъ".

Нѣтъ сомнѣнія, что въ постановленіяхъ Русской Правды и правъ германскихъ народовъ есть много общаго, но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы это общее объяснять заимствованіемъ. Такія явленія, какъ месть, денежная пеня вовсе не принадлежатъ праву однихъ германцевъ, напротивъ они встрѣчаются почти повсемѣстно, слѣдовательно, нельзя не только выводить Правду изъ германскаго законодательства, но даже признавать сколько нибудь значительное вліяніе этого законодательства на нашу Правду. Вѣроятнѣе нѣкоторе вліяніе византійскаго права на нашу Правду, такъ какъ 1| сборники византійскаго права существовали на Руси и 2| на Правдѣ въ статьѣ о воровствѣ есть одна прибавка, которая цѣликомъ взята изъ византійскаго права; такъ, по Правдѣ, вора, пойманнаго у клѣти, позволяется убить; если же будутъ держать до свѣта, то должно вести на княжій дворъ.

На основаніи Правды дѣлается обыкновенно характеристика русскаго общества въ первый кіевскій періодъ нашей исторіи. Въ эпоху Правды единство населенія было уже нарушено, отдѣльные классы, разряды населенія, начали уже обрисовываться, но далеко не получили еще законченности, Несомнѣнно, что они не раздѣлялись крѣпкими стѣнами; все было въ подвижномъ, текучемъ состояніи. Однако въ X в. уже начинаетъ обрисовываться нѣкоторая система общественнаго управленія, должностей, выдѣляться классы. Матеріалъ для опредѣленія границъ и правъ этихъ сословій даетъ прежде всего Русская Правда, а затѣмъ факти лѣтописи.

Первоначальное раздѣленіе каждаго народа есть раз-

дѣленіе на свободныхъ и несвободныхъ; такое раздѣленіе было и у русскихъ.

Классъ несвободныхъ, рабовъ, холопей былъ сравнительно очень многочисленъ, конечно, холопи стоятъ внизу тогдашней лѣстницы общественныхъ отношеній. Главныя причины развитія холопства въ древней Руси тѣ же, что и вездѣ; цѣнность человѣческаго труда вырастаетъ въ той мѣрѣ, какъ возрастаютъ знанія, а потому въ первобытномъ обществѣ цѣнность этого труда ничтожна, какъ ничтожны человѣческія знанія. Земля тогда ничего не стоила, орудія производства и скотъ чрезвычайно дороги; самый скромный инвентарь, необходимый для сельскаго хозяйства, можно было заработать лѣтъ въ 6. Проф. Хлѣбниковъ, сравнивая заработную плату съ цѣною коровы, пришелъ къ выводу, что во времена Русской Правды за одну корову человѣкъ долженъ былъ работать почти два года, тогда какъ въ настоящее время въ теченіе одного года крестьянинъ можетъ заработать цѣнность 5 коровъ, иначе говоря, трудъ сельскаго рабочаго теперь сдѣлался въ 10 разъ дороже. Во всѣхъ первобытныхъ обществахъ капиталъ дается въ долгъ за чрезмѣрные проценты; въ государствахъ классическихъ рано начата была борьба противъ такихъ ужасныхъ процентовъ, какъ противъ главнаго источника рабства. Въ Русской Правдѣ есть статья, которая, конечно, никогда не примѣнялась, но которая тѣмъ не менѣе любопытна, хотя бы только какъ соображеніе и вычисленіе, а именно: Правда высчитываетъ, сколько должно было бы уплатить

чрезъ 12 лѣтъ лицо, взявшее въ долгъ 20 овецъ, 2 барановъ, и т.п. Проценты высчитываются сообразно естественной плодовитости животныхъ, считая проценты на проценты, именно за 20 овецъ черезъ 12 лѣтъ придется отдать 180,000 головъ,-20 коевъ - 90,112 козъ и столько же козловъ, за 3 свиньи - 73,729 шт. Статья эта не болѣе какъ разсчеты, но любопытно, что такіе разсчеты могли быть, и попасть въ законодательный сборникъ. Знаменитый князь - защитникъ сирыхъ и бѣдныхъ, Владимиръ Мономахъ установилъ законные проценты - 20% годовыхъ; законодательство Мономаха направлено было противъ ростовщиковъ, слѣдовательно, до него проценты были выше.

Такимъ образомъ, экономическія условія способствовали развитію работва - холопства: дороговизна денегъ и орудій производства съ одной стороны, малая цѣнность и дешевизна человѣческой работы, съ другой.

Безпрестанныя тогда войны, распри и побѣги вели къ тому же слѣдствію, ибо плѣнъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ источниковъ рабства всюду; можетъ быть даже рабство есть уже смягченіе первоначальной участи плѣнниковъ: прежде ихъ убивали, а потомъ уже стали обращать въ работво. И у насъ княжескіе походы на сосѣднія земли безразлично - инородческія или русскія - оканчивались взятіемъ многихъ плѣнниковъ. Уже Ольга многихъ изъ покоренныхъ древлянъ раздала въ рабство; то же дѣлалъ въ концѣ XV вѣка Иванъ III, воюя съ Новгородомъ: войска его съ разныхъ сторонъ шли къ Новгороду, "плѣнуще и гнуще и люди въ плѣнъ ведуще". Въ описываемый періодъ XI-XII в.в. рѣд-

ко проходилъ годъ, чтобы гдѣ-либо на Руси не было войны; иногда плѣнники стоили такъ дешево |по нагатѣ, даже по рѣзанѣ, т.е. по $\frac{1}{40}$, по $\frac{1}{20}$, по $\frac{1}{25}$, по $\frac{1}{40}$, - $\frac{1}{50}$ гривны, въ то время, какъ корова стоила $\frac{1}{2}$ гривны|, что изслѣдователи отказываются понять такую дешевизну и объясняютъ ее трудностью усторожить плѣнниковъ.

Такимъ образомъ, рабовъ-холоповъ на Руси было очень много; Русская Правда указываетъ еще слѣдующіе источники холопства:

I| женитьба на рабѣ или выходъ замужъ за раба безъ ряда, но если при этомъ былъ заключенъ особый договоръ съ хозяиномъ, то условія получали законную силу. Впослѣдствіи всегда существовало правило: "по рабѣ холопъ, а по холопу раба", это правило, вѣроятно, имѣло основаніемъ то убѣжденіе, что свободный человѣкъ, связывая себя съ лицомъ, составлявшимъ собственность другого, и самъ долженъ былъ сдѣлаться собственностью.

2| Злостное банкротство: всякій купецъ, который испортилъ или утерялъ товаръ по своей винѣ, могъ быть проданъ въ рабство.

Среди источниковъ рабства особенно любопытнымъ является слѣдующій, - это 3| принятіе должности тіуна или ключника безъ ряда; если же это произошло на основаніи договора, "то како ся будетъ срядилъ, на тѣмъ же и стоитъ." Такимъ образомъ, личная зависимость и частная служба дѣлали человѣка холопомъ, если онъ не выговаривалъ себѣ права свободы особеннымъ условіемъ.

Въ нѣкоторыхъ же случаяхъ, человѣкъ, находящійся въ личной зависимости, даже и при существованіи "ряда"мог сдѣлаться обѣльнымъ холопомъ, а именно:

4| если онъ бѣжалъ отъ хозяина, обворовавъ его, или совершилъ преступленіе, за которое хозяинъ былъ обязанъ вознаградить иска. Къ этимъ источникамъ холопства нужно прибавить 5| добровольную продажу себя въ рабство, 6| рожденіе отъ рабыни - дѣти рабовъ всегда составляли собственность хозяина и 7| приговоръ князя за вину.

Изъ всего этого видно, какъ были многообразны и многочисленны источники рабства: во времена насилія и неустройства всѣ стремились расширить свою власть, укрѣпить все за собой, что къ нимъ какимъ бы то ни было образомъ примыкало; насколько велико было это стремленіе. видно изъ закона Русской Правды |122 ст.|, что человѣкъ, получившій ссуду или хлѣбъ, черезъ это не долженъ былъ одѣлаться рабомъ, но сохранялъ право возвратить взятое; необходимость такого закона показываетъ, до какой степени каждое лицо старалось установить полное свое господство надъ всѣмъ окружающимъ. Русская Правда, за исключеніемъ этого закона ничѣмъ не ограничиваетъ капиталистическаго строя древней Руси. Нигдѣ въ Русской Правдѣ не говорится объ отношеніи хозяина къ холопу: холопъ никогда не являлся субъектомъ права, онъ былъ только вещью, частною собственностью хозяина; вслѣдствіе этого преступленіе, совершенное холопомъ, имѣло совершенно иныя послѣдствія, чѣмъ преступленіе совершенное человѣкомъ свободнымъ: свободный человѣкъ наказывался,

а холопъ, какъ вещь, не подлежалъ наказанію, за вредъ же, нанесенный холопомъ, отвѣчалъ его господинъ. Холопъ не только не могъ самъ совершать преступленія, но и по отношенію къ нему не могло быть совершено, т.е. холопъ не являлся субъектомъ права. Въ случаѣ убійства раба на убійцу не налагалось наказанія, убійца долженъ былъ только вознаградить господина за имущественный ущербъ, точно такъ же, какъ если бы онъ убилъ чужую корову, лошадь и т.д.; - въ 84 ст. Тр. списка говорится, что "въ холопѣ и въ рабѣ виры нѣтуть". Величина возмгражденія хозяина за убитаго холопа была сообразно съ положеніемъ холопа: за простого раба платили 5 гр., а за "раба кормилица, либо кормиличицъ 12 гр." Примѣромъ неправоспособности холопа можетъ послужить ст. 53 Троицкаго списка, въ которой говорится, что, если рабъ ударитъ свободнаго человѣка и скроется въ домѣ своего господина, то господинъ его долженъ уплатить 12 гр. за укрывательство; но эта плата не есть возмездіе обиженному или выкупъ раба, ни уголовный штрафъ за личное оскорбленіе; а потому обиженный всегда имѣетъ право убить оскорбившаго его холопа. Какъ вещь, холопъ могъ быть уничтоженъ, украденъ и въ Русской Правдѣ есть правила для всѣхъ этихъ случаевъ. Хозяинъ имѣлъ полное право жизни и смерти надъ рабомъ,- онъ не отвѣчалъ за убійство раба; такъ въ Двинской грамотѣ, данной уже въ 1399 г. княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ, говорится: "а кто господарь огрѣшится ударитъ холопа или рабу, а случится смерть, въ томъ

намѣстниты не судятъ, ни вины не емлютъ." Точно также рабъ могъ быть украденъ: за уводъ чужого холопа въ Русской Правдѣ положено платить 12 гр. за обиду, точно такъ же, какъ за покражу бобра; нашедши своего холопа, хозяинъ, однако, не могъ сейчасъ же взять его себѣ, а долженъ былъ вести отвѣтчика на сводъ, т.е. заставить его сказать, у кого онъ купилъ холопа, - слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ онъ долженъ былъ поступить такъ же, какъ и при продажѣ всякой вещи. Если холопъ убѣгалъ отъ своего господина, то послѣдній имѣлъ право преслѣдовать его до границъ своего княжества. Никто не имѣлъ право не только укрыть бѣжавшаго холопа, но даже дать ему хлѣба, указать ему путь; въ противномъ случаѣ онъ долженъ былъ уплатить за раба 5 гр., за рабу - 6 гр.; кто же поймает бѣглаго раба и извѣститъ о томъ господина его, тотъ получаетъ одну гривну за поимку; если же не устережетъ пойманнаго раба, то долженъ былъ заплатить хозяину ½ гривны, т.е. стоимость раба безъ 1-ой гр., слѣдующей за поимку. Какъ было уже раньше сказано, за всякое преступленіе, совершенное холопомъ, отвѣчалъ господинъ его, т.е. онъ долженъ былъ вознаграждать потерпѣвшаго отъ преступленія, уплативъ урокъ; но иногда въ замѣнъ платы урока господинъ могъ выдать обиженному холопа. Долги холопа точно также долженъ былъ платить господинъ, но за то и доходы, заработокъ холопа, онъ бралъ себѣ; слѣдовательно, холопы не могли имѣть собственности.

Изъ всего сказаннаго видно, что рабство въ древней Руси по Правдѣ понималось въ самомъ строгомъ смыслѣ;

холопъ былъ вещью, полной собственностью господина. Въ пользу холоповъ встрѣчается только одно постановленіе, въ которомъ нравственное начало, повидимому, торжествуетъ надъ юридической строгостью: это то положеніе, что дѣти господина и рабыни послѣ смерти послѣдняго дѣляются свободными вмѣстѣ съ матерью. Въ болѣе позднѣе время замѣтно смягченіе нѣкоторыхъ статей Русской Правды; такъ, при дѣтяхъ Ярослава, холопъ, ударившій свободнаго человѣка, не могъ быть убитъ безъ суда, какъ это было раньше.

Но дѣлать характеристику общества исключительно по законодательнымъ памятникамъ - нельзя. Если теперь отъ юридическихъ памятниковъ перейти къ бытовымъ, то, по свидѣтельству этихъ послѣднихъ, положеніе холопа не было такимъ тяжелымъ, какъ по Русской Правдѣ; такъ по Русской Правдѣ холопы не могли имѣть собственности, но есть указанія, что это не такъ было въ дѣйствительности; изъ лѣтописи видно, что у княжескихъ холоповъ была своя собственность, дома въ Кіевѣ.

Кромѣ того, если, съ одной стороны, каждое лицо стремилось къ порабощенію всего окружающаго, то съ другой, это стремленіе находило себѣ противодѣйствіе въ религіозно-нравственномъ началѣ; представительницей этого начала была церковь, которая учила, что человѣкъ есть лицо, а не вещь, и стремленію къ порабощенію противополагала проповѣдь объ освобожденіи. Она учила хорошо обращаться съ рабами, а въ противномъ случаѣ грозила вѣчными муками. Такое отношеніе церкви къ холопамъ

способствовало улучшенію ихъ положенія, которое совершалось тѣмъ скорѣе, что разница между господиномъ и холопомъ въ отношеніи развитія была невелика.

16 Переходную ступень отъ несвободныхъ къ свободнымъ въ древней Руси образовали закупы, наймиты. Нѣкоторые изслѣдователи |Неволинъ, Чичеринъ| считали "закупами" людей, которые обезпечивали заемъ самозалогомъ, т.е. залогомъ своей личности; до уплаты долга такое лицо находится въ состояніи временнаго холопства. Напротивъ, по Сергѣевичу, закупъ-наймитъ, т.е. наемный человѣкъ. Мысль о томъ, что люди, нанявшіеся въ услуженіи или на работу другимъ, должны быть ограничены въ своихъ правахъ, присуща не только народамъ древности, но не исчезла даже и изъ дѣйствующаго права; напр., и у насъ теперь лица, находящіеся въ услуженіи, не могутъ быть присяжными засѣдателями, равно ограничено ихъ право свидѣтельства на судѣ; еще болѣе ограниченій вводитъ законъ о наймѣ рабочихъ на фабричныя работы |Дебольскій|. Положеніе закупа значительно отличалось отъ положенія холопа обельнаго: во-первыхъ, зависимость закупа была только временная, отработавъ долгъ, онъ опять становился свободнымъ человѣкомъ; за попытку обратить закупа въ холопы хозяинъ платилъ 12 гр. штрафу за обиду и обязанъ былъ отпустить закупа на свободу; во-вторыхъ, господинъ не только не имѣлъ права убить закупа, но даже ударить его безъ вины; въ противномъ случаѣ хозяинъ долженъ былъ платить закупу за оскорбленіе, какъ и всякому свободно-

му человѣку; отсюда видно, что закупъ имѣлъ право жаловаться на господина и, слѣдовательно, являлся правоспособнымъ членомъ общества. За порчу хозяйскаго имущества закупъ отвѣчаетъ своимъ имуществомъ, слѣдовательно, и по Правдѣ онъ имѣетъ свою собственность.

Но несмотря на эти преимущества, положеніе закупа было недалеко отъ положенія раба и достаточно было одного шага, чтобы изъ закупничества попасть въ полное холопство. Такъ, если закупъ бѣжитъ и господинъ его поймаетъ, первый дѣлается полнымъ холопомъ "яже закупъ бѣжитъ отъ господы, то обель" |обель, т.е. полный холопъ|. Точно также за преступленіе закупа, какъ и за раба отвѣчаетъ господинъ, вознаграждая исца, а закупъ же теряетъ свою свободу. Съ перваго взгляда эта статья кажется странной, но если бы закупъ отвѣчалъ самъ за себя, то всякое преступленіе являлось бы для него средствомъ избавиться отъ своего господина и, ничѣмъ не вознаградив его, отдаться въ закладъ къ другому.

На вѣче закупъ не участвуетъ, а въ судѣ можетъ давать показанія, лишь по маловажнымъ дѣламъ, такъ какъ несомнѣнно его показанія не могутъ имѣть большого значенія въ виду его зависимости отъ господина; очевидно, онъ будетъ говорить подъ его давленіемъ.

Отдѣльныя статьи указываютъ, что у закупа было свое имущество и что отъ господина онъ получаетъ орудія производства, за умышленную порчу которыхъ долженъ платить, возмѣщая причиненный убытокъ, за нечаянную же порчу, закупъ не отвѣчалъ.

Вообще же отношенія между господиномъ и закупомъ совсѣмъ не были опредѣлены древнимъ законодательствомъ,- имъ не устанавливалось ни время, которе закупъ долженъ былъ употребить на господскую работу, ни цѣна трудовъ его, ни % долга, а такая неопредѣленность всегда обращается въ пользу сильнаго, которымъ въ данномъ случаѣ является господинъ.

Слово закупъ постепенно исчезаетъ и замѣняется словомъ "закладникъ" или "закладень".

Теперь переходимъ къ разсмотрѣнію положенія людей свободныхъ. Низшій разрядъ населенія, сельскій, во времена Правды носитъ имя смердовъ. Первоначально слово "смердъ" имѣло болѣе широкое значеніе: подъ смердами разумѣется иногда все населеніе. Такъ Олегъ Святославичъ, отказываясь ѣхать на судъ говоритъ: "нѣсть мене лѣпь судити епископу, ли игуменомъ, ли смердомъ"; очевидно, подъ послѣднимъ князь разумѣлъ все населеніе. Наряду съ такимъ значеніемъ мы имѣемъ и другое, гдѣ смердъ является уже сельскимъ жителемъ, пахаремъ: "А сего не промыслите, оже начнетъ орати смердъ и пріѣхавъ половчанинъ ударитъ и стрѣлою", говоритъ Владимиръ Мономахъ на княжескомъ съѣздѣ. Очевидно, что во время Русской Правды было два обозначенія слова "смердъ", но скоро оно суживается въ своемъ значеніи, аналогично со словами мужъ - мужикъ, христіанинъ - крестьянинъ, и относится исключительно къ сельскому населенію. Въ такомъ значеніи оно будетъ употребляться и нами.

Первый важнѣйшій въ исторіи смердовъ вопросъ, были ли смерды свободные люди? То, что смерды были свободны, видно изъ слѣдующаго: I| смерду платятъ за обиду, "иже смердъ умучитъ, а безъ княжа слова за обиду 3 гривны," 2| смерды участвуютъ на войнѣ и платятъ дань, - напримѣръ, при нападеніи на г. Бѣлгородъ - бояринъ боярина бралъ въ плѣнъ, смердъ - смерда, а градъ - града. Въ 1229 г. въ Новгородѣ смерды освобождены были на 5 лѣтъ отъ платежа дани. 3| У смердовъ было имущество, что видно изъ разсказа лѣтописи о совѣщаніи князей Святополка и Владимира Мономаха подъ IIII г.; Мономахъ отвѣчаетъ Святополковой дружинѣ: "дивно ми, дружино, оже лошади кто жалуетъ, ешже оретъ кто, а сего чему не разсмотрите, оже начнетъ смердъ орати, и половчанинъ пріѣхавъ, ударитъ смерда стрѣлою, а кобылу его поиметъ, а въ село его въѣхавъ поиметъ жену его и дѣти, и все имѣніе его возметъ". 4| За совершенное преступленіе смердъ наказывается, какъ свободный человѣкъ и платитъ князю "продажу". Правда знаетъ и смердьихъ коней и даже смердьихъ холоповъ.

Есть, однако, мнѣніе, что смерды не свободны, а что они люди князя |Лешковъ - Русскій народъ и государство. Никитскій - очерки внутренней исторіи Пскова|. Мнѣніе это основывается на слѣдующемъ: I| за убійство смерда платится 5 гр., ст. 23 Правды - а въ смердѣ и холопѣ 5 гр., тогда какъ за княжескаго тіуна или конюха платили по 80 гр. 2| Разсказъ лѣтописи о голодѣ и возмущеніи населенія въ Ростовской области: два волхва обманули народъ, слѣдствіемъ чего были убійства въ краѣ; отправленный для усмиренія воевода Янъ, сынъ Вышаты, узнавъ,

что волхвы смерды его князя, требуетъ: "выдайте волхвы та сѣмо, яко смерды еста моего князя". Очевидно, однако, что здѣсь слово смерды значитъ подданные, люди, подсудные именно князю Святославу, которымъ посланъ былъ Янъ, а не какому-нибудь другому князю.3| сильнѣйшее доказательство того, что смерды - люди князя, указано Никольскимъ | О началахъ наслѣдованія по древне-русскому праву|, именно 103 ст. Кар. сп. Русской Правды "оже смердъ умретъ безъ дѣти, то задница |т.е. наслѣдство| князю; оже будуть у него дщери дома, то дати часть на ня; оже ли будутъ за мужьми, то не дати части." Сама эта статья понимается изслѣдователями различно: одни полагаютъ, что въ средѣ смердовъ наслѣдуетъ только мужское потомство; другіе же, раздѣляя эту статью на двѣ, толкуютъ, что она имѣетъ въ виду только бездѣтныхъ смердовъ

Нѣтъ сомнѣнія, что этою статьею устанавливаются ограниченія правъ смердовъ, сравнительно съ другими свободными классами, но только ограниченія, а не больше. Эти ограниченія, а равно и малая плата за убійство смерда, доказываютъ, что смерды были низшимъ классомъ населенія.

Классъ этотъ въ эпоху господства грубой силы подвергался, конечно, притѣсненіямъ и ограниченіямъ. Такое приниженное положеніе смердовъ еще объясняется и тѣмъ, что смерды были свободны лично, но не имѣли земли, а сидѣли и обрабатывали, обыкновенно, княжескія земли. |Владимирскій-Будановъ, Ключевскій|; но этотъ взглядъ не

Библиотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

твердо обоснованъ, опредѣленныхъ фактовъ за него нѣтъ:у князей были большія имѣнія, но они обрабатывались трудомъ холоповъ, закуповъ-наймитовъ, а не свободныхъ смердовъ. Впослѣдствіи князья стали смотрѣть на всѣ земли княжескія, какъ принадлежащія имъ, но такой взглядъ развился въ XIII стол. въ Руси сѣверо-восточной: въ Руси X - XII в. такого понятія не было, напротивъ земля принадлежала тому, кто вкладывалъ въ не свой трудъ.

Конечный выводъ: смерды были свободное сельское населеніе, жившее и работавшее на своихъ земляхъ.

Высшее сравнительно съ сельскимъ населеніемъ составляло городское населеніе, горожане, "градъ". Главное различіе между сельскими и городскими жителями заключалось, конечно, въ ихъ занятіяхъ. Горожане имѣли большое значеніе,

---

Начало 13 листа.

Южно-русское общество. 15

Литература предмета:

Сергѣевичъ - Русскія Юридическія Древности, т.I.

Погодинъ - Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи, т.3-7.

Хлѣбниковъ - Общество и государство въ до-московскій періодъ русской исторіи.

Владимирскій-Будановъ - Обзоръ исторіи русскаго права.

Главный источникъ, на основаніи котораго строится понятіе о южно-русскомъ обществѣ кіевскаго періода исторіи есть"Русская Правда", указывающая чѣмъ должно бы быть по понятіямъ этого времени общество; если при изученіи

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

потому что они собирались на вѣче, оттого князья того вре
мени ухаживали за городскимъ населеніемъ: давали, напр.,
всенародные пиры, а иногда давали подарки и большой цѣн-
ности, - такъ, Ярославъ, собираясь походомъ на Святополка,
далъ каждому новгородцу-горожанину по 10 гр.; а смерду лишь
по одной гривнѣ. Люди городскіе были представителями земли;
они юридически были всѣ равны, но различіе экономическое
оказывалось сильно; изъ среды горожанъ выдѣлялись "лучшіе
люди", "лѣпшіе люди", "нарочитая чадь", "старцы градскіе",
часто они называются также "бояре", а въ изслѣдованіяхъ-бо-
яре земскіе отъ бояръ княжескихъ. Лучшіе люди, старцы град-
скіе - тогдашняя земская аристократія. До призванія кня-
зей эти люди держали власть въ своихъ рукахъ. Съ призвані-
емъ князей эта аристократія стала близко къ князю; ея про-
исхожденіе, вѣроятно, родовое, но въ нее же потомъ входили
представители капитала. По Русской Правдѣ хорошо виденъ со-
юзъ земской аристократіи съ княземъ: Правда весьма сильно
защищаетъ интересы богатыхъ; съ другой стороны - аристокра-
тія поддерживаетъ княжескую власть. Многія изъ земскихъ бо-
яръ входили въ княжескую дружину, такъ что нѣкоторые склон-
ны думать, что въ эту эпоху земское боярство слилось оконча-
тельно съ дружиннымъ; но это невѣрно: аристократія руко-
водила дѣятельностью вѣча, городской общины; съ упадкомъ
городскихъ общинъ стало падать и земское боярство. Иная
судьба мужей княжихъ, т.е. тѣхъ, кто служилъ въ княжеской
дружинѣ: она дѣлилась на старшую и младшую; изъ первой -
образовалась наша аристократія, изъ второй - служилый класс,
соотвѣтствующій нашему среднему дворянству.

Этнографическій составъ дружины былъ очень пестрый: въ ней были и варяги, и чудь и финны, и литва и торки, и славяне. Извѣстный разсказъ о богатырѣ Янѣ Усмовцѣ ярко характеризуетъ условія поступленія въ дружину. Особенное значеніе имѣетъ старшая дружина - бояре |отъ слова - бой, можетъ быть отъ корня болій, большій|. Дружина стоитъ очень близко къ князю; у каждаго князя была своя дружина. Князь"думалъ" съ дружиною о дѣлахъ. |Владимиръ Мономахъ къ числу утреннихъ занятій князя причисляетъ: "сѣдше думати съ дружиною"|, причемъ бояре вполнѣ свободно выражали свое мнѣніе, напр., Мономахъ не хотѣлъ убивать половецкаго хана Итларя; дружина убѣдила его убить хана; если князь начиналъ что безъ совѣта съ дружиною, она отказывалась слѣдовать за нимъ: Владиміръ Мстиславичъ сговорился съ половцами и потомъ послалъ къ своимъ дружинникамъ, "являя имъ думу свою; и рекоша ему дружина его: о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали ". Дружина имѣла полное право оставить князя и перейти на службу къ другому, что нерѣдко и дѣлала. |„Святославъ же повѣда Ивану Гюргевичу и дружинѣ своей. Дружина же его по немъ идоша, а друзіи оставиша его"|. Старшая дружина, бояре вѣроятно, была немногочисленна, так надо думать потому, что нерѣдко князья совѣщались съ своей дружиной въ одномъ шатрѣ „ Святополкъ повѣдалъ дружинѣ своей - и сѣдоша въ единомъ шатрѣ, Святополкъ съ своею дружиною, а Владиміръ съ своею. И рекоша вся дружина." Вознагражденіемъ дружинѣ старшей первоначально служило разное движимое имущество |золото, поволоки, драгоцѣнныя матеріи, кони, челядь|, а затѣмъ съ XII в. и недвижимое.

Подъ 1150 г. - Изяславъ рече дружинѣ своей: „вы есте по мнѣ изъ Русской земли вышли, своихъ сель и своихъ жизней лишився, а язъ паки своея дѣдины и отчины не могу перезрѣти." Князья всегда очень дорожили своей дружиной |отношенія Игоря къ дружинѣ; разсказъ о Владимирѣ святомъ; хорошій князь того времени злата не собиралъ, имѣнія не жалѣлъ, но все давалъ дружинѣ своей|. Для земли, для города дружина является чуждою, наносною силою. Связями съ землей дружина долго не дорожитъ; впрочемъ, и связь свою съ княземъ она вовсе не считаетъ нерушимой, и, держась правила "вольнымъ слугамъ воля", нерѣдко мѣняетъ одного господина на другого, который покажется больше любъ. Съ теченіемъ времени изъ дружины выростаетъ сильное дружинное боярство, которое по Погодину | и вопреки мнѣніямъ многихъ другихъ| было наслѣдственно, такъ какъ утверждаетъ онъ, разноплеменность состава дружины и, стало быть, легкость проникновенія въ нее для всякаго замѣчается только въ первыя времена ея существованія. Въ подтвержденія своего предположенія, Погодинъ приводитъ около 6 выдержекъ изъ лѣтописи, между прочимъ тотъ фактъ, что поповъ внукъ, попавшій въ бояре, отмѣченъ Галицко-Волынскою лѣтописью, какъ явленіе рѣдкое и странное. Не малую поддержку этому мнѣнію даетъ и то соображеніе, что званіе боярина-дружинника было связано съ обязанностью имѣть необходимое вооруженіе и одежду, которыя могли передаваться отъ отца къ сыну.

Въ непосредственномъ же распоряженіи князя находилась только такъ называемая младшая дружина, предоставлявшая его личное войско. Эту младшую дружину нѣтъ основанія причислять къ боярству. Напротивъ, извѣстенъ случай, когда Мстиславъ

славу, обѣщавшему помощь чернымъ клобукамъ и не добившемуся сочувствія старшей дружины, клобуки сказали съ упрекомъ: "Ты обѣщалъ пріѣхать съ боярами, а пріѣхалъ съ дружиной". Такимъ образомъ, хотя Мстиславъ, разсерженный отказомъ боярства и сказалъ, показывая на младшую дружину: "вотъ мои бояре" и тѣмъ какъ будто бы заявилъ о своемъ правѣ производить въ бояре, кого ему угодно, но даже черные клобуки за нимъ такого права не признали. Наиболѣе самостоятельное значеніе и наибольшую силу имѣла дружина и боярство, какъ извѣстно, въ Галичѣ, гдѣ держала себя съ полнымъ самовластіемъ и хозяйничала по собственному произволу, держа верховный контроль надъ княземъ.

Отношеніе князей къ дружинѣ было весьма различно. Впрочемъ большею частью они очень дорожили ею, стараясь всячески расположить ее къ себѣ, видя въ ней свою важную опору. Извѣстна легенда про Владимира Святого, говорившаго, что серебромъ онъ не добудетъ дружины, а съ дружиной добудетъ серебра и злата; извѣстна ходячая въ то время пословица, гласившая: "съ хорошимъ думцемъ князь высока стола добудетъ". Но иные князья, какъ напр., Святославъ и Изяславъ, искавшіе помощи у венгровъ и ляховъ - напротивъ, утверждали, что золотомъ они купятъ какую угодно дружину. Сами событія показали ихъ ошибку. За службу князь награждалъ своихъ дружинниковъ деньгами, землей и должностями; дружинники назначались посадскими, тысяцкими и др. Посадникъ былъ княжескимъ намѣстникомъ и назначался княземъ въ подвластный ему города. Меньше опредѣленности представляютъ должности тысяцкаго, сотскаго и т.д. Во I| должность тысяцкаго

встрѣчается только въ главнѣйшихъ городахъ, изъ чего можно вывести заключеніе, что въ меньшихъ - цифра населенія не достигала тысячи, по крайней мѣрѣ, въ то первоначальное время, когда эти должности создались; лишь впослѣдствіи понятіе"тысячи" расширилось и стало обозначать нѣчто иное и численно большее, чѣмъ то, что показываетъ буквальный смыслъ слова тысяча: оно стало синонимомъ полка, а тысяцкій - главнокомандующаго. Предводительствуя земскимъ ополченіемъ въ походѣ, тысяцкій являлся защитникомъ и представителемъ черныхъ людей и въ мирное время, отчего даже создалось представленіе о должности тысяцкаго, какъ о должности земской, но не княжеской, и явилось предположеніе, что вся земля икони была раздѣлена на сотни и тысячи со своими начальниками. Однако же это предположеніе ограничивается постановленіемъ, что купецъ тянетъ въ свое сто, а смердъ - потугъ свой, т.е. наряду съ раздѣленіемъ на сотни и десятни было для сельскаго населенія и другое раздѣленіе. Сблизивъ это съ тѣмъ фактомъ, что въ XУ и XУI в.в. въ Галичѣ на сотни дѣлилось только населеніе замка, приходится заключить, что сотни были не больше, не меньше, какъ городская тягловая единица.

Торговля и промышленность древней Руси.

Литература предмета:

Аристовъ - О промышленности въ древней Руси.

Голубовскій - Исторія Смоленской земли, гл.II.

Васильевскій.- Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ, Журн. Минист. Нар. Просв. 1888. № 7.

Покровскій - Отраженіе экономическаго быта въ Русской Правдѣ въ кн. Русская Исторія подъ редакціей Сторожева.

Постоянные набѣги кочевниковъ и неустанная борьба между князьями тяжело отзывались на экономическомъ положеніи населенія; наиболѣе страдали центральныя земли тогдашней Руси - т.е. земли Кіевская, Переяславская и Черниговская. Не говоря о кочевникахъ, но и войска княжескія жили тогда насчетъ непріятельской земли, а иногда и своей; всякая война, всякій походъ разорялъ землю, и край терялъ рабочія руки. По счету Погодина въ періодъ 1054 - 1240 г.г. на протяженіи безъ малаго 200 лѣтъ |186| лѣтописи знаютъ 82 г. въ которые были междуусобія; само собой разумѣется, что для отдѣльныхъ княженій цифры будутъ гораздо ниже; такъ для Кіевскаго княжества - 29 лѣтъ военныхъ, для Черниговскаго - 24, для Переяславскаго - 18; цифры эти,очень значительныя, надо дополнить половецкими набѣгами; большіе набѣги пересчитаны, ихъ было 46: 19 - на Переяславское княженіе, 12 - на Кіевское, 7 - на Черниговское и т.д. Но правильнѣе считать, что половцы набѣгаютъ почти безпрестанно:"пожалтеся о Русской землѣ, оже несуть христіаны не всяко лѣто у вѣжъ свои." |1170|; поэтически описываетъ запустѣніе южной Руси пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ. Войны особенно тяжело отзывались на земледѣльческомъ классѣ, именно, на смердахъ: если крупныя боярскія имѣнія только несли убытки отъ набѣговъ, мелкія хозяйства пропадали совсѣмъ: бояринъ могъ воз-

становить разрушенное село, а на мѣсто взятаго холопа купить новаго; попавшійся же въ неволю смердъ могъ выкупиться изъ неволи половецкой, продавшись какому-нибудь боярину въ холопи. Неблагопрiятныя внѣшнія обстоятельства только усиливали, конечно, тѣ неблагопріятныя экономическія условія, въ которыхъ вращалась тогдашняя жизнь, и которыя были указаны выше, т.е при низкой заработной платѣ и дороговизнѣ денегъ; статистическихъ данныхъ мы не имѣемъ, но крупныя землевладѣльцы, судя по даннымъ, обходятся услугами "челяди"; напр., вдова князя Гиѣба дала Печерскому монастырю "5 селъ и съ челядью", въ другой разъ разорено было княжее имѣніе съ 700 чел. челяди; въ селахъ княжескихъ прикащиками были также рабы - "тіуны сельскіе и ратайные." Русская Правда знаетъ и ролейныхъ закуповъ, т.е. закуповъ, работавшихъ на пашнѣ, Такимъ образомъ, крупное землевладѣніе было весьма развито въ Кіевской Руси; сообразно чему Правда знаетъ межевые знаки и назначаетъ высокіе наказанія за порчу межевыхъ знаковъ.

Какимъ образомъ устанавливалось право собственности на землю ? Надо думать, что заимка и обработка земли давали право владѣнія,- отчего выраженіе въ документахъ: "куда топоръ и соха и коса ходили"; землю надо было расчищать для пашни; кто ее очищалъ отъ лѣса и владѣлъ "притереби". Хозяйство было подсѣчное; очищали изъ подъ лѣса поле - т.н. "ляди" и засѣвали его, а затѣмъ къ этому полю ежегодно добавляли новыя росчисти "притереби". Дѣвственная почва давала превосходные урожаи, но не болѣе 2-3 лѣтъ, отчего земледѣлецъ долженъ былъ постоянно подвигаться; запущенная земля называлась "перелогомъ". При такихъ техническихъ

способахъ трудъ земледѣльца былъ очень тяжелъ: онъ рубилъ деревья, сжигалъ ихъ, выкарчивалъ пни, убиралъ съ подсѣки камни, и тогда уже обрабатывалъ своими орудіями. Земледѣльческія орудія были самыя нехитрыя, т.е. топоръ, коса и плугъ; соха начинаетъ замѣнять плугъ только впослѣдствіи: "Вятичи побѣди, и возложи на ня дань отъ плуга". Раздѣленія занятій не было, напр., всякое хозяйство заключало въ себѣ нѣсколько видовъ промышленности добывающей: звѣроловство, рыболовство.

Россія въ X, XI в.в. и нѣсколько позже представляла громадную страну, перерѣзанную рѣками, усѣянную болотами и покрытую непроходимыми лѣсами, въ которыхъ водились различные звѣри, - рыси, зубры, волки, медвѣди, горностаи, куницы, соболи, бобры и т.п.; такъ, что естественно предположить, что однимъ изъ главныхъ занятій русскихъ славянъ въ то время была охота на дикихъ звѣрей, которые доставляли мѣхъ и мясо. Что это было въ дѣйствительности указываютъ: во I| постоянныя упоминанія объ охотѣ въ письменныхъ памятникахъ; во 2| то, что мѣха въ то время были главными деньгами, и наконецъ, въ 3|, мѣха были самымъ важнымъ предметомъ торговли. Русскіе князья съ ранняго времени имѣли свои опредѣленныя мѣста для звѣроловства и охоты |споръ Олега съ Ярополкомъ|, перевѣсища и ловища ихъ были разбросаны по всей землѣ русской; на этихъ ловищахъ, которыя представляли или собственныя княжескія земли или же отведенныя для князя мѣста, жили поселенія княжескихъ ловчихъ, сокольниковъ, псарей, тетеревитниковъ, бобровниковъ и т.п. Изъ поученія Владимира Мономахъ видно, что князья очень любили охоту, несмотря на всѣ опасности, которыя она пред-

ставляла въ то время; притомъ князья на охоту смотрѣли не только какъ на развлеченіе: она доставляла имъ огромные выгоды. Владимиръ Мономахъ не напрасно "ся тружалъ пути и ловы дѣя 13 лѣтъ", - наловленные звѣри доставляли: 1| мясо для пищи и 2| кожи и мѣха, какъ для торговли, такъ и для домашняго обихода. Со времени татарскаго владычества дань татарамъ платилась также продуктами охоты - мѣхами; да и сами татары, и преимущественно ханскіе охотники, имѣли право охотиться во всѣхъ лѣсахъ Россіи.

Очень распространенъ былъ въ Россіи и пчельный промыселъ - бортничество; продукты этого промысла - воскъ и медъ высоко цѣнились и служили предметами торговли; кромѣ того медомъ народъ издавна платилъ князьямъ дань, и обычай этотъ продолжался до XУ в.

Скотоводство также было однимъ изъ распространенныхъ промысловъ на Руси, на это указываетъ то обстоятельство, что слово "скотъ" было равносильно слову "деньги". Правда у Константина Багрянороднаго встрѣчается странное извѣстіе, будто въ Россіи не разводили лошадей, коровъ и овецъ, и русскіе доставали скотъ отъ печенѣговъ; этотъ взглядъ, вѣроятно, произошелъ вслѣдствіи того, что русскіе въ сравненіи съ кочевыми народами, у которыхъ главнымъ промысломъ было скотоводство, имѣли мало скота, и поэтому имъ приходилось покупать его у сосѣднихъ кочевниковъ.

Ремесленное производство было, кажется, довольно развито; археологія въ данномъ вопросѣ оказываетъ исторіи существенныя услуги: находимые въ курганахъ и могилахъ предметы домашней утвари и роскоши свидѣтельствуютъ даже о художе-

ственности нѣкоторыхъ, особенно кіевскихъ подѣлокъ; въ ремесленной дѣятельности одинаково участвовали женщины и мужчины; можно найти указанія на многія ремесла, тканье, плотничество, кожевенное дѣло, обработка металловъ, ювелирное дѣло |кіевскія эмали|; въ городахъ ремесленники старались образовать изъ себя нѣкоторые союзы, вовсе непохожіе, конечно, на западноевропейскіе цехи; союзы эти въ Новгородѣ назывались "дружинами", такія же артели были и въ Кіевской Руси, напр., возниковъ, древодѣловъ, гробовщиковъ.

Особенное значеніе имѣла торговля заграничная, какъ это указано выше. Торговля способствовала много объединенію Руси: князья того времени прилагали особыя заботы о торговлѣ, объ огражденіи интересовъ иноземныхъ купцовъ на Руси и русскихъ заграницей. Русская Правда даетъ значительное преимущество иноземному купцу предъ своимъ, мѣстнымъ: въ случаѣ банкротства мѣстнаго купца его имѣніе продается и на вырученныя деньги сначала покрываются претензіи князя, потомъ гостя, т.е. иноземнаго купца, и затѣмъ уже остатки дѣлятъ между собою мѣстные кредиторы; совершенно то же постановлено было Смоленскою торговою правдою 1229 г.; въ земляхъ нѣмецкихъ то же преимущество имѣлъ Смольнянинъ. Князья и ихъ дружина принимали дѣятельное участіе въ торговлѣ, оттого, конечно, они были заинтересованы въ правильномъ ея ходѣ, и заботились объ охранѣ торговыхъ путей, что для того времени было очень важно, такъ какъ Русь въ X-XIII в.в. нигдѣ не прикасалась къ морю, и пути чрезъ обла-

сти чужихъ народовъ тогда были небезопасны. Главный торговый путь, главная артерія того времени это - извѣстный путь изъ "Варяги въ Греки"; далѣе изъ Кіева шли пути по Деснѣ къ верховьямъ Оки и оттуда въ Волгу, по протоку Десны - Сейму къ р. Дону; чрезъ р. Припять къ системамъ Нѣмана и Вислы; изъ Смоленска на западную Двину въ Балтійское море |и т.д.|, были и сухопутные тракты, т.наз. пути: греческій, солоный |соленый| и залозный: жалобы XII в.,"а уже у насъ |половцы| и греческій путь изъотымаютъ, и соляный, и залозный."Болѣе точное опредѣленіе этихъ путей пока не одѣлано: греческій путь шелъ, конечно, въ Византію или въ греческіе города Крыма; соленый, или соляный, вѣроятно, въ Крымъ къ соленымъ озерамъ, но соль привозилась также изъ Галицкой земли.

Предметы вывоза были сырыя произведенія: мѣхъ, медъ, воскъ и рыба.

Большія затрудненія представляетъ монетная система того времени оттого,что сообщенія письменныхъ источниковъ не сходятся съ археологическими находками, не говоря уже о трудностяхъ, которыя предоставляютъ рѣшенія вопроса о кожаныхъ деньгахъ. Первоначально вмѣсто денегъ на Руси служилъ скотъ, и древнѣйшіе списки Правды употребляютъ слово "скот" вмѣсто нашихъ денегъ; затѣмъ значеніе денежныхъ знаковъ получаютъ мѣха, затѣмъ стали появляться въ обращеніи слитки золота и серебра, слитки весьма разнаго вѣса; очевидно, такіе слитки ходили не въ формѣ денегъ, а какъ товаръ и принимались всякій разъ на вѣсъ. Но источники наши говорятъ о "кунахъ", какъ деньгахъ; что же это такое такое ?

Утверждаютъ, что гривна кунъ была металлическими деньгами. То, что металлическія деньги были на Руси, это внѣ сомнѣнія послѣ многочисленныхъ находокъ |Нѣжинскій кладъ 1852 г. и Кіевскій - 1877 г.|, но образовали ли они систему ? и вотъ почему, признающія систему, опредѣляютъ ее такъ: Гривна по вѣсу приблизительно $^{I}/_{2}$ греч. литры, около 36 золотниковъ. 36 золот

I гривна кунъ = 20 ногатамъ = 25 кунамъ = 50 рѣзанамъ.

Новгородская гривна полновѣснѣе, = $^{I}/_{2}$ нѣмецкаго фунта, т.е. = 48 золотникамъ.

Дѣйствительно, находятся слитки серебра отъ 30 - 48 золотниковъ, ихъ и считаютъ гривнами; есть и золотая гривна. Но мелкія монеты, т.е. ногата, рѣзаны и т.п. не соотвѣтвѣтствуютъ въ большинствѣ случаевъ тому вѣсу, который онѣ должны были имѣть.

Что касается до кожаныхъ денегъ, то чрезвычайно трудно допустить, какимъ образомъ при тогдашнихъ понятіяхъ отрѣзки могли служить за цѣлыя шкуры ? а между тѣмъ приведено было выше, что несомнѣнно такія деньги были. Возможно одно предположеніе, что такіе лоскутки шкуръ имѣли тогда такое же значеніе, какое имѣютъ и теперь иногда марки, выдаваемыя рабочимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ: по степени довѣрія къ лицу, выдавшему ихъ, лоскутки могли имѣть болѣе или менѣе широкое распространеніе.

Въ заключеніе можно указать на остроумную гипотезу проф. зоологіи Усова, пытавшагося устранить указанныя выше противорѣчія въ системѣ кунъ: монета была эквивалентом

цѣнности соболиной шкурки, и гривна кунъ - поморока соболей, т.е. 20 шкуръ соболя; ногата - цѣлая шкурка съ лапками |ногами|, куна - хребтовая часть, наиболѣе цѣнная шкурка; рѣзана - дешевая часть шкурки, покрывающая животъ звѣрька, тогда выйдетъ I гривна кунъ = 20 ногатамъ или цѣлымъ шкуркамъ = 25 кунамъ или хребтовинамъ = 50 рѣзанамъ или т.наз. черевамъ. x|

Упадокъ Кіева и образованіе малорусской народности.

Литература предмета:

Грушевскій - Очеркъ исторіи Кіевской земли.

его же - Исторія украйны Руси |напечатана на малорусскомъ яз. поэтому не разрѣшена къ обращенію.|

Владимирскій - Будановъ - Населеніе югозападной Россіи отъ половины XIII до половины XV в.|Въ Архивѣ югозап. Россіи, часть VII, т.I |; въ прекрасной статьѣ этой указана въ примѣчаніяхъ богатая литература по этому трудному и спорному вопросу.

Антоновичъ - Кіевъ, его судьба и значеніе |Кіевская старина 1882 г. № I.|

Соболевскій - Къ вопросу объ историческихъ судьбахъ Кіева |Извѣстія Университета св. Владимира. 1885

---

x| О монетной системѣ древней Руси:

Прозоровскій.- Монета и вѣсъ Россіи до XVIII ст.

Гр. И.И. Толстой.- Древнѣйшія русскія монеты в.кн. Кіевскаго.

Куникъ - О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава.

Съ половины XIII в. ясно обнаруживается упадокъ Кіевской Руси; земля распадается на отдѣльныя части. Главныя причины этого явленія: I| Кіевъ, какъ стольный городъ великаго княжества и вслѣдствіе этого предметъ домогательства всѣхъ князей, былъ центромъ княжескихъ усобицъ; положеніе населенія при этихъ условіяхъ было чрезвычайно трудное: князья ведутъ борьбу изъ эгоистическихъ расчетовъ, совершенно не преслѣдуя интересовъ горожанъ, а между тѣмъ, этимъ послѣднимъ постоянно приходится отвѣчать и своимъ имуществомъ, и своей свободой, и даже жизнью. Не удивительно, что эти безпорядки все больше и больше разоряли Кіевское княжество и пробуждали у многихъ мысль уйти въ какое нибудь другое княжество, гдѣ живется спокойнѣе. Къ этому еще присоединились 2| постоянные набѣги кочевниковъ. При первыхъ князьяхъ эти набѣги не были часты и опустошительны, наоборотъ, поступательное движеніе шло отъ русскихъ князей, которые проникали все дальше вглубь степей; но съ XII в. дѣло измѣняется: князья, занятые исключительно своими усобицами, совершенно не заботятся о томъ, чтобы походами въ степи удерживать кочевниковъ отъ набѣговъ; русскіе и кочевники помѣнялись ролями, - теперь уже стали наступать кочевники, и граница Руси въ XII в. движется все ближе и ближе къ Кіеву, такъ что Переяславское княжество, которое еще недавно занимало третье мѣсто среди русскихъ княжествъ, вслѣдствіе постоянныхъ набѣговъ кочевниковъ, совершенно теряетъ свое прежнее значеніе. Этихъ двухъ причинъ, кажется, было бы достаточно, чтобы способствовать ослабленію Кіев-

скаго княжества, но этого мало: къ этимъ неурядицамъ, идущимъ извнѣ, присоединялись еще такія, которыя коренились въ 3| самомъ строѣ Кіевскаго княжества. Извѣстно, что въ Кіевскомъ княжествѣ, какъ и вездѣ на Руси, существовало раздѣленіе власти, - съ одной стороны вѣче, съ другой-князь. Административная власть и государственная находились въ рукахъ князя; вѣче же только выбирало князя и контролировало его дѣятельность. Но контроль этотъ былъ слабый; въ текущія же дѣла вѣче совсѣмъ почти не вмѣшивалось и предоставляло рѣшать ихъ князю, какъ ему вздумается, лишь бы онъ не отступалъ отъ обычая. Въ то время жизнь еще не выработала прочныхъ юридическихъ формъ, отношенія отличались неопредѣленностью, административный механизмъ - несовершенствомъ; вслѣдствіе этого, при обширности и разнообразіи компетенціи княжеской власти, съ одной стороны и при слабости вѣча съ другой, личность князя имѣла громадное значеніе. Чтобы сгладить эти несовершенства нуженъ былъ князь, который бы"хотѣлъ добра всѣмъ сердцемъ Русской землѣ", мало этого - нуженъ былъ энергичный руководитель, одушевленный стремленіемъ къ правдѣ. Но среди Кіевскихъ князей такого руководителя не находилось, наоборотъ, княжеская политика того времени можетъ быть охарактеризована, какъ политика эгоизма по преимуществу: первая забота князей состояла въ томъ, чтобы увеличить свои владѣнія, чтобы собрать Русь около Кіева; но это собираніе Руси производилось изъ чисто эгоистическихъ цѣлей, - собирали для того, чтобы увеличить свое благосостояніе, чтобы потомъ опять раздать свои

Библіотека Ст-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

собранныя земли своимъ дѣтямъ, и потому интересы земства, интересы населенія всегда приносились князьями въ жертву своимъ личнымъ цѣлямъ. Даже излюбленные князья, въ сущности, въ земствѣ видѣли только орудіе для осуществленія своихъ личныхъ и семейныхъ цѣлей: ласковое ихъ отношеніе къ населенію являлось часто лишь средствомъ добиться отъ него жертвъ въ свою пользу. Громаднымъ зломъ являлось и то обстоятельство, что князья, чтобы добиться Кіевскаго стола и потомъ удержаться на немъ, принуждены были раздавать другимъ князьямъ удѣлы въ Кіевскомъ княжествѣ, и это обстоятельство послужило причиной ослабленія, съ одной стороны, вѣча, съ другой - князей.

Ко всему этому нужно прибавить еще одно обстоятельство, сильно способствовавшее паденію Кіева, это отсутствіе особой княжеской линіи. Къ серединѣ XII в. отдѣльныя княжества постепенно обособились подъ управленіемъ особыхъ княжескихъ линій, каждое изъ нихъ уже имѣло своихъ князей, въ интересахъ которыхъ было заботиться объ усиленіи своей отчины и не отдѣлять личную пользу отъ пользы всего населенія. Одинъ только Кіевъ не раздѣлялъ этой общей участи и попрежнему имѣлъ князей изъ различныхъ линій; вслѣдствіе этого не одинъ князь не могъ смотрѣть на Кіевъ, какъ на свою отчину, не былъ увѣренъ, что его сынъ останется Кіевскимъ княземъ, и поэтому не имѣлъ нужды заботиться о благосостояніи княжества: всѣ князья на Кіевское княжество смотрѣли, какъ на средство обогатиться и слѣдствіемъ тако-

---

Лекціи по Русской Исторіи. Листъ 15-ый.
Лит. Богданова. Эртелевъ пер. д.1. Директоръ

Библиотека С-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

го взгляда являлось то, что ни въ одномъ городѣ не было такихъ тяжелыхъ виръ, такихъ злоупотребленій "небогойных и лукавыхъ мужей", назначаемыхъ "толико того дѣля, абы князю товару добывалъ", злоупотребленій тіуновъ, "людей градскихъ и продающихъ"; все это послужило причиной того, что власть и притѣсненія тѣсно связались въ общественномъ сознаніи, и дало поводъ сѣверному лѣтописцу сказать: идѣже законъ, ту и обидъ много".

Въ отсутствіи княжеской линіи Соловьевъ обвиняетъ самихъ кіевлянъ, - на основаніи извѣстныхъ словъ кіянъ, признавшихъ въ 1146 г. Изяслава Мстиславича: "Ольговичемъ не хочемъ быти, аки въ задничи", |задничи, т.е. по наслѣдству|, Соловьевъ говоритъ, что Кіевская община, дорожа своимъ правомъ избранія князей, всѣми мѣрами противодѣйствовала установленію у себя наслѣдственнаго преемства. Но этотъ взглядъ несправедливъ, - кіевляне хотѣли имѣть свою линію, а именно Мономаховичей, но сначала эта линія не могла утвердиться, а впослѣдствіи въ свою очередь распалась на отдѣльныя линіи, между которыми началась борьба. Вся совокупность этихъ неблагопріятныхъ условій на столько разорительно дѣйствовала на кіевское княжество, что, несмотря на прекрасныя климатическія условія, на богатство края, на удобное положеніе въ торговомъ отношеніи, Кіевъ потерялъ свое прежнее значеніе и въ XII в. возникли два новые центра: на сѣверо-востокѣ Владимиръ и на югозападѣ - Галичъ.

Какова же дальнѣйшая судьба Кіева ? Этотъ вопросъ очень важенъ, такъ какъ съ нимъ связанъ вопросъ объ образованіи малорусской народности. Погодинъ, основываясь на ———

замѣчаніи Срезневскаго, что памятники малорусской письменности не доходятъ ниже XУ -го в., заключилъ, что Кіевъ въ XIII в. окончательно запустѣлъ, и только въ XУ в. снова началъ заселяться переселенцами изъ Карпатовъ или изъ Галиціи и Волыни. Въ пользу этого положенія Погодинъ приводитъ и тотъ фактъ, что въ то время, какъ въ Олонецкой и другихъ сѣверныхъ губерніяхъ сохранилось много былинъ, теперешнее Кіевское населеніе ни одной былины не помнитъ. Къ теоріи запустѣнія Кіева примкнули и польскіе историки, которымъ это было выгодно при рѣшеніи вопроса, кому долженъ принадлежать южно-русскій край: вѣдь занятіе запустѣвшаго края даетъ право на владѣніе этимъ краемъ, и, слѣдовательно, теорія Погодина рѣшала вопросъ въ пользу Польши, такъ какъ впослѣдствіи край, по этому мнѣнію, былъ колонизированъ населеніемъ, вышедшимъ изъ Литвы-Руси и Польши, т.е. населенъ былъ польскими силами и ими же вызванъ снова къ жизни.

Но Максимовичъ и Котляревскій предоставили вѣскія доказательства противъ гипотезы Погодина: первый подвергъ критикѣ историческіе и филологическіе его доводы, второй - остальные его доводы, а именно объ эпосѣ. Споръ этотъ, который Пыпинъ назвалъ споромъ сѣверянъ и южанъ, не кончился и до сихъ поръ.

Вопросъ о совершенномъ запустѣніи Украйны послѣ XIII вѣка, т.е. послѣ татарскаго нашествія, собственно распадается на два вопроса: 1| о запустѣніи самого города и 2| о запустѣніи Кіевской земли. Тѣ историки, которые полагаютъ, что Кіевъ подвергся поголовному избіенію жите-

лей, совершенному разоренію и опустошенію, толкуетъ въ этомъ смыслѣ нѣкоторыя мѣста лѣтописей. Такъ изъ словъ: "Дмитрія |воеводу кіевскаго, храбро защищавшаго Кіевъ отъ Батыя| же изведоша и не убиша его, мужьства ради его", они выводятъ, что все населеніе было перебито, а Дмитрій былъ исключеніемъ. Но этотъ выводъ невѣренъ: лѣтописецъ могъ упомянуть о судьбѣ Дмитрія, потому, что ему, какъ главному защитнику Кіева, больше всего угрожала смерть, независимо отъ того, было ли избито населеніе или нѣтъ. Точно также изъ словъ лѣтописи, что Михаилъ по возвращеніи изъ Польши, "иде въ Кіевъ и живяте подъ Кіевомъ во островѣ", тоже заключаютъ, что Кіевъ подвергся совершенному разоренію, такъ что Михаилу негдѣ было жить; но вѣдь гораздо естественнѣе предположить, что у Михаила былъ на островѣ дворецъ, точно такъ же,какъ у Всеволода Ольговича подъ Вышгородомъ, или у Юрія за Днѣпромъ, - для князей непопулярныхъ гораздо удобнѣе было жить за предѣлами города. Вполнѣ опредѣленно говоритъ о полномъ опустошеніи Кіева Суздальская лѣтопись: Ювзяше Кыевъ татарове, и св. Софью разграбиша, и монастыри всѣ, и иконы, и кресты честные, и вся узорочья церковь взяша, и люди отъ мала и до велика убиша мечомъ". Но это свидѣтельство не является вполнѣ убѣдительнымъ, такъ какъ лѣтописецъ въ такомъ же преувеличенномъ видѣ описываетъ и разореніе Кіева въ 1169 г. и въ 1203 г., - у лѣтописца были готовыя шаблонныя фразы, въ которыя онъ одѣвалъ свои извѣстія, мало заботясь о томъ, чтобы они соотвѣтствова-

ли дѣйствительности. Относительно вопроса о запустѣніи Кіева можно допустить самое худшее, т.е., что Кіевъ подвергся сильнѣйшему запустѣнію, что уцѣлѣвшіе жители возстановили его въ самомъ жалкомъ видѣ и т.п., такъ какъ въ сущности это не такъ важно, гораздо важнѣе второй вопросъ, вопросъ о запустѣніи всей Кіевской земли.

Въ подтвержденіе запустѣнія всей Кіевской земли ссылаются на свидѣтельство Плано Карпини, который, разсказывая о своемъ путешествіи въ 1246 г.по югу Россіи, отмѣчаетъ, что вездѣ онъ встрѣчалъ полное безлюдіе и запустѣніе и массу костей и череповъ. Въ сказаніи о св. Михаилѣ точно также описывается состояніе Руси во времена монгольскаго нашествія, - въ этомъ сказаніи говорится, что жители, затворившіеся въ городахъ, погибли; изъ тѣхъ же, которые спасались по разнымъ трущобамъ, "мало тѣхъ остася". Защитники взгляда о полнѣйшемъ запустѣніи кіевщины опираются также и на филологическія изысканія профессора Соболевскаго, который пришелъ къ выводу, что письменные памятники, имѣющіе малорусскіе особенности, не имѣютъ никакого отношенія къ Кіевской Руси, что Кіевскіе памятники не имѣютъ малорусскихъ особенностей, и что древній кіевскій говоръ принадлежитъ къ числу говоровъ великорусскихъ; а малорусскій яз. былъ принесенъ въ кіевскую землю приблизительно въ XУ в. съ запада, изъ Подоліи, Волыни и Галича, колонистами, ассимилировавшими кіевское населеніе; ассимиляція произошла тѣмъ быстрѣе, что населеніе этого края было сильно разрѣжено татарскимъ погромомъ и разбѣжалось впослѣдствіи, благодаря постояннымъ татарскимъ набѣгамъ.

Вотъ всѣ тѣ доводы, которые приводятъ въ доказательство полнѣйшаго запустѣнія Кіевской земли. Но было ли это такъ въ дѣйствительности ? Вѣдь свидѣтельство Плано Карпини можно понять иначе, а именно, какъ свидѣтельство только о разореніи южной Руси, а не о запустѣніи ея; сказанію же о смерти Михаила нельзя особенно довѣрять, потому что оно, какъ и большинство житій святыхъ, написано съ большею долею риторики. Да и вообще поголовное избіеніе жителей является фактомъ невѣроятнымъ: гораздо вѣроятнѣе предположить, что не всѣ жители разбѣжались, часть ихъ осталась на старыхъ мѣстахъ, тѣмъ болѣе, что есть объ этомъ свидѣтельства: въ статьѣ Владимирокаго-Буданова собраны данныя этого рода. Можно констатировать только то, что населеніе южной Россіи на нѣкоторое время исчезаетъ для политической жизни, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ митрополитъ переселился во Владимиръ. Татарское населеніе, съ другой стороны выдвинуло въ южной Руси очень интересное явленіе: населеніе украинскихъ областей задумало воспользоваться игомъ, чтобы освободиться отъ княжеской централизаціи и въ непосредственной зависимости отъ татаръ возстановить первоначальный строй мелкихъ автономныхъ общинъ: это, по всей вѣроятности, такъ и произошло, литовцы, начавшіе покорять южную Русь въ XIУ в. нашли здѣсь рядъ автономныхъ общинъ. Какіе размѣры приняло это явленіе, трудно сказать; извѣстно только, что въ XIII в. выступили какіе то Болоховскіе князья, поборники областной самостоятельности. Слѣдовательно, теперешніе малороссы потомки древлянъ, полянъ и волынянъ, первоначаль-

ной лѣтописи; конечно, это населеніе растворило въ себѣ не мало тюркскихъ элементовъ.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Русь удѣльная XIII-XIУ в.в.

Выше были уже указаны мнѣнія Соловьева и Костомарова о причинахъ паденія вѣчевого порядка на Руси; въ то время, какъ Соловьевъ причины эти усматривалъ въ особыхъ условіяхъ общественнаго порядка Руси Ростово-Суздальской, условіяхъ, обнаруживавшихся еще въ XII в. Костомаровъ паденіе вѣча приписывалъ татарскому погрому. Думаемъ, что Костомаровъ ближе къ истинѣ, тѣмъ болѣе, что и огромное большинство прежнихъ историковъ начинали съ монгольскаго ига новый періодъ нашей исторіи. Только мнѣніе Костомарова должно быть нѣсколько расширено: вліяніе татаръ само по себѣ было незначительно, но одновременно съ монгольскимъ нашествіемъ Русь начала испытывать на себѣ натиски и другихъ весьма различныхъ народовъ: шведовъ, ливонскихъ рыцарей, нѣсколько позже Литвы. Послѣдствіемъ этого было прежде всего то, что русское племя сжалось; надолго положенъ былъ предѣлъ его безконечному расширенію; затѣмъ въ борьбѣ съ другими народами потеряна была половина русскаго племени |западная Русь|, и для оставшейся Руси - Руси порабощенной татарами - потребность военной самообороны явилась насущной необходимостью при условіяхъ крайне тяжелыхъ, и при полной невозможности получить откуда либо помощь. Съ этого времени, т.е. съ XIII в. рус-

ская исторія получаетъ направленіе, характеризующее ее такъ долго: полное подчиненіе интересовъ частныхъ интересамъ государственнымъ; какъ и у всякаго народа, потерявшаго свою самостоятельность, такъ и у русскаго народа національное чувство получаетъ особое, почти болѣзненное развитіе. Само собою разумѣется, новый порядокъ не могъ скоро сложиться, онъ сложился только къ концу XУ в. и потому періодъ XIII - XУ в. есть періодъ подготовительный и переходной.

Общія характеристики этого періода см.

Соловьевъ - указан. соч.

Костомаровъ - Начало единодержавія въ древней Руси |Монографіи, т. XII|.

Чичеринъ - О духовныхъ и договорныхъ грамотахъ князей въ "Опытахъ по исторіи русскаго права".

Забѣлинъ - Взглядъ на развитіе Московскаго единодержавія |Историч. Вѣстн. 1881 г.|

Павловъ - Сильванскій - Феодальныя отношенія удѣльной Руси. Иммунитетъ въ удѣльной Руси.

Въ предыдущій періодъ земля принадлежала, по одной теоріи, всему княжескому роду, по другой - князья временно владѣли отдѣльными землями по договорамъ съ самими землями. Второй періодъ исторіи чаще всего называютъ вотчиннымъ въ томъ смыслѣ, что земли раздѣлились на отдѣльныя княженія и стали составлять полную собственность князей, т.е. князья начинаютъ смотрѣть на свои княженія

какъ въ наше время смотрятъ на частное имѣніе. Признаками новаго порядка служатъ новыя наименованія князей по владѣніямъ, чего не знала древняя Русь; теперь являются князья Костромскіе, Городецкіе, Тверскіе, Ростовскіе и иные, - на смѣну Ярославичамъ, Владимировичамъ, Ольговичамъ и .т.д; женщины наслѣдуютъ княженія при существованіи наслѣдниковъ мужского пола. Всеволодъ, сынъ Константина, владѣвшій Ярославскимъ княженіемъ, умеръ, не имѣя сыновей. Его дочь, Марія, при выходѣ замужъ получила съ собой и княжество, несмотря на то, что у нея были двоюродные братья. Это было въ 1249 г.. Въ этомъ фактѣ Соловьевъ видитъ выраженіе полнаго торжества вотчиннаго начала. Дальше мы видимъ примѣры, когда русскія княжества переходятъ отъ одного князя къ другому по завѣщанію. Такъ,старшій внукъ Александра Невскаго Иванъ Дмитріевичъ въ своей духовной завѣщаетъ княжество свое Переяславское, т.е. съ половины XIII в. князья начинаютъ смотрѣть на русскую землю, какъ на свои вотчины. Полнѣе всего указанная точка зрѣнія высказана Б.Н. Чичеринымъ въ ст."Духовныя и договорныя грамоты великихъ и удѣльныхъ князей". Чичеринъ высказываетъ мысли, что у князей того времени совсѣмъ не было государственныхъ взглядовъ. Княжество дѣлится обыкновенно между всѣми княжескими сыновьями. Напр., до насъ дошли двѣ духовныя грамоты Іоанна Калиты; все свое движимое и недвижимое имѣніе онъ дѣлитъ между тремя сыновьями и женой, а Москву - на три части; а одинъ изъ внуковъ его свою треть раздѣлилъ между пятью сыновьями, и сколько сыновей, столько ———

и удѣловъ. Въ княжескихъ завѣщаніяхъ села и волости перемѣшиваются съ драгоцѣнными иконами, крестами, кафтанами. Князья того времени не заботятся о землѣ, какъ о государствѣ. Каждый князь есть просто хорошій отецъ, который заботится о томъ, чтобы его дѣтямъ было хорошо.

Относительная величина удѣловъ видна изъ завѣщанія Дмитрія Донского; здѣсь изъ 1000 р. выхода татарской дани доля каждаго изъ пяти удѣловъ опредѣляется слѣдующим образомъ: Коломенскаго - 342 р. Звенигородскаго - 272 р. Можайскаго - 235 р. Дмитровскаго - 111 р. удѣла князя Ивана 10 р. Князья, умирая, раздавали обыкновенно не только недвижимое, но и движимое имущество, какъ то: деньги, иконы, одежду, утварь и т.д. Симеонъ Гордый отдаетъ весь свой удѣлъ женѣ, - она владѣетъ и распоряжается имъ. У князей Московскихъ мѣсто старшаго сына занимаетъ мать. Дмитрій Донской также приказываетъ дѣтямъ слушаться своей матери, княгини Евдокіи, причемъ, обращаясь къ сыновьямъ, говоритъ: "Если татары кого обидятъ, то новый раздѣлъ сдѣлаетъ мать" - мать, такимъ образомъ, является главной распорядительницей всей княжеской семьи. Таково мнѣніе Чичерина. Но признать его точку зрѣнія вполнѣ правильной нельзя. Сильныя замѣчанія противъ такого взгляда были высказаны еще Градовскимъ |ст. Государственный строй древней Руси|. Мы не имѣемъ права всѣх князей того времени подводить подъ одну мѣрку. Дѣйствительно, Русь сѣверо-восточная безконечно дробится. Нѣкогда единая Ростово-Суздальская земля раздѣлилась на четыре княженія: Владимирское, Тверское, Московское,

и Нижегородско-Суздальское. Эти княженія дѣлятся на удѣльныя княжества, самое названіе которыхъ указываетъ, что территорія |Ключевскій| княженія охватываетъ теченіе небольшой рѣчки; съ теченіемъ времени эти мелкія княженія мельчаютъ еще болѣе и размѣрами своими мало чѣмъ отличаются отъ теперешнихъ значительныхъ имѣній. Въ одной Тверской землѣ было 9 княжествъ. Ключевскій отмѣчаетъ, что князья часто называются по рѣкамъ, бассейны которыхъ они занимаютъ. Для примѣра онъ беретъ маленькую рѣчку, мало кому извѣстную, Андогу |притокъ Мологи| и говоритъ, что на ней было расположено Андогское княжество; потомъ Андогскихъ князей оказывается нѣсколько. При такомъ дробленіи все владѣніе князя иногда составляли домъ, при немъ церковь и село. У такого князя не было и не могло быть представленія о различеніи государственнаго и частнаго владѣнія. Такіе князья опускались во всѣхъ отношеніяхъ и составляли противоположность князьямъ южнымъ, которые при всѣхъ своихъ недостаткахъ все-таки были государи - витязи, нѣтъ, нѣтъ да и вспоминавшіе объ интересахъ Русской земли.

Но не всѣ княженія такъ дробились; главное же, Русь Удѣльная точнѣе прежняго опредѣлила отношенія великаго князя къ младшимъ, удѣльнымъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Мы видѣли, что въ Руси южной великому князю кіевскому скорѣе принадлежала почетная гегемонія, чѣмъ дѣйствительная власть надъ своими младшими сородичами. Отношенія между великими князьями называются часто "международными" и правильно: князья московскіе, тверскіе, рязанскіе,

Нижегородско-Суздальскіе первоначально были равны между собой; но внутри каждаго изъ этихъ княженій отношенія были далеко не таковы. Удѣльные младшіе князья не знаютъ Орды, т.е. не имѣютъ права сноситься съ ханомъ и не имѣютъ вообще права вести свою внѣшнюю политику "кто будетъ брату нашему недругъ", писали они въ договорахъ, называя великаго князя своимъ старшимъ братомъ. Кромѣ того съ половины XIУ вѣка удѣльные князья обязываются держать подъ старшимъ княженіе великое "честно" и "грозно" и даже служить ему "безъ ослушанія". Удѣльный князь Владимиръ Андреевичъ, заключая договоръ съ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ - своимъ племянникомъ, называетъ его своимъ старшимъ братомъ. Названія старыя, но отношенія новыя: племянникъ старше дяди. Можно ли сказать, что и великіе князья тоже лишены были государственныхъ понятій, какъ и мелкіе князья. Характеристики Чичерина и Сергѣевича сдѣланы по завѣщаніямъ Ивана Калиты, Симеона Гордаго, которые были и великими князьями. Но едва ли справедливо было дѣятельность князей опредѣлять по однимъ завѣщаніямъ.

Наиболѣе важнымъ для рѣшенія этого вопроса представляется. были ли въ Удѣльной Руси земли, которыя принадлежали князю на частномъ правѣ, и такія, которыя принадлежали ему на государственномъ ? Относительно перваго никто не сомнѣвается, что были земли, которыя принадлежали князю на частномъ правѣ: князья нерѣдко покупали и ——— и продавали и завѣщали села и пр. Относительно второго, т. е. владѣнія землями на государственномъ правѣ - есть возраженія |см. Сергѣевича, т.III, 20 и слѣд. | Тѣмъ не менѣе трудно не признать этого.

Было уже указано, что въ древности право на землю пріобрѣталъ каждый, кто обработалъ ее; изъ этого не слѣдуетъ, чтобы земля эта считалась никому не принадлежащею: она тянула къ извѣстному городу, къ Кіеву, Чернигову, Новгороду, т. е. она входила въ составъ территоріи Черниговской, Полоцкой, Смоленской земли, и, слѣдовательно, этимъ волостямъ принадлежало 3 право 1 верховное 2 государственное надъ всѣми этими землями. Напр., Новгородъ не всѣмъ позволялъ покупать земли въ Новгородскихъ владѣніяхъ; купившіе не имѣя права, должны были возвратить эти земли господину Великому Новгороду; слѣдовательно, Новгородъ былъ верховнымъ собственникомъ всѣхъ земель. Каждая земля |княженіе| имѣла границы, т.е. территорію, надъ которой ей принадлежала верховная власть, и всякое лицо, путемъ захвата освоивавшее себѣ собственность, обязано было нести повинности въ пользу города-государя данной территоріи. Съ паденіемъ въ XIII в. вѣча верховнымъ собственникомъ территоріи отдѣльныхъ княженій - земель сталъ князь; и в этих же своихъ княженіяхъ у нихъ были имѣнія, какъ были имѣнія-вотчины бояръ, были города; не могли князья все, что было въ княженіи, одинаково считать полною собственностью. У такихъ князей должно было быть различіе понятія правъ государственныхъ и правъ частныхъ, вотчинныхъ. Въ каждомъ, сколько нибудь значительномъ княженіи мы видимъ слѣдующіе разряды земель: дворцовыя, т.е. частныя - княжеская собственность, вотчинныя- владѣнія отдѣльныхъ лицъ, монастырей и т.п. и черныя земли, никому на частномъ правѣ не принадлежавшія, а бывшія

во владѣніи крестьянскомъ. Слѣдовательно, нельзя полагать, что у князей Удѣльнаго времени |XIII - XV в.в.| не было понятій о правѣ государственномъ.

Сѣверо-восточную Русь XIII - XV в.в. мы должны представлять себѣ, какъ федерацію княженій |Владимирскаго, Тверского, Московскаго, Нижегородско-Суздальскаго, Рязанскаго и Смоленскаго и земель Новгорода и Пскова|, находившихся подъ татарскимъ игомъ. Великія княженія дѣлились на удѣльныя |напр., въ Московскомъ княженіи были удѣлы: Можайскій, Серпуховскій, Звенигородскій, Верейскій и т.д.; въ Тверскомъ: Микулинское, Кашинское и т.д.|. Верховный собственникъ русской земли въ это время - татарскій ханъ; съ нимъ находятся въ прямыхъ сношеніяхъ упомянутые великіе князья, среди которыхъ первенство принадлежитъ тому князю, который носитъ титулъ великаго князя Владимирскаго; за ними стоятъ князья удѣльные. Князья своимъ слугамъ - боярамъ въ вознагражденіе раздавали земли, освобождая населеніе этихъ земель отъ дани, слѣдуемой князю и отъ суда княжескихъ чиновниковъ |намѣстниковъ и волостелей|. Въ конечномъ результатѣ получаемъ такую лѣстницу отношеній:

Ханъ Орды
Великіе князья
Удѣльные князья
Частные вотчинники |слѣдуетъ замѣтить, что вотчинники подчинялись какъ удѣльнымъ князьямъ, такъ нѣкоторые, - и прямо великимъ князьямъ.|

Такая лѣстница отношеній, іерархія, не напоминаетъ ли

феодальныя отношенія? Костомаровъ |т.XII, стр. 87 и слѣд.| утверждалъ, что Русь съ XIII до XУ в. пережила періодъ феодализма. Костомаровъ оговаривался, что подъ феодализмомъ онъ разумѣетъ такой "политическій строй, когда весь край находится въ рукахъ владѣтелей, образующихъ изъ себя нисшія и высшія ступени съ извѣстнаго рода подчиненностью нисшихъ высшимъ и съ верховнымъ главою выше всѣхъ". Мнѣніе Костомарова было оставлено.

Въ послѣднее время Павловъ-Сильванскій возвратился къ мысли о феодальномъ устройствѣ Руси XII - XУ в.в. Онъ доказываетъ, что на Руси тогда существовали всѣ элементы феодальнаго строя: I|патронатъ, 2|иммунитеты, т.е. податные и судебные льготы, 3|вассалитетъ - служба бояръ и вольныхъ слугъ и 4|передача политическихъ правъ крупнымъ землевладѣльцамъ. Павловъ-Сильванскій разсматриваетъ отношенія между князьями и вольными слугами и называетъ эти отношенія феодальными; слѣдуетъ признать, что сходство, особенно въ мелочахъ, иногда поразительное, но отъ сходства до тожества - очень далеко. Патронаты и иммунитеты |по нашему - закладничество и льготныя владѣнія| есть учрежденія, предшествующія феодальной системѣ |Сергѣевичъ - т.III, 469 и сл.|, у насъ къ тому же законодательство и льготное владѣніе продолжаются до Петра В.; на западѣ эти учрежденія способствовали развитію феодализма и только на Руси - они этого не сдѣлали, потому что феодальная система возникаетъ не потому только, что есть патронатъ и иммунитетъ. Наши удѣльные князья вовсе не присваивали себѣ власти, имъ, или ихъ предкамъ не принадлежавшей, напр., было время, когда всѣ князья были равны между собою,

когда отношенія между ними были родственныя; въ удѣльный періодъ князья постепенно теряютъ свои права, подготовляется порядокъ, когда они будутъ такіе же подданные государя, какъ все прочее населеніе; прежнія родственныя отношенія къ великимъ князьямъ замѣняются служилыми отношеніями, слѣдовательно, это вовсе не феодальныя отношенія; точно также бояре, монастыри получаютъ льготы по милости жалующаго, безъ всякаго договора. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній предположеніе о феодальномъ устройствѣ удѣльной Руси слѣдуетъ оставить.

При изученіи этой эпохи слѣдуетъ помнить, что это время наиболѣе грубое и насильственное въ русской исторіи; право не сходится съ жизнью, почему на практикѣ встрѣчаются постоянныя противорѣчія.

Переходя къ характеристикѣ удѣльнаго общества отмѣтимъ прежде всего ростъ княжеской власти. Княжеская власть долго носитъ прежній характеръ и только постепенно устанавливается на власть князей новый взглядъ.

Существуетъ двѣ точки зрѣнія на происхожденіе власти Московскихъ государей. Костомаровъ въ сочиненіи "Начало единодержавія на Руси" приписываетъ зарожденіе московскаго единодержавія татарамъ. По его мнѣнію, власть хановъ надъ русской землей наслѣдственно перешла къ великимъ князьямъ, впослѣдствіи государямъ московскимъ.
Дьяконовъ въ соч. "Власть московскихъ государей" утверждаетъ, что теорія власти, перенесенная и въ практику, сложилась по византійскому образцу. Изъ Византіи про-

Библіотека С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

никла къ намъ идея о богоустановленности царской власти. Несмотря на то, что на практикѣ встрѣчаются постоянныя противорѣчія такой идеѣ |князей изгоняютъ, они сами между собою враждуютъ|, духовенство учитъ, что всякая власть отъ Бога, что всякій князь поставленъ Богомъ. Такъ, по этому ученію, Ярославъ Мудрый потому одолѣлъ своихъ противниковъ, что Богъ хотѣлъ поставить его помимо другихъ. Идея о богоустановленности власти давалась населенію съ трудомъ, понималась имъ вполнѣ конкретно.

На ряду съ поставленіемъ князя Богомъ, существуетъ и народное избраніе: "Богъ поставилъ князей Всеволода и Михалку", говоритъ населеніе, "а мы ихъ надѣземъ". Проповѣдь духовенства имѣла успѣхъ, населеніе мало по малу проникается убѣжденіемъ, что княжеская власть отъ Бога. Такимъ образомъ, въ сѣверо-восточной Руси устанавливается иной взглядъ, чѣмъ въ Кіевской, гдѣ господствовало народовластіе, гдѣ князя нерѣдко избирало вѣче.

Изъ того, что княжеская власть отъ Бога, вытекаетъ необходимость уважать ее, повиноваться ей. Въ XIII -XV проповѣдники приходятъ къ мысли, что государь самымъ естествомъ выше человѣка, онъ не Богъ, но что-то среднее между Богомъ и человѣкомъ. Князь - это земное небо, его душа - Престолъ Божій, отсюда обоготвореніе лица, владѣющаго священной властью. Можно ли сопротивляться такой власти? Отвѣтъ, конечно, отрицательный: кто сопротивляется власти,

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

тотъ противится волѣ Бога; даже князю дурному, дѣлающему много зла нельзя противиться, такъ какъ Богъ намѣренно поставляетъ дурного князя въ наказаніе людямъ.

Князь не отвѣчаетъ предъ подданными за управленіе; онъ будетъ наказанъ на томъ свѣтѣ, на землѣ никто не имѣетъ права его судить. Такая проповѣдь безспорно способствовала усиленію княжеской власти. Тому же способствовало и татарское иго. Татары не могли входить въ соглашеніе со всей землей, а имѣли дѣло съ князьями, которые смотрятъ теперь на княжества, какъ на свою собственность и въ случаѣ нужды призываютъ къ себѣ на помощь татаръ. Князь въ Ордѣ терпитъ униженіе, взамѣнъ чего требуетъ повиновенія со стороны населенія.

Въ XIII в. нѣтъ борцовъ за свободу, остались жить не храбрѣйшіе изъ населенія; тѣ, которые предпочли жизнь славной смерти, не противятся тому, кого ханъ назначилъ господиномъ.

Итакъ, власть князей увеличивается подъ двумя вліяніями, которыя смѣшивались и дополняли одно другое. Византійскій императоръ имѣлъ самодержавную власть надъ страной, надъ ея строемъ, порядкомъ, законами. Долгая историческая жизнь, высокая культура, христіанская мораль, выработанныя юридическія нормы смягчали проявленіе власти по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ. Въ Византіи на ряду съ полной властью императоровъ надъ страной уважалась свобода личности.

Власть татаръ другого характера; имъ нѣтъ дѣла до порядка страны: старѣйшинство князей, родовой бытъ оставле-

ны ими безъ измѣненій. Взамѣнъ этого ихъ власть надъ личностью, собственностью безгранична.

Византійскія понятія русскіе усваивали изъ поученій духовенства. Сильнѣе было вліяніе татаръ, съ которыми приходилось Руси сталкиваться ежедневно, особенно въ первые десятки лѣтъ господства татарскаго ига.

На ряду съ вліяніемъ Византіи и татаръ на характеръ власти московскихъ государей оказала еще вліяніе и сама обстановка тогдашней русской жизни. Князья вели политику не выдерживающую никакой нравственной критики, они нарушали основные принципы этики; нѣтъ ничего святого, чего бы они не приносили въ жертву ради своихъ выгодъ. Объяснить такую политику того времени можно только крайне трудными обстоятельствами того времени. Чѣмъ ближе родственникъ къ князю, тѣмъ онъ опаснѣе ему. Особенно опасенъ братъ князя, его смерть обезпечиваетъ престолъ за дѣтьми великаго князя. Отсюда - безконечныя жестокости: многіе князья убиты, томятся въ тюрьмахъ, замучены у татаръ, принуждены бѣжать въ Литву. Жизнь князей постоянно виситъ на волоскѣ, зависитъ отъ случая.

Древне русское общество на сѣверо-востокѣ устраивалось на новыхъ началахъ. Положеніе и отношенія классовъ нѣсколько мѣняется въ зависимости отъ условій, которыя представляетъ новая жизнь. Прежде всего совершенно исчезаетъ разрядъ земскихъ бояръ , - всѣ бояре на жалованіи у князя, всѣ служатъ. При этомъ,бояринъ, примкнувшій къ князю, приводитъ съ собой подвластныхъ себѣ людей, называющихся его "задворными".

Изъ замѣтки о пріѣздѣ въ Москву боярина Родіона Нестеровича мы узнаемъ, что онъ привелъ съ собою 1700 задворныхъ людей. Ясно, что разъ бояре тянули за собою такую большую силу, то князья должны были ими очень дорожить и всячески привлекать ихъ къ себѣ, особенно принимая во вниманіе вообще сѣверное малолюдье. Казалось бы, что въ такомъ случаѣ бояре тутъ должны бы быть такъ же, если не болѣе, сильны, вольны, независимы, какъ въ Кіевской Руси. Нѣкоторыя данныя какъ будто подтверждаютъ это предположеніе. Въ принципѣ бояре по прежнему могутъ свободно переходить отъ князя къ князю, по прежнему девизомъ ихъ является - "вольнымъ слугамъ - воля", по прежнему князья уговариваются "въ земли боярскія не вступаться"; само духовенство блюдетъ ихъ права и привилегіи, какъ то видно изъ посланія соборнаго къ князю Дмитрію Шемякѣ 1447 г., въ которомъ говорится: "и ты чрезъ то докончанье и черезъ крестное цѣлованье тѣхъ всѣ бояръ и дѣтей боярскихъ пограбилъ, села ихъ и домы ихъ всѣ у нихъ отнималъ". Но тѣмъ не менѣе, если вглядѣться поближе въ факты, нетрудно замѣтить, что эта незыблемость боярскихъ правъ - только кажущаяся и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе фиктивной она становится. Сама исторія незамѣтно вынимаетъ изъ подъ нея почву. На сѣверѣ не могли удержаться тѣ отношенія, въ какихъ стоялъ къ князю южный боярин: 1| въ торговой, богатой Кіевской Руси князь оплачивалъ своихъ слугъ скорѣе жалованіемъ денежнымъ, чѣмъ землями, не привязывая ихъ такимъ путемъ къ княжеству; 2| родственныя связи были еще сильны между князьями и переходъ бояръ не могъ быть измѣной: княжества не были такъ обособлены, притомъ же князья и сами непрестанно двигались.

3| Такъ какъ границы княжествъ были очень подвижны, то постоянно случалось, что земельныя владѣнія боярина находились внѣ волости того князя, которому онъ служилъ, но это путаницы не вносило и правило, чтобы "князьямъ въ земли чужихъ бояръ не вступаться" - выдерживалось всегда. Иное дѣло на сѣверѣ, гдѣ по бѣдности въ деньгахъ князь одѣлялъ бояръ землей, гдѣ онъ, давно позабывъ кровную связь смотрѣлъ на другое княжество и другого князя, какъ на что то совершенно чужое, гдѣ онъ, смотря на свою область, как вотчину, заботился о сохраненіи ея границъ и увеличеніи населенія. Князья всѣми средствами переманиваютъ бояръ къ себѣ и договоръ свой съ ними закрѣпляютъ крестнымъ цѣлованіемъ. Это называлось"приказываться"князю, тогда какъ обратно, т.е. нарушеніе крестнаго цѣлованія и переходъ къ другому князю, называлось "отказаться отъ князя". Сѣверный князь воячески старается провести взглядъ на нарушеніе крестоцѣлованія, какъ на измѣну и клятвопреступничество. "А вы, господа мои и бояре, братья и други", говоритъ Борисъ Нижегородскій, "помните крестное цѣлованіе свое ко мнѣ и нашу къ вамъ любовь". Мало по малу онъ пріучаетъ ихъ смотрѣть на себя, какъ на господина и государя: ушедшаго боярина начинаютъ сравнивать съ невѣрной женой, съ Іудой и т.п.

Очень характеристичнымъ въ этомъ отношеніи является фактъ борьбы двухъ братьевъ Андрея и Дмитрія Александровича изъ за стола Городецкаго. Бывшій боярин Дмитрія, Симеонъ Тонилевичъ, перешелъ на службу къ Андрею и помогъ ему. Когда борьба окончилась, то Дмитрію удалось захва-

тить боярина, и онъ жестоко пыталъ его, какъ измѣнника. Весьма замѣчательно, что въ двухъ спискахъ разсказа объ этомъ дѣлѣ, спискахъ, явившихся одинъ - при Андреѣ, другой - при Дмитріи, онъ передается въ различныхъ освѣщеніяхъ. Послѣдній называетъ Симеона измѣнникомъ и крамольникомъ, справедливо пострадавшимъ за свою невѣрность, тогда какъ первый представляетъ его вѣрнымъ и честнымъ слугою-мучеником. Вотъ слова самого Симеона: "всуе испытуете мя, азъ убо вѣрою и правдою и истиною служихъ своему господину, князю Андрею Александровичю... азъ вѣмъ то, еже служити своему господину отъ всего сердца... аще хощете истинно увѣдѣти, спросите господина моего, и той вамъ отвѣщаетъ".

Вообще говоря, князья ведутъ себя нѣсколько двойственно въ этомъ вопросѣ: у нихъ два закона: одинъ для другихъ, другой - для себя. Они ни за что не выпустятъ своего боярина, но въ то же время сами старательно переманиваютъ къ себѣ чужихъ и покрываютъ ихъ отъ гнѣва князя. Когда бояринъ московскій Акиноръ, недовольный предпочтеніемъ, оказаннымъ вновь пріѣхавшему въ Москву Родіону Нестеровичу, отъѣхалъ въ Тверь и убитъ былъ въ битвѣ Родіономъ Нестеровичемъ, послѣдній, отрѣзавъ его голову, послалъ ее московскому князю со словами: "Се господине, твоего измѣнника, а моего мѣстника голова."

Какъ исполнялось на дѣлѣ князьями правило "намъ въ села тѣхъ бояръ не вступаться" - видно изъ слѣдующаго примѣра. По смерти московскаго тысяцкаго, боярина Василія Вельяминова, сынъ его не былъ сдѣланъ тысяцкимъ. Обиженный Иванъ

Васильевичъ Вельяминовъ отъѣхалъ отъ князя Дмитрія, оставивъ въ московской области значительныя помѣстья. Тогда Дмитрій забираетъ себѣ эти земли и въ договорѣ съ Тверским княземъ, Михаиломъ, къ которому отъѣхалъ Вельяминовъ, пишетъ: "а въ тѣ села тобѣ не вступатися, а имъ не надобѣ, тѣ села мнѣ". Вслѣдъ за тѣмъ Вельяминовъ былъ обманомъ пойманъ и "потятъ мечомъ на Кучковѣ полѣ повелѣніемъ великаго князя". |1379 г.| Совершенно также поступили въ Москвѣ съ бояриномъ И.Д. Всеволожскимъ: за отъѣздъ у него были отняты села, а когда онъ попался въ плѣнъ, то былъ ослѣпленъ |1433|. Есть факты, показывающіе, что переходившіе бояре рисковали навлечь на себя месть со стороны князя. Въ житіи Мартіана Бѣлозерокаго разсказывается, что однажды отъ князя Василія II Васильевича отъѣхалъ боярин, которымъ онъ очень дорожилъ. Желая вернуть нужнаго ему слугу, князь обратился къ посредничеству Мартіана, и этот послѣдній, взявъ съ князя обѣщаніе, что онъ не будетъ наказывать бѣглеца, убѣдилъ боярина вернуться. Однако, Василій II опалился на боярина, и, несмотря на свое обѣщаніе, велѣлъ заключить его въ темницу. Только усиленныя убѣжденія святого повліяли на разсерженнаго князя и избавили боярина отъ его мести.

Стало быть въ концѣ концовъ придется притти къ заключенію, что въ Руси сѣверной XIII - XV в.в. возможность перехода для бояръ существовала только *de jure*, но *de facto* все зависѣло отъ желанія и силы того князя, который удерживалъ или который ихъ переманивалъ.

Свои права бояре давно и, можетъ быть, по собственной винѣ выпустили изъ рукъ и продали князю. Однако, все-таки продали недешево: при дворѣ его они долго пользуются большимъ значеніемъ и оказываютъ сильное вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ своимъ голосомъ въ думѣ.

Они же играютъ видную роль въ управленіи землею. Управленіе удѣлами сосредоточивается во дворцѣ: оно преслѣдуетъ по преимуществу государственныя цѣли, - политическія вопросы послѣ подчиненія Руси татарамъ, естественно, отходятъ на второй планъ; при незначительной величинѣ тогдашнихъ удѣловъ управленіе не могло во многомъ отличаться отъ управленія теперешними большими имѣніями, - ту или другую отрасль управленія князь поручалъ какому либо боярину; иногда одному лицу поручалось нѣсколько вѣдомствъ, иногда, напр., одно вѣдомство дробилось между двумя и даже нѣсколькими лицами. По дѣламъ сложнымъ князь совѣтовался съ тѣми, кто находился около него, или съ тѣми, которые вѣдали подобныя дѣла. Систематическаго раздѣленія дѣлъ по роду ихъ, конечно, не было; порядокъ частныхъ порученій рѣшительно преобладалъ. Дворцовыя земли раздѣлялись на 1|пути и 2|собственно дворцовыя земли; онѣ составляли собственность князя. Пути выдѣлялись изъ всѣхъ земель удѣла и перерѣзывали другія земли, обособленныя въ силу ихъ пригодности для какихъ-нибудь промышленныхъ цѣлей на дворцовыя нужды. Эти выдѣленныя земли и назывались путями; существовало особое вѣдомство путей съ такъ называемыми "путными боярами" во главѣ. Къ этимъ путямъ принадлежали жившіе на нихъ люди, и ихъ вѣдалъ боярин того пути, къ которому они тянули. Это слѣдуетъ изъ смысла выраженій:

"Городъ съ волостями, селами, пути и со всѣми людми, котораго бы пути они не были.... "Дѣвица изъ стольнича пути вышла на посадъ"... Въ актахъ того времени мы встрѣчаемся съ путями сокольничими, чашничами, ловчими, конюшими. Санъ путнаго боярина былъ однимъ изъ самыхъ высокихъ.

Главнымъ видомъ вознагражденія за службу являются поместья и кормленія, которыя долгое время смѣшивали другъ съ другомъ. Общимъ у нихъ является то, что они даются въ пользованіе и княземъ уступаются доходы и власть или на время или на всегда служащему. Но тотъ же Неволинъ, который говоритъ о сходствѣ между помѣстьемъ и кормленіемъ указываетъ и на громадную разницу ихъ отличающую. Кормленіе относится къ области права государственнаго, такъ какъ кормленщику князь уступаетъ свои государственныя права и при томъ только временно, на срокъ - въ кормленіе города или волости давались, обыкновенно, не больше, чѣмъ на одинъ - два года.

Помѣстья же относятся, наоборотъ, къ области частнаго правав и даются въ пожизненное владѣніе, подъ условіемъ, что боярин или кто другой за это будетъ служить. Такъ, Іоаннъ Калита, приказывая въ своей духовной помѣстье Борису Ворисову, говоритъ: "Оже имеетъ сыну моему служити - земля за нимъ." Въ кормленіе раздавались города и волости, въ помѣстье - деревни и участки земли небольшого размѣра. Отмѣтимъ еще, что происхожденіе помѣстій и кормленій не совпадаетъ по времени. Кормленія начинаются чуть не со времени Рюрика, подтвержденіемъ чему могутъ служить слова:

"Овому Муромъ, овому Полоцкъ, овому Ростовъ", на что ссылается и Погодинъ. Съ XVI в. кормленія сокращаются и исчезаютъ, и только въ XVI в. развивается и устанавливается помѣстная система. Кормленіями вознаграждаются свободные дружинники, а помѣстьями несвободные слуги, служащіе независимо отъ того есть у нихъ или нѣтъ помѣстья.

Всѣ эти условія показываютъ, что въ сѣверной Руси не могли удержаться тѣ отношенія, въ какихъ стоялъ къ князю южный боярин: во I-хъ, торговой, богатой Кіевской Руси князь отличивалъ своихъ слугъ жалованіемъ денежнымъ, а не землями, которыя здѣсь на сѣверѣ привязывали бояръ къ княжеству; во 2| тамъ родственныя связи были еще сильны между князьями и переходъ бояръ не могъ быть измѣною, княжества не были обособлены, притомъ и князья сами непрестанно двигались; въ 3| такъ какъ границы княжескихъ владѣній были очень подвижны, то постоянно случалось, что земельныя владѣнія боярина находились внѣ волости того князя, которому он[illegible]жилъ, но это не вносило путаницы, и правило, чтобы "князьямъ въ земли чужихъ бояръ не вступаться" выдерживалось всегда.

Иное дѣло на сѣверѣ, гдѣ князь надѣлялъ бояръ землей, гдѣ онъ, давно позабывъ кровную связь, смотрѣлъ на другое княжество и другого князя, какъ на что-то совершенно чужое, гдѣ, смотря на свою область, какъ вотчину, онъ заботился о сохраненіи ея границъ и увеличеніи ея населенія.

Младшій классъ приднѣпровской дружины сохранился и здѣсь, но мѣняетъ свое положеніе и названіе. Теперь это слуги и люди "подъ дворскимъ", т.е. дворецкимъ |въ древ-

ней Руси названіе слуги было почетнѣе названія человѣкъ. Слуги "подъ дворскимъ" были свободны и могли уходить отъ князя; они же иногда называются дворянами изъ за ихъ службы при княжескомъ дворѣ. Этому термину "воряниНъ", какъ извѣстно очень посчастливилось.

Скоро для ихъ обозначенія является новый терминъ: дѣти боярскіе, сынъ боярскій. Происхожденіе его вполнѣ понятно; и теперь осхранился обычай назвать сына по положенію отца, пока онъ самъ не займетъ самостоятельнаго положенія, а такъ какъ древняя Русь безсословная и только старшему сыну удавалось занять положеніе отца, то младшіе на всю жизнь оставались сыновьями своего отца, дѣтьми боярскими; на языкѣ того времени въ словахъ "сынъ", "дѣти" заключалось нѣчто уменьшительное. Дѣти боярскіе постепенно образуютъ какъ бы ядро, къ которому и примыкаютъ люди и слуги "подъ дворскимъ", а въ совокупности ихъ въ XVI в. слагается классъ "дѣтей боярскихъ", частью свободныхъ, частью несвободныхъ, образующихъ два разряда: дворовыхъ и городовыхъ.

Спускаясь ниже мы находимъ классъ прежнихъ смердовъ, т. е. теперешнихъ крестьянъ, въ названіи котораго обозначилась также безсословность того времени. Слово "крестьяне" писалось тогда черезъ х и обозначало просто людей или какъ ихъ еще вначалѣ называли христіане.

Въ XIII в. слово "смердъ" исчезаетъ и замѣняется названіемъ "крестьянинъ". Крестьяне не принадлежатъ ни къ какому сословію, занимаются земледѣліемъ и сидятъ на пашнѣ; часто еще ихъ называютъ тяглые или черные люди, от-

того, что они сидятъ на землѣ и несутъ тягло, подъ которымъ подразумѣвается совокупность всѣхъ податей и повинностей того времени.

Въ удѣльное время крестьяне или какъ ихъ чаще называютъ тяглые люди дѣлятся по землѣ, на которой они сидятъ на I| владѣльческихъ |княжескихъ и боярскихъ|, 2|монастырскихъ и 3|черныхъ, которые сидятъ на какой то землѣ, о которой рѣчь будетъ ниже.

Крестьяне въ удѣльное время свободны и пользуются правомъ перехода, какъ это и показываютъ слѣдующія выраженія: "а гостямъ и людямъ между нами путь чистъ" или даже прямо: "а крестьянамъ между вольныхъ волю." Князья стараются принимать къ себѣ крестьянъ изъ другихъ волостей, обѣщая имъ разныя льготы и освобождая отъ повинностей на первые 5 - I5 лѣтъ. Впрочемъ и тогда уже упоминаются какіе то старожилы, которыхъ перезывать не позволяется, и, такимъ образомъ, уже въ то время не всѣ пользуются правомъ перехода, являясь прикрѣпленными къ своимъ владѣльцамъ. Сначала крестьяне свободно отказываются отъ своихъ господъ, переходя во всякое время года, но постепенно для этого устанавливаются разные опредѣленные сроки, смотря по условіямъ и особенностямъ той или другой мѣстности.

Но такая свобода крестьянъ является довольно фиктивной и рядомъ на практикѣ мы видимъ совершенно иное. Важенъ тотъ фактъ, что земля не принадлежитъ владѣльческимъ крестьянамъ; они садятся на чужую землю, заключая съ собственникомъ договоръ или рядную.

Тутъ возможны два случая: или крестьянинъ селится на

участокъ уже обработанный со всѣми постройками и хозяйственнымъ инвентаремъ или же на участокъ совершенно необработанный, новину, гдѣ ему придется самому исполнять всѣ работы, какъ - вырубить лѣсъ, выжечь пни, вспахать землю и пр.. А при тогдашней переложной системѣ земледѣлія, когда жить на одномъ участкѣ было невыгодно и крестьяне, истощивъ одинъ участокъ, уходили на слѣдующій нетронутый, конечно, очень рѣдко были случаи, чтобы крестьянинъ, заключая рядную, садился на готовую землю. Садясь же на такой нераспаханный участокъ, крестьянинъ, конечно, не могъ самостоятельно справляться съ постройкой двора, съ пріобрѣтеніемъ необходимыхъ земледѣльческихъ орудій и всякаго инвентаря и обращался за помощью къ владѣльцу. За ссуду или заемъ крестьянинъ долженъ былъ платить % владѣльцу и не могъ покинуть участокъ, раньше, чѣмъ отработаетъ выданную ему ссуду или, какъ она тогда называлась "серебро". Такимъ образомъ, съ самого начала крестьянинъ оказывается опутаннымъ, становится должникомъ. А такъ какъ % въ то время были очень высоки до 20 р. въ среднемъ, то, взявъ серебро, крестьянину уже трудно было выпутаться.

Вотъ то положеніе, въ которомъ находятся крестьяне того времени: они свободны, но жизнь дѣлаетъ свое, житейскія условія заставляютъ ихъ итти въ кабалу, изъ которой уже трудно выпутаться.

Слѣдующій разрядъ крестьяне черные или черносошные сидятъ на землѣ, не принадлежащей частнымъ владѣльцамъ. Долгое время шелъ споръ о томъ, кому принадлежатъ эти земли. Съ одной стороны кажется, что подъ названіемъ "чер-

ная" разумѣли землю свободную, никому не принадлежащую, съ другой стороны извѣстны частые споры монастырей и частныхъ владѣльцевъ съ черносошными крестьянами, у которыхъ они хотѣли оттягать эти земли. А крестьяне говорили: "Земля Божья и государева, волости такой то, а распашка наша." Отсюда Чичеринъ дѣлаетъ выводъ, что это земли государственныя, принадлежащія князю, какъ государю и находятся въ постоянномъ, потомственномъ владѣніи у крестьянъ. Но такое владѣніе для не юристовъ слишкомъ тонко, оно настолько постоянно, что крестьяне могутъ передать, заложить и продать землю кому угодно, и оно стоитъ, такимъ образомъ, почти на границѣ собственности. Судя по всему государству было все равно, кто владѣетъ землею, лишь бы она не выходила изъ тягла.

Разъ эти земли "Божіи и государевы", то спрашивается, въ какомъ отношеніи стояли эти крестьяне къ волости. Бѣляевъ доказываетъ, что черносошные крестьяне общинники. Волость дѣлилась между отдѣльными лицами, принадлежащими къ ней, всѣ они платили повинности и составляли такую общину, которая существуетъ въ настоящее время. А Сергѣевичъ утверждаетъ, что никакой общины въ то время не было; каждое отдѣльное лицо дѣлаетъ со своимъ участкомъ, что захочетъ, и волости нѣтъ никаго дѣла до этого, лишь бы исправно вносились подати. Интересы волости требуютъ, чтобы какъ можно большее число лицъ вписалось въ волость. И чтобъ они не покидали своевольно отведенные имъ участки, не посадивъ на нихъ замѣстителя, иначе волости приходилось отвѣчать передъ государствомъ за невнесенныя подати

ти. Государство смотритъ на эти земли, какъ на свою собственность и по мѣрѣ усиленія своей власти и могущества жалуетъ эти земли вмѣстѣ съ крестьянами монастырямъ и помѣщикамъ, что обращаетъ ихъ изъ разряда черныхъ крестьянъ во владѣльческихъ. ч. с. к

Новгородъ.

Литература предмета.

Соловьевъ.- Отношенія Новгорода къ великимъ князьямъ.
Бѣляевъ.- Разсказы изъ русской исторіи.
Костомаровъ.- Сѣверно-русскія народоправства.
Никитскій.- Очеркъ внутренней исторіи Пскова.
-"- Исторія церкви въ Новгородѣ.
-"- Исторія экономическаго быта Великаго Новгорода.

Исторія Новгорода рѣзко отличается отъ исторіи Ростово-Суздальской земли. Новгородъ прожилъ самостоятельной жизнью до конца XУ в.; въ немъ выработалось совершенно особое - вѣчевое-устройство, поэтому понятно, что его бытъ привлекаетъ особое вниманіе изслѣдователя.

Прежде всего надо объяснить, откуда возникла особенность новгородскаго строя. Главнѣйшая причина этого заключается въ географическомъ положеніи Новгорода: онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ непроходимыми лѣсами и боло-

тами, которые отдѣляли его отъ остальной Руси; если же въ немъ возникла историческая жизнь одновременно съ Кіевомъ, то это объясняется тѣмъ, что оба эти города лежали на томъ же Великомъ Водномъ пути.

Новгородская область можетъ быть названа приморской частью русской земли; правда, самъ Новгородъ лежалъ далеко отъ моря, но за то земля его изобиловала рѣками, которыя соединяли его съ моремъ; городъ былъ окруженъ болотами, которыя придавали ему характеръ острова. Онъ пользовался всѣми выгодами и невигодами островного положенія. Преимущество это заключается въ томъ, что оно избавляло его отъ необходимости защищаться отъ степныхъ кочевниковъ; враги могли проникнуть въ Новгородъ только зимой, когда всѣ болота и рѣки замерзали. Княжескіе споры и междуусобицы также прямо его не касались, Новгородъ не долженъ былъ заботиться о сильномъ войскѣ и превращаться въ военный лагерь, а могъ спокойно развивать свои гражданственность. Въ этомъ и сила и слабость Новгорода: пока остальная земля была подѣлена на мелкія княжества, Новгородъ былъ силенъ, "Великъ"; когда же земля начала объединяться, оказалось, что у него нѣтъ силы, чтобы отстоять свою независимость и ему пришлось подчиниться Москвѣ.

Одного взгляда на географическую карту довольно, чтобы увидать, что Новгородъ тѣсно связанъ съ восточной Русью. Городъ расположенъ на берегу большого озера Ильменя, въ которое впадаютъ 3 многоводныя рѣки: Ловать, Шелонь и Мста, и вытекаетъ изъ него Волховъ, который соединяетъ Ильмень-озеро съ Ладожскимъ. Почва въ Новгородской земл

очень неплодородная, климатъ измѣнчивый, вслѣдствіе чего населеніе не могло довольствоваться своимъ хлѣбомъ; во время частыхъ неурожаевъ часть населенія расходилась по чужимъ землямъ искать себѣ заработки или просить подаянія, а оставшіеся на мѣстѣ прибѣгали къ суррогатамъ хлѣба, т.е. подмѣшивали въ хлѣбъ мякину, кору и пр., а это вело, конечно, къ разнымъ заболѣваніямъ и увеличивало смертность. Недостатокъ въ хлѣбѣ ставилъ Новгородскую землю въ зависимость отъ хлѣбородныхъ земель. Запрещеніе подвоза хлѣба было одним изъ средствъ, къ которому прибѣгали враждовавшіе съ Новгородомъ князья, чтобы заставить его смириться.

Суровая природа заставила новгородцевъ заняться торговлей. Считаютъ, что всѣ народы проходятъ постепенно чезъ всѣ формы экономическаго быта: прежде живутъ пастушескимъ бытомъ, потомъ земледѣльческимъ, переходятъ къ промышленности и наконецъ, къ торговлѣ; торговля, такимъ образомъ, является послѣдней ступенью экономическаго развитія. Но по отношенію къ Новгороду это невѣрно: онъ занялся торговлей, когда у него не было никакой или почти никакой обрабатывающей промышленности, а земледѣліе находилось въ самомъ зачаточномъ состояніи. Сама природа заставила новгородцевъ заняться торговлей: лѣса его изобиловали пушными звѣрями, а воды - рыбой. Лѣтописи сохранили преданіе о тучахъ, изъ которыхъ выпадали на землю стада звѣрей, и о такой массѣ рыбы, что ее ловили руками.

Лекціи по Русской Исторіи.
Лит. Богданова. Эртелевъ пер. д.I.

Листъ 17-ый.

Директоръ.

Библиотека С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

Какимъ же племенемъ была населена Новгородская земля ? Лѣтопись называетъ его славянами - словене. Разрѣшеніемъ этого вопроса занялся Костомаровъ, который высказывалъ предположеніе, что новгородцы связаны съ южнорусской народностью. Свою мысль онъ подтверждалъ тѣмъ, что новгородцы также свободолюбивы, какъ поляне; указывалъ на сходство малорусскаго языка съ новгородскимъ |оканье, говорятъ И вмѣсто Ѣ |. Мнѣніе Костомарова встрѣтило, конечно, сильныя возраженія. Ему указывали на то, что эти же отличія говора свойственны и бѣлоруссамъ; что племя кривичей наиболѣе близко новгородцамъ. Костомаровъ сдѣлалъ уступку, признавъ, что кривичи были основаніемъ, а потому туда переселилась какая нибудь часть южноруссовъ; конечно, Новгородскіе "Словене" - вѣтвь кривичей.

Названіе новгородцевъ славянами легко объяснить: эти кривичи дальше ушли въ иноземную полосу; они какъ бы клиномъ врѣзались между и литовскими племенами; очутившись между иноплеменными народами, которые ихъ не понимали, кривичи прозвали себя словенами, т.е. обладающими даромъ слова.

На легендѣ объ основаніи Новгорода мы долго останавливаться не будемъ. Очевидно, что она не народная, а книжная и изобрѣтена была въ XVI, XVII в. Легенда эта говоритъ, что было озеро Мойское и рѣка Мутная; пришелъ царь Словенъ у котораго была дочь Ильмеръ |озеро|, сынъ Волховъ, жена Шелонь и т.д.

Теперь надо выяснить, когда Новгородъ получилъ самостоятельность отъ княжеской власти. Въ отношеніяхъ князей къ Новгороду замѣчается одно явленіе: князья не любятъ Новго-

родъ и при первой же возможности уходятъ изъ него; новгородцы же не могутъ жить безъ князя и просятъ его себѣ. Князь былъ нуженъ новгородцамъ, чтобы творить судъ, защищать ихъ торговлю и поддерживать единство новгородскихъ владѣній, слабо привязанныхъ къ центру - Новгороду. Новгородцы долго не могли додуматься до того, что они могутъ обходиться безъ князя; ихъ научилъ этому вѣковой опытъ. Олегъ первый оставляетъ Новгородъ и переселяется въ Кіевъ, который становится "матерью всѣхъ городовъ" русскихъ; съ Новгородомъ онъ не порываетъ: новгородцы должны платить дань ему.

Послѣдующіе князья продолжаютъ ту же политику. Ольга ѣздитъ по новгородской землѣ и устанавливаетъ дань по Мстѣ и Лугѣ. Новгородцы недовольны такимъ положеніемъ дѣлъ и просятъ уходящаго въ Болгарію Святослава: "Дай намъ князя." Святославъ дѣлитъ русскую землю между двумя сыновьями, Олегомъ и Ярополкомъ, а въ Новгородъ они ѣхать не хотятъ. Тогда по наущенію Добрыни они просятъ у Святослава его малолѣтняго и незаконнаго сына Владимира; а править за него Добрыня. Владимиръ тоже не долго остается въ Новгородѣ и при первой же возможности уходитъ въ Кіевъ; вводитъ тамъ христіанство, а затѣмъ распространяетъ его по всей землѣ. Новгородъ опять оказался въ подчиненномъ положеніи. Владимиръ сажаетъ въ Новгородѣ Ярослава, который еще при жизни отца отказывается платить дань Кіеву. Очевидно, что это было сдѣлано съ вѣдома и съ согласія новгородцевъ, и Ярославъ былъ увѣренъ въ ихъ поддержкѣ. Этимъ объясняется и любовь

новгородцевъ къ Ярославу. Они ему два раза оказали поддержку. Когда же Ярославъ утвердился въ Кіевѣ, онъ имъ далъ грамоту; что это была за грамота ? По мнѣнію Костомарова |Сѣверно-русскія народоправства, т.I. 44 и сл.| эта грамота давала или, лучше сказать, возвращала Новгороду старинную независимость и предоставляла Новгороду съ его землею автономію. Но вѣрнѣе старое мнѣніе Соловьева |Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ|. Справедливость этого мнѣнія доказывается, во-первыхъ, самою сущностью ограниченій княжеской власти въ Новгородѣ. Власть князя была ограничена слѣдующими статьями:

1| "А безъ посадника ти, княже, не судити".

2| "А безъ посадника ти, княже, ни грамоты не дати".

3| "А безъ посадника ти, княже не волостей раздавати".

4| "А безъ вины ти, княже, муха волости не лишати".

5| "А безъ посадника, княже, грамотъ ти не посужати".

Когда и какъ могли образоваться эти ограниченія ? Лѣтопись ссылается на Ярославову грамоту только 4 раза. Въ 1228 г. Ярославъ Всеволодовичъ "не по граметамъ установилъ новую пошлину и посылалъ судей на волость". Новгородцы прогнали себѣ тогда другого князя Михаила Черниговскаго, который и прибылъ въ Новгородъ на Ѳоминой недѣлѣ 1229 г. и цѣловалъ крестъ народу: "княжить во всей волѣ новгородской и на всѣхъ граметахъ Ярославыхъ." Этотъ князь далъ льготу ремесленникамъ: освободилъ ихъ отъ дани на пять лѣтъ. Въ 1230 г. Ярославъ Всеволодовичъ помирился съ Новгородцами и, прибывъ въ Новгородъ, собралъ вѣче и цѣловалъ икону св. Богородицы въ томъ, что будетъ княжить на всѣхъ грамотахъ

Ярославовыхъ.

Въ 1339 г. когда Іоаннъ Калита требовалъ съ новгородцевъ ханскаго запроса, они отвѣтили ему: "А ты цѣловалъ крестъ по старой пошлинѣ, по Ярославовымъ грамотамъ". Соловьевъ предполагаетъ, что Ярославова грамота была только извѣстная финансовая льгота, такъ какъ во всѣхъ этихъ четырехъ случаяхъ новгородцы ссылаются на грамоты Ярослава, когда дѣло касается денежныхъ отношеній.

Ярославъ правилъ Новгородомъ вполнѣ самостоятельно; послѣ же его ухода новгородцы обязаны платить ему "300 гривенъ дѣля". Ограниченія князя врядъ ли выработались сразу; Новгородъ продолжалъ оставаться въ зависимомъ положеніи. Ярославъ отправилъ въ Новгородъ прежде Илью, затѣмъ Владимира, и, наконецъ, Изяслава, который по смерти отца дѣлается великимъ княземъ и переходитъ въ Кіевъ, въ Новгородъ онъ посылаетъ посадника Остромира. Посадникъ еще не выборное лицо, а чиновникъ князя; хотя уже прошло 40 лѣтъ со времени введенія Ярославовой грамоты; Новгородъ продолжаетъ оставаться въ подчиненіи. Князья не хотятъ сидѣть въ Новгородѣ и великій князь Кіевскій управляетъ и Новгородомъ. Новгородцы очень недовольны частой смѣной князей и хотятъ имѣть постояннаго князя. Въ 1095 г. они призываютъ себѣ сына Владимира Мономаха, Мстислава, и очень любятъ его. Но въ 1102 г. старшіе князья, Святополкъ II.и Владимиръ Мономахъ, составили между собою рядъ, чтобы Мстислава взять изъ Новгорода и посадить во Владимирѣ Волынскомъ, а Новгородъ отдать сыну Святополка. Но новгородцы отказались принять сына Святополка, говоря: "Не хотимъ Святополка, ни сына его, если у него двѣ головы, то пошли его."

Послѣ смерти Мстислава новгородскимъ княземъ сдѣлался Всеволодъ Мстиславичъ; новгородцы заставили его принести присягу, что онъ отъ нихъ не уйдетъ. Но черезъ нѣсколько лѣтъ его поманили Переяславлемъ южнымъ, который занималъ 3-е мѣсто, |Кіевъ, Черниговъ, Переяславль|; онъ расчитываетъ перебраться изъ него въ Кіевъ. Лѣтопись разсказываетъ объ этомъ очень картинно: Всеволодъ утромъ въѣхалъ въ Переяславль а послѣ обѣда былъ выгнанъ дядей своимъ Юріемъ Долгоруким. Тогда онъ возвратился въ Новгородъ, гдѣ произошло очень бурное вѣче, такъ какъ часть новгородцевъ не хотѣла принимать его обратно; но его сторонниковъ оказалось большинство и въ 1137 г. онъ сѣлъ въ Новгородѣ "на всей волѣ новгородской". Затѣмъ онъ опять покинулъ Новгородъ и умеръ въ изгнаніи въ Псковѣ.

Соловьевъ думаетъ, что новгородцы отчаялись имѣть свою династію, но князь имъ нуженъ. Съ XII в. стали постепенно вырабатываться ограниченія князя, о которыхъ мы упоминали выше. Власть князя ограничивалъ посадникъ. Слово "посадникъ" можно производить отъ глагола "посадить", а также отъ "посада". Городъ - это укрѣпленное мѣсто, куда укрывались въ случаѣ войны, а въ посадѣ живутъ городскіе жители. Первоначально посадники были чиновниками князя, представителями его власти. Посадники собираютъ доходы, судятъ, управляютъ. Какъ представители князя, посадники смѣнялись вмѣстѣ съ нимъ. Новгородцы испытали на себѣ всѣ неудобства частой смѣны князей и, чтобъ не страдать отъ этого, стали выбирать себѣ посадника на вѣчѣ. Такимъ образомъ, въ Новгородѣ образовалось двоевластіе: князь и посадникъ; судитъ князь и рядомъ съ нимъ посадникъ; судятъ тіуны князя и рядомъ съ ними тіуны посадника.

3-е ограниченіе князя касалось раздачи земли: "а безъ посадника ни, княже, ти волостей раздавати". Обыкновенно князь приходилъ со своей дружиной и раздавалъ ей земли; но съ теченіемъ времени количество свободной земли уменьшилось; а у новгородцевъ возникло убѣжденіе, что земля ихняя, и князь не имѣетъ права ею распоряжаться и раздавать ее.

2-ое ограниченіе, относительно грамотъ, было вызвано тѣмъ, что новгородцы увидали, что у нихъ не будетъ никакой устойчивости, пока каждый новый князь будетъ давать грамоты и отмѣнять или измѣнять грамоты своихъ предшественниковъ.

Во второй четверти XII в. Новгородъ добился самостоятельности отъ Кіева. Пренебреженіе князей заставило новгородцевъ выработать такой порядокъ, что власть князя сводилась къ минимуму. Съ князьями они перестаютъ церемониться; если князь имъ не по вкусу, они его просто прогоняютъ. Но князь имъ необходимъ, какъ представитель военной силы. Онъ у нихъ обращается въ нѣчто вродѣ кормленщика; они его хорошо обставляютъ, но вмѣшиваться въ управленіе не позволяютъ. Управленіе же въ силу необходимости перешло къ вѣчу. Новгородцы ловко пользуются борьбой между Ольговичами и Мономаховичами. Князья стараются переманить Новгородъ на свою сторону; они соглашаются на всѣ условія, когда Новгородъ выработалъ себѣ уже нѣкоторую волю: выборныхъ посадниковъ, тысяцкихъ и т. д.

Новгородская земля занимала пространство отъ Финскаго залива до Уральскихъ горъ; ———

117[illegible] — [illegible]
([illegible]) [illegible]

состояла она изъ собственно Новгорода и его земли и волостей: Заволочье, Пермская земля, Двина, Югра и др. Весь сѣверъ былъ слабо связанъ съ Новгородомъ, не было никакой внутренней связи. Новгородцы были слишкомъ эгоистичны въ своей политикѣ и искали льготъ только для себя, а не давали ихъ своимъ областямъ. Эти всѣ области представляли владѣніе Новгорода временное, случайное и не носили ничего опредѣленнаго, а поэтому и были возможны такіе случаи, что Пермь платила сразу дань и Новгороду и Москвѣ.

Городъ Новгородъ дѣлился на двѣ стороны, Софійскую и Торговую. Кромѣ того онъ дѣлился на 5 концовъ: Плотницкій, Славенскій на восточной, Торговой сторонѣ; Наревскій, Загородный и Гончарный на западной, Софійской сторонѣ. Отчего части Новгорода назывались концами ? Нѣкоторые изслѣдователи предполагали, что это названіе возникло отъ того, что Новгородъ, можетъ быть, образовался изъ сліянія 5 отдѣльныхъ поселеній, которыя и стали называться концами. Это предположеніе какъ будто подтверждаетъ то обстоятельство, что каждый конецъ имѣлъ своего кончанскаго старосту и свое вѣче. Каждый конецъ подраздѣлялся на улицы, которыя имѣли своихъ уличанскихъ старостъ.

Земля Новгородская дѣлилась на 5 пятинъ: Вотьская, Шелонская, Деревская, Обонежская и Бѣжецкая. Совпаденіе цифр 5 концовъ и 5 пятинъ, послужило поводомъ къ спору въ наукѣ. Нѣкоторые ученые утверждаютъ, что каждая пятина принадлежала одному концу, который, имѣя свое самостоятельное управленіе, управлялъ и пятиной. Другіе же ученые, напротивъ, отрицаютъ всякую связь между концами города и пятинами Новгородской земли. Въ Псковѣ такъ было: 6 концовъ и 12 при-

городовъ:, каждый конецъ управлялъ 2-мя пригородами. Про Новгородъ мы того же сказать съ увѣренностью не можемъ; тѣмъ болѣе, что противъ такого устройства говоритъ и слѣдующее: слово "пятина" начинаетъ встрѣчаться только послѣ покоренія Новгорода Москвою |1477 г.|, а въ Новгородскихъ памятникахъ говорится Деревская земля, Вотьская земля и т. д. а не Дерев—ская пятина. Въ пользу же распрдѣленія пятинъ между концами говоритъ то, что, когда Савва Вишерскій просилъ земли для своего монастыря, то это рѣшалъ одинъ Славенскій конецъ; изъ этого можно вывести, что только ему принадлежала данная территорія.

Населеніе Новгорода дѣлилось на лучшихъ и меньшихъ людей. Кромѣ этого общаго дѣленія было еще раздѣленіе на бояръ, купцовъ, житьихъ людей и черныхъ людей.

Бояре въ Новгородѣ имѣли большое значеніе. Бояре были крупными землевладѣльцами: въ древней Руси было распространено убѣжденіе, что всѣ видные люди земли должны владѣть земельной собственностью. Новгородъ, за оказанныя ему услуги, дарилъ боярамъ земли, которыя, впрочемъ, большой цѣны не имѣли. Бояре вели большія хозяйства, получали доходы, которые тратили на поддержаніе своего общественнаго положенія и вліянія. Ихъ выбирали въ посадники, тысяцкіе, церковные старосты и на другія почетныя должности, вызывавшія большіе расходы: нужно было кормить бѣдноту, одаривать черныхъ людей, чтобы пользоваться ихъ поддержкой на вѣчѣ.

Бояре владѣли капиталами, которые раздавали въ долгъ подъ проценты. Въ то время нѣкоторые въ Москвѣ брали большіе % до 20 и больше, новгородскіе бояре брали 6,7 - 1/2 %:, доказательство того, что на раздачу въ долгъ они смотрѣли, какъ на средство привязать къ себѣ черныхъ людей. Бояре - богатые люди, имѣвшіе много свободнаго времени и стремившіеся играть политическую роль. Они образовали аристократію, могущественно вліявшую на рѣшенія вѣча и добившуюся того, что наиболѣе вліятельныя должности занимались выборными из ихъ среды.

Различались бояре по своему состоянію, богатые назывались большіе, великіе, нарочитые, по-бѣднѣе - меньшіе бояре; владѣнія первыхъ назывались боярщинами, вторыхъ - боярщинками.

Въ до-Петровскую Русь нигдѣ, кромѣ Новгорода, не было особаго сословія купцовъ. Въ Новгородѣ торговля - главное занятіе, поэтому купечество тамъ раньше организовалось и получило вліяніе. Купцы имѣли свою организацію, напоминавшую западныя гильдіи: Первая купеческая гильдія образовалась у церкви Іоанна Предтечи изъ купцовъ, торговавшихъ воскомъ:, каждый участникъ въ этой общинѣ долженъ былъ внести по 50 гр., сумма очень крупная. Гривна - 1/2 фунта серебра. Только члены этой общины имѣли вліяніе на купеческія дѣла, право суда и пр. Они назывались "пошлыми" купцами и носили знакъ отличія отъ другихъ - золотыя пояса. Съ теченіемъ времени компетенція этой общины, вѣдавшей сначала только торговлю воскомъ, расширилась и общинѣ при св. Иванѣ предоставленъ былъ торговый судъ и надзоръ за мѣрами вѣса, длины и т.п. Въ древней Руси храмы часто служили мѣстомъ храненія частныхъ имуществъ и къ нимъ нерѣдко примыкали и разныя

общественныя и правительственныя учрежденія; этимъ и объясняется возникновеніе Ивановской общины. Купцы въ Новгородѣ дѣлились на сотни.

Частыя отсутствія и торговыя операціи препятствовали купцамъ играть такую же политическую роль, какой овладѣли свободные отъ занятій бояре. Слѣдующій классъ составляли житьи люди; названіе это происходило отъ жито, хлѣбъ; подъ нимъ подразумѣваются домовладѣльцы; они имѣли право принимать участіе въ судѣ присяжныхъ.

Бѣдные люди не бывшіе ни боярами, ни купцами, ни домовладѣльцами составляли разрядъ черныхъ людей; въ этотъ разрядъ могъ попасть и проторговавшійся купецъ и холопъ, освобожденный на волю.

Типичная форма древняго новгородскаго землевладѣнія "своеземецъ", сокращено "земецъ". Среди нихъ встрѣчаются люди всевозможныхъ положеній: купцы, духовенство, монахи, крестьяне. Владѣнія однихъ изъ нихъ равняются среднему крестьянскому хозяйству, они сами обрабатываютъ землю; другіе - имѣютъ даже рабовъ для обработки. Землевладѣніе ихъ совершенно свободно отъ всякихъ повинностей, они платятъ только небольшой налогъ. Послѣ покоренія Новгорода Москвѣ своеземцы исчезаютъ: Москва не признавала свободнаго землевладѣнія.

Положеніе смердовъ-крестьянъ хуже, чѣмъ въ сѣверо-восточной Руси. Новгородъ первый наложилъ руку на ихъ свободу, ограничилъ свободный переходъ. По договору съ Новгородомъ сосѣдніе князья обязывались не выводить въ свои волости новгородскихъ людей, и даже было условіе: "А холопъ или половникъ забѣжитъ въ Тверскую волость, и тѣхъ, княже,

выдавати". Половникъ то же, что крестьянинъ: крестьянинъ отдавалъ землевладѣльцу "половье", половину урожая; впослѣдствіи нерѣдко они платили треть, четверть и даже пятую часть, но названіе "половникъ" удержалось. Смерды были безземельны и жили на чужихъ земляхъ. Ниже всѣхъ въ общественной Новгородской лѣстницѣ стояли холопы "одерни". Въ сѣверо-восточной Руси часто богатые, умирая, даютъ волю своимъ холопамъ; въ Новгородѣ нѣтъ такого обычая.

Особый характеръ организаціи и быту Новгорода придала развившаяся торговля съ западомъ. Торговля не всегда велась въ благопріятныхъ условіяхъ. Новгородцы всячески старались привлечь къ себѣ иностранныхъ торговцевъ; имъ не удалось устроить въ Новгородѣ вольнаго торга для иностраннаго купечества. Новгородская торговля подпала подъ вліяніе Ганзейскаго союза и навсегда осталась пассивной; у Новгорода не было своего флота, почему онъ не могъ завести активныхъ сношеній съ западной Европой. Иностранцы умѣло воспользовались зависимымъ положеніемъ Новгорода для извлеченія своихъ выгодъ. Нѣмецкіе купцы ѣздили караванами, такъ какъ торговля была невполнѣ безопасна. Для урегулированія торговли и для опеки надъ нею въ Новгородѣ были устроены особые дворы и конторы, которые заботились о пріѣзжающихъ купцахъ, опредѣляя время ихъ пребыванія въ Новгородѣ; количество товару, которое могло быть продано, назначали цѣны. Конторы слѣдили, чтобы отдѣльныя лица не завязывали какихъ либо отношеній къ новгородцамъ. Гости дѣлились на лѣтнихъ и зимнихъ; лѣтніе имѣли право оставаться до перваго снѣга, зимніе - до вскрытія рѣкъ. Нѣмецкіе купцы не смѣли продавать въ кредитъ, платили большіе штрафы, если давали свѣдѣ-

нія о новгородской торговлѣ другимъ иностранцамъ: англичанамъ, голландцамъ и т.д. Все это стѣсняло купцовъ и тяжело ложилось на новгородцевъ . Контора сильно взыскивала за доставленные плохіе товары; сама же отвѣчала за ихъ качество только въ своихъ стѣнахъ. Покупщикъ, выйдя изъ конторы, не имѣлъ права жаловаться, хотя бы купленные имъ товары оказались никуда негодными. Новгородское правительство не вмѣшивалось въ управленіе иностранныхъ купцовъ, заботилось объ ихъ безопасности. Воровство на иностранномъ дворѣ наказывалось даже смертью. Новгородъ до самаго паденія не могъ освободиться отъ гнета иностранцевъ и не сумѣлъ придать торговлѣ болѣе живого и дѣятельнаго характера.

Во главѣ Новгорода стояло вѣче, которому принадлежала вся власть, за исключеніемъ судебной; вѣче объявляетъ войну, заключаетъ миръ, избираетъ посадниковъ и другихъ должностныхъ лицъ, даже главу новгородской церкви - архіепископа; раздаетъ земли и въ этой полнотѣ верховныхъ правъ заключается главное отличіе новгородскаго вѣча отъ вѣча другихъ областей. Давно затронутъ вопросъ, насколько удобно вѣчу нести всѣ эти разнообразныя обязанности и, конечно, такой органъ всенароднаго управленія не можетъ успѣшно справляться со своими задачами. Нужны были органы подготовительные, которые бы завѣдывали текущими дѣлами, такъ какъ вѣче часто собираться не могло.

Было ли въ Новгородѣ такое подготовительное учрежденіе, какое мы видимъ въ государствахъ древняго мира или онъ предоставляетъ изъ себя исключеніе ? Еще Рейцъ обратилъ вниманіе, что въ Новгородѣ на ряду съ вѣчемъ существуетъ

особый совѣтъ, называемый "господа" „die Herren," который отвѣчаетъ за Новгородъ. Этотъ выводъ былъ принятъ и Соловьевымъ, но съ особенною полнотою развитъ Никитскимъ въ его "Очеркѣ внутренней исторіи Пскова". Никитскій прослѣдилъ по русскимъ памятникамъ существованіе "Совѣта Господъ" и опредѣлилъ его составъ, который первоначально сводился къ посаднику, тысяцкому, владыкѣ и пяти старостъ концовъ. Постепенно число "господъ" увеличивается, такъ какъ посадники въ Новгородѣ часто мѣняются, а всѣ они входятъ въ составъ "совѣта", который и получаетъ теперь опредѣленное устройство - совѣта аристократическаго характера, могущественно вліявшаго, какк на внѣшнюю политику, такъ и на внутреннее управленіе, сообщая Новгородскому устройству нѣкоторую опредѣленность и устойчивость.

Разъ существуетъ такой совѣтъ, Никитскій получаетъ возможность провести параллель между Новгородомъ и городами древней Греціи и Рима, какъ въ Греціи были архонты, булэ, и филу, такъ и здѣсь архонты - архіепископъ, посадникъ и тысяцкій и старосты концовъ, булэ - совѣтъ господъ, и филы - концы.

Такимъ образомъ, въ Новгородѣ, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ развивается то, что въ зародышѣ находилось и въ другихъ древнихъ русскихъ городахъ; дѣятельность Совѣта господъ заключалась въ подготовленіи вопросовъ для внесенія на разсмотрѣніе вѣча. Такъ какъ Совѣтъ состоялъ изъ аристократическаго класса, и большинство населенія были люди черные, то въ Новгородѣ происходили частыя несогласія и раздоры, которые вообще характеризуютъ всякое вѣчевое устройство. Въ Псковѣ усобицъ меньше, но едва ли это можно объ-

яснить особенностями его устройства, хотя онъ и меньше и политическая жизнь не такая сложная; Псковъ только съ XIУ в. добился самостоятельности, которая уже въ ХУ в. призрачна и, такимъ образомъ, политическая жизнь не могла достигнуть такого развитія, какъ въ Новгородѣ; отсюда и не могла развиться острая борьба между богатыми и бѣдными, Оба вѣча, какъ Новгородское, такъ и Псковское, выбираютъ высшихъ должностныхъ лицъ - посадника, тысяцкаго, епископа; въ Псковѣ, впрочемъ, епископа не было.

Власть посадника сложилась по образцу княжеской, вначалѣ онъ избирался на неопредѣленное время и обыкновенно сидѣлъ до тѣхъ поръ, пока былъ любъ новгородцамъ: "новгородцы даша и новгородцы отъяша". Затѣмъ вслѣдствіе обострившейся борьбы партій посадниковъ стали смѣнять чаще и рѣдко кто оставался дольше года; причемъ кругъ семействъ, изъ которых избирались посадники, былъ очень ограниченъ: онъ состоялъ только изъ высшихъ новгородскихъ бояръ. Во Псковѣ было два посадника. Нѣкоторые склонны въ этомъ видѣть какъ бы представителей двухъ существующихъ партій: аристократической и демократической. Но едва ли это такъ; скорѣе здѣсь аналогія съ двумя римскими консулами: власть одного парализовалась властью другого. Они мѣнялись ежегодно, что ограничивало ихъ самовластіе. Отчего же въ Новгородѣ, гдѣ аристократія сильнѣе и вѣче получило большее развитіе остается одинъ посадникъ ? Причину этого надо искать въ томъ, что в Новгородѣ наряду съ посадникомъ мы видимъ князя, власть котораго одинакова съ властью посадника, въ Псковѣ же князь не игралъ никакой роли, являясь лишь кормленщикомъ, лицомъ, нанятымъ для войны.

Подлѣ посадника стоитъ тысяцкій, первоначально предводитель земскихъ воевъ, т.е. главнокомандующій. Тысяча - полкъ - армія. Кромѣ того тысяцкій имѣлъ судъ надъ черными людьми и участвовалъ въ торговомъ судѣ. Тысяча была собраніемъ сотенъ, на которыя дѣлилось населеніе города, именно, на сотни купеческія и на сотни просто, заключавшія въ себѣ остальное черное населеніе. Предводителю сотенъ въ военное время естественно было сдѣлаться представителемъ ихъ и въ мирное время.

Во главѣ каждаго изъ пяти концовъ Новгорода стоялъ староста "кончанскій", во главѣ каждой улицы - староста "уличанскій"; во главѣ сотенъ - сотскій.

Такъ сложилось въ основныхъ чертахъ новгородское устройство. Это устройство не могло спасти Новгорода и Псковъ отъ Москвы и даже болѣе того въ немъ и заключаются слабыя стороны господина Великаго Новгорода; достаточно было слабаго прикосновенія Москвы, чтобы Новгородъ, почти не пытаясь вступить въ борьбу, уступилъ. Самой слабой стороной новгородскаго устройства былъ его областной бытъ. Новгородъ не умѣлъ привязать къ себѣ подчиненныя ему области, заинтересовать ихъ своей судьбой, даже болѣе того,онъ вооружилъ ихъ противъ себя, заставлялъ ихъ стремиться къ освобожденію отъ своей власти. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить Псковъ, который давно тяготился своей зависимостью отъ Новгорода и только ждалъ удобнаго случая сбросить иго. Псковъ занималъ небольшую область, выдвинутую далеко на западъ, являясь какъ бы естественною крѣпостью юго-восточной Руси, на которую падали всѣ удары западныхъ враговъ. Великой ошибкой Новгорода является его пассивное отноше-

ніе къ сосѣднимъ финскимъ племенемъ и его близорукая политика, которая заставила его такъ долго сидѣть у Балтійскаго моря, не завладѣвъ его берегами, изъ за которыхъ впослѣдствіи русскіе при Петрѣ вели такую упорную борьбу и которая стоила такъ много жертвъ. Распространивъ свои владѣнія далеко на востокъ до Уральскихъ горъ, Новгородъ пренебрегъ западомъ, промѣнялъ его на тундру Архангельскую, прозѣвалъ и море, не заботился о распространеніи христіанства и укрѣпленіи прибалтійскихъ областей за собою. Впрочем, этотъ грѣхъ раздѣляли съ Новгородомъ и Полоцкіе князья. Сильный только съ слабыми Новгородъ упустилъ эти области и съ конца XII в. здѣсь возникъ Ливонскій орденъ, какъ аванпостъ германской колонизаціи.

Въ XIII в. Русь испытываетъ страшное давленіе татаръ съ востока, съ запада шведовъ, литвы и ливонскаго ордена. На Псковъ обрушились всѣ удары враговъ, но напрасно онъ обращался за помощью къ Новгороду, тотъ велъ себя предосудительнымъ образомъ и слишкомъ слабо поддерживалъ свой пригородъ. Псковичи давно стремились освободиться и имѣть своихъ собственныхъ князей, но Новгородъ отказывалъ имъ, а тѣ князья, которыхъ онъ посылалъ туда, вели себя вѣроломно и при первомъ удобномъ случаѣ покидали Псковъ. За то тѣ князья, которые изгонялись Новгородцами, находили въ Псковѣ ласковый пріемъ и пользовались большой популярностью, какъ напр., Всеволодъ, Гавріилъ, которому долго были посвящены лучшія

Библіотека С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

воспоминанія псковичей. Наконецъ, Псковъ, выведенный изъ терпѣнія, когда онъ чуть не сдѣлался жертвою литовцевъ, обратился за помощью къ новой силѣ Москвѣ, прося прислать князя, Москва исполнила ихъ желаніе, а Новгородъ несмотря на свое противодѣйствіе, долженъ былъ уступить, и по Болотовскому договору Псковъ получилъ самостоятельность и сталъ называться "младшимъ братомъ Новгорода", зависимость сохранилась только въ церковномъ отношеніи. Отдѣленіе Пскова указало на слабость Новгорода, который не умѣлъ привязать ни его, ни тѣмъ болѣе другія подвластныя ему области и не желалъ дать имъ ни тѣни самостоятельности, между тѣмъ, как самъ энергично отстаивалъ свою самостоятельность отъ Москвы. Одним изъ правъ, котораго добивались псковскія области, было право судиться у себя на мѣстѣ, а не пріѣзжать для суда въ Новгородъ. Такимъ образомъ, завися отъ Новгорода, окрестныя области не пользовались никакими удобствами, а только должны были платить дань, и поэтому вполнѣ естественно, что, когда усилившаяся Москва наступаетъ на Двинскую землю, то передается ей, находя болѣе выгоднымъ зависѣть отъ того государства, которое даетъ больше льготъ. Такое отношеніе Новгорода къ его областямъ было одной изъ основныхъ причинъ его слабости, и когда Иванъ III напалъ на Новгородъ, ни одна земля не заступилась за свой главный городъ, а нѣкоторыя даже послали свои ополченія въ лагерь Московскаго князя, открыто становясь на его сторону.

Другими причинами паденія служатъ: II слабость центральнаго управленія, III плохое устройство новгородскаго войска, которое не могло соперничать съ обученными и дисциплинированными московскими войсками, а также существованіе

въ самомъ Новгородѣ двухъ партій литовской и московской. Одна отстаивала независимость Новгорода и была представительницей его вольности и всего, что было такъ дорого Великому Новгороду. Она искала защиты въ Литвѣ и, казалось, что эта партія должна была обладать большей силой и приверженцами, чѣмъ партія московская, но на дѣлѣ послѣдняя сильнѣе, и объясняютъ это тѣмъ, что московская партія это - экономическая.

Новгородъ богатъ своей торговлей съ Европой, для которой имѣетъ только значеніе, какъ городъ сѣверо-восточной Руси, такъ какъ ей нуженъ былъ пунктъ, черезъ который она могла бы вести торговлю съ Россіей, и Новгородъ отойдя къ Литвѣ сталъ бы чѣмъ то въ родѣ Полоцка, Кіева. Это чувствовали Новгородцы и хотя каждый изъ нихъ дорожилъ самостотельностью и не хотѣлъ подчиниться Москвѣ, но экономическія соображенія все таки брали верхъ. Новгородцы въ эти критическіе годы должны были понять невозможность отдѣльнаго существованія и поэтому склонились на миръ.

Другой не менѣе важной причиной, заставившей Новгородъ склониться на сторону Москвы, была религія. Хотя западная Россія тоже православная, не католическая и не уніатская, но въ то время |конецъ XУ в. 1471 - 1478 г.| господствовало мнѣніе, что истинное православіе сохранилось только въ Московскомъ государствѣ; и въ то же время конецъ XУ в. характеризуется напряженіемъ религіозной мысли, вѣрою въ близкую кончину міра. Московскіе митрополиты въ своихъ словахъ къ новгородцамъ, указывая на это обстоятельство, упрекали ихъ въ томъ, что они хотятъ измѣнить православію

передъ самымъ концомъ міра. Эти доводы должны были дѣйствовать, и московская партія находила сильную поддержку въ лицѣ духовенства, а слабость военная была причиной легкаго паденія Новгорода.

Москву упрекаютъ въ томъ, что Новгородъ, можетъ быть, неправильно, но расчитывалъ сохранить свое экономическое и торговое значеніе и, руководясь этимъ соображеніемъ подчинился ей, а между тѣмъ тотчасъ почти послѣ покоренія Новгорода началось паденіе его торговли, причемъ Новгородъ постепенно доходитъ до своего теперешняго состоянія - мертваго города. Какъ будто Москва, понимая, что сила и значеніе Новгорода основывается на его торговлѣ, изъ политическихъ соображеній налагаетъ на нее свою тяжелую руку и этим наноситъ великій вредъ всему экономическому состоянію Руси. Въ 1495 г. по приказанію Ивана III, всѣ иноземные купцы, жившіе въ Новгородѣ, въ числѣ 49 человѣкъ, были арестованы, товаръ и имущество ихъ конфискованы, и самый Нѣмецкій дворъ закрытъ.

Но дѣло не въ одномъ этомъ фактѣ и не имъ надо объяснять потерю Новгородомъ своего значенія. Оправданіемъ Іоанну III служитъ то обстоятельство, что въ сношеніяхъ Новгорода съ Ганзою никогда не было равенства. Торговля Новгорода была пассивная, и новгородскіе купцы никогда не ѣздили въ западную Европу, такъ какъ даже въ періодъ самаго блестящаго расцвѣта у новгородцевъ не было своего флота. Было и еще одно обидное для русскаго самолюбія указаніе на неравенство; когда за границей сожгли двухъ новгородцевъ, обвинивъ ихъ въ неуваженіи къ мѣстнымъ святынямъ, Новгородъ смотритъ на это сквозь пальцы, не желая портить дружескихъ

отношеній и лишиться покупателей, т.е. руководится чисто экономическими соображеніями. Въ Москвѣ же XУ и XУI в.в. совершенно иныя отношенія; московскіе люди считаютъ себя первыми въ свѣтѣ и съ необыкновеннымъ высокомѣріемъ думаютъ, что не должны никому уступать. Такъ что, когда въ концѣ XУ в. два новгородца въ Ливоніи были казнены, - одинъ по обвиненію въ поддѣлкѣ монеты, а другой - за преступленіе противъ нравственности, Иванъ III потребовалъ удовлетворенія, не получивъ его, онъ и прибѣгъ къ приведенной мѣрѣ. Но, впрочемъ, этотъ частный случай не имѣлъ большого значенія и при сынѣ Іоанна III, Василіи, ганзейскіе гости снова появляются въ Новгородѣ, но это уже не могло помочь ему.

Упадокъ Новгородской торговли надо поставить въ связь съ паденіемъ Ганзы; на ея счетъ теперь растутъ другіе германскіе города и голландцы и англичане, которыхъ она такъ долго не пропускала въ Новгородъ, теперь захватываютъ торговлю въ свои руки.

Другую причину можно видѣть въ томъ, что Новгородъ могъ считаться портовымъ городомъ только во времена отдаленныя, невѣжественныя - съ построеніемъ же Нарвы, Ивангорода его торговое значеніе, конечно, должно было перейти къ этимъ городамъ. Кромѣ того англичане открыли новый путь въ Москву и при устьѣ Сѣверной Двины возникаетъ Архангельскъ, который и дѣлается средоточіемъ сѣверной торговли. Такимъ образомъ, въ паденіи Великаго Новгорода менѣе всего виновата московская политика Ивана III и Василія. Само собою разумѣется, что погромъ, произведенный въ Новгородѣ Иваномъ Грознымъ, когда "огнемъ и мечомъ."

разорены были лучшія области Новгорода и его жизненныя артеріи, тяжело отозвалося на благосостояніи города и надолго обезсилилъ его. До погрома Грознаго, по счету Ильинскаго |Истор. Обозр. т.IX, "Городское населеніе Новгородской области" въ XVI в."|, было 6322 дв., послѣ погрома осталось 1300 дв., или 1/5; если сравнить число собственно новгородцевъ, выдѣливъ дворы служилыхъ людей, то запустѣніе окажется еще больше: осталось 7 1/2 %, а запустѣло 92 1/2 % дворовъ. Дѣйствительно "сице бысть Великому Новгороду запустѣніе".

Такъ же легко и скоро пала и другая самостоятельная община - Псковъ. Это паденіе уже никого не удивило. Безсильная, малонаселенная по сравненію съ Новгородомъ, община продленія своего существованія достигла тѣмъ, что во всемъ исполняла волю московскаго государя. Сыну Ивана II надоѣла и эта фикція самостоятельности и онъ присоединяетъ его окончательно съ обычнымъ искусствомъ и ловкостью московскихъ государей. Въ XVI в. борьба съ Литвою для Пскова слишкомъ трудна, ему нужно искать себѣ князя и, такъ какъ съ половины XV в. надъ сѣверо-восточною Русью господствуетъ одинъ московскій князь,то псковичи и обращаются въ Москву съ просьбою прислать имъ князя. Москва въ своемъ выборѣ не ограничена, можетъ послать того или другого, но она всегда старается, чтобы въ Псковъ не попалъ князь энергичный, расположенный къ народу, а такой, который возбудилъ бы неудовольствіе псковичей. Псковичи, конечно, жалуются, посылается другой князь, третій и такъ до поры до времени, когда возникаетъ вопросъ, что псковичей все равно ничѣмъ не удовлетворишь; наконецъ, Василій III кладетъ конецъ и этой мнимой самостоятельности.

Такъ заканчиваютъ свое существованіе двѣ послѣднія самостоятельныя русскія общины и съ конца XУ в. русская исторія переходитъ въ III-ій періодъ своего существованія, который справедливо носитъ названіе - московскаго и является однимъ изъ важнѣйшихъ періодовъ всей нашей исторіи.

Съ конца XУ в. ходъ русской жизни рѣзко измѣняется. До этого времени историческій процессъ заключался въ дробленіи и дробленіи земли на все болѣе мелкія части. Въ концѣ Удѣльнаго періода начался обратный процессъ собиранія; результаты этого второго процесса и полное торжество надъ первымъ обнаруживаются въ концѣ XУ в. Процессъ собиранія не заключается только въ присоединеніи земель удѣловъ къ одному центру; онъ проникаетъ въ народную жизнь гораздо глубже; онъ захватываетъ населеніе, т.е. государство овладѣваетъ правомъ частныхъ лицъ, порабощаетъ ихъ интересу государственному настолько, что къ концу Московскаго періода всѣ состоянія оказываются прикрѣпленными къ государству. Бояре и князья, потомство удѣльныхъ князей изъ вольныхъ слугъ государей обращаются въ ихъ холопей прирожденныхъ, неимѣющихъ права подписываться именами полными; крестьяне прикрѣпляются къ землѣ и землевладѣльцамъ, становятся ихъ собственностью наравнѣ съ землею; посадскіе, т.е. горожане прикрѣпляются къ посадамъ; служилые люди или наше среднее дворянство прикрѣплены къ государевой службѣ. Чѣмъ можно объяснить появленіе и необыкновенное развитіе процесса, приведшаго къ такимъ результатамъ ? Едва ли научно приписывать это дѣятельности московскихъ князей-государей, которые,будто, не

могли видѣть равнодушно свѣжаго клочка земли, чтобы не захватить его въ свои руки, не могли видѣть свободнаго человѣка, не пытаясь закрѣпостить его. Очевидно, что причины этого процесса лежатъ въ тайникахъ души тогдашняго населенія, приносившаго въ жертву свои права, дабы добиться независимости и торжества порядка государственнаго надъ порядкомъ удѣльнымъ, близкимъ къ анархіи. Отказываясь отъ многихъ правъ своихъ, отдѣльные классы населенія расчитывали, что государство дастъ имъ возможность самостоятельно развиваться.

И только съ перваго взгляда можетъ показаться, что государство не должно было остановиться на тѣхъ завоеваніяхъ, которыя были сдѣланы раньше. Московское государство представляло какъ бы военный лагерь, въ которомъ управленіе вовсе не соотвѣтствуетъ тому понятію, какое мы связываемъ съ этимъ словомъ. Если отрѣшиться отъ предвзятаго взгляда, и посмотрѣть на карту Московскаго государства, мы увидимъ фигуру въ высшей степени искусственную и невыгодную для дальнѣйшаго развитія государства. Москва захватила никому ненужныя части, а между тѣмъ не владѣла ни однимъ моремъ, за исключеніемъ сѣвернаго, не имѣющаго ни торговаго, ни военнаго значенія; нѣтъ ничего похожаго на естественныя границы, имѣть которыя стремится каждое государство. Со всѣхъ сторонъ Московское государство окружено иноплеменными враждебными народностями, которыя ничего не хотятъ уступить и съ которыми нужно вести постоянную борьбу.

Московскій періодъ началъ собою Иванъ III, княженіе котораго сопровождалось рядомъ успѣховъ внутреннихъ и внѣш-

нихъ. Онъ положилъ конецъ существованію удѣловъ, присоединивъ Рязань и Тверь |кромѣ Сѣверщины|, покончилъ съ вѣчевымъ устройствомъ, покоривъ Новгородъ и Вятку |Псковъ сохранилъ лишь тѣнь самостоятельности|. Началъ наступательное движеніе на Литву, заявилъ притязанія на древній Галичъ, Полоцкъ, Кіевъ. При немъ возобновились сношенія Руси съ западомъ. Иванъ III вступилъ въ бракъ съ Софіей Палеологъ; при немъ пало татарское иго. Благодаря осторожности и разсудительности онъ достигъ блестящихъ результатовъ. Личность его привлекала къ себѣ вниманіе историковъ, которые пришли къ разнымъ взглядамъ. Такъ, Карамзинъ увлекся образомъ Ивана III; онъ поставилъ его на недосягаемую высоту, не находилъ словъ для достаточнаго его восхваленія, считая его лучшимъ изъ монарховъ Руси и отдавая ему предпочтеніе передъ Петромъ Великимъ. Соловьевъ спокойный, разсудительный при характеристикѣ Ивана III остался вѣрнымъ своему принципу не дробить русской исторіи. Онъ указалъ, что Иванъ III очень многимъ обязанъ своему времени и предкамъ, что онъ сдѣлалъ шагъ впередъ по направленію, намѣченному еще его дѣдомъ и отцомъ. Иванъ - счастливый потомокъ цѣлаго ряда умныхъ, трудолюбивыхъ, бережливыхъ предковъ, который дѣлалъ только то, къ чему уже давно шли историческія событія. Костомаровъ высказываетъ цѣлый рядъ обвиненій противъ Ивана III. Ничего не находитъ въ его дѣятельности достойнаго похвалы. По его мнѣнію истинно великіе люди опережаютъ свой вѣкъ, возвышаются надъ современниками. Иванъ III ничего не сдѣлалъ, чтобы двинуть народъ впередъ; онъ создалъ государство чисто механическимъ путемъ, не вдохнулъ въ него живого духа, почему оно, просуществовавъ два вѣка, оказалось никуда негод-

нымъ. Костомаровъ враждебно относится къ Ивану III и за то, что онъ убилъ остатки народнаго духа въ Новгородѣ и Псковѣ.

Новѣйшіе историки въ своихъ воззрѣніяхъ на личность Ивана III примыкаютъ ко взгляду Соловьева, не отрицая заслугъ Московскаго государя. Его постоянныя удачи въ продолженіи 43 лѣтъ не могли быть случайны, а объясняются трезвымъ умомъ, разсудительностью, спокойствіемъ, пониманіемъ окружавшей дѣйствительности, умѣніемъ воспользоваться обстоятельствами для достиженія намѣченныхъ цѣлей.

Главная сила Руси въ объединеніи, которое было достигнуто при Иванѣ III. Въ его время среди народа распространился новый взглядъ на государство и государя Московскаго. Еще недавно московскій князь не отличался отъ другихъ князей, былъ принужденъ сносить татарское иго, довольствовался титуломъ "стольника" византійскаго императора. Съ конца ХУ в. начала ХУІ этотъ взглядъ замѣняется другимъ, что московскому государству принадлежитъ первое мѣсто и что равнаго ему нѣтъ на землѣ.

Откуда такое измѣненіе взглядовъ ? Подъемъ національнаго чувства, который привелъ къ образованію Московскаго государства, долженъ былъ отразиться въ понятіяхъ людей того времени. Но однимъ національнымъ чувствомъ нельзя объяснить совершившейся перемѣны.

Причину измѣненія взглядовъ на значеніе Московскаго государства одни ученые видятъ во вліяніи Византіи, другіе - Западной Европы[x]. Византія долго была учительницей

---

x| Литература этого вопроса весьма обширна:

русскаго народа, но потеряла это значеніе послѣ Флорентійской Уніи. Русскій народъ былъ пораженъ, узнавъ, что Византія уступила первенство Риму, признала главенство папы, изнѣла православію. Понятно недоумѣніе русскихъ, узнавшихъ о Флорентійскомъ соборѣ; послѣдствія этого собора были важны: русскіе митрополиты перестали ѣздить для посвященія въ Константинополь, такъ какъ нельзя было допустить, чтобы русская церковь была въ какой либо, хотя бы номинальной, зависимости отъ церкви, которая подчинилась папѣ. Взятіе Константинополя |1453| турками было объяснено, какъ наказаніе грековъ за отступленіе отъ православія. Теперь истинное чистое православіе осталось только въ богохранимой Москвѣ; она хранительница апостольскаго преданія, истиннаго ученія.

Начинаетъ слагаться ученіе о Москвѣ - третьемъ Римѣ. Первый Римъ палъ отъ ересей; второй, Константинополь, отъ измѣны православію. Безъ Рима вселенная быть не можетъ, - Москва есть третій Римъ; когда этотъ Римъ падетъ, четвертаго уже не будетъ и наступитъ конецъ міра.. Такимъ образомъ укоренился взглядъ, что Москва продержится до тѣхъ поръ, пока въ ней сильно православіе, отсюда задача охранять его, а въ связи съ ней на царя смотрѣли, какъ на главнаго хранителя православной вѣры. Эту мысль опредѣленно высказыва-

---

Дьяконовъ - Власть Московскихъ государей. |особ. гл. 3.4.|

Каптеревъ - Характеръ отношеній Россіи къ Востоку.

Пирдингъ - La Russie et le Saint Siége, |часть этого труда переведена подъ загл.: "Россія и Востокъ

Ждановъ - Русскій былевой эпосъ.

Радченко - Религіозное и литературное движеніе в Болгаріи в эпоху передъ турецкимъ завоеваніемъ.

етъ старецъ Псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳей въ своихъ посланіяхъ, гдѣ онъ пророчествуетъ, что "Москва паче солнца просвѣтится во всей вселенной", что московскій государь явится "браздодержатель святыхъ Божіихъ престолов." Такое міровое значеніе Москвы ставило русскій народъ выше всѣхъ другихъ въ нравственномъ отношеніи, что сдѣлалось убѣжденіемъ московскаго правительства и населенія. Нѣкоторые считаютъ виновницей ученія о первенствѣ Москвы Византію, указывая на Софію Палеологъ, основываясь на словахъ Курбскаго о пагубномъ вліяніи Софіи на Ивана III, который, по ея иниціативѣ, измѣнилъ всѣ обычаи и устои русской земли, сталъ иначе относиться къ боярамъ. Такой взглядъ невѣренъ. Извѣстно, что Иванъ III не придавалъ особеннаго значенія своему родству съ Византіей; онъ отказался купить у двоюроднаго брата своей невѣсты право овладѣть ея наслѣдствомъ, которое ничего не могло дать ему въ практическомъ отношеніи. Московская государственная и общественная жизнь не пошли по образцу Византіи, на которую смотрѣли, какъ на государство павшее и потому не стоющее подражанія. Итакъ, не въ Византіи нужно искать причину новаго взгляда на значеніе Москвы.

Пирлингъ высказывалъ новый взглядъ на этотъ вопросъ. Ему, какъ католическому монаху, были доступны цѣнные матеріалы, хранящіеся въ папскомъ Ватиканѣ. Онъ разобралъ отношенія Москвы и православнаго востока къ Риму; по своему освѣтилъ бракъ Ивана III на Софіи Палеологъ. Онъ выяснилъ, что Запад. Европа была заинтересована московскимъ государствомъ. У Римской куріи возникъ планъ борьбы съ Турціей, для чего ей нужны были союзники. Она обратила вниманіе

на Москву и старалась привлечь Ивана III къ союзу обѣщаніемъ королевскаго титула, принятіемъ въ европейскую среду. Черезъ Софію Палеологъ Римская курія завязала сношенія съ Москвой, надѣясь распространить въ Россіи унію. По мнѣнію Пирлинга, римская курія подсказывала Московскимъ государямъ ту роль, которую они могли бы сыграть въ Европѣ. Но курія потерпѣла неудачу и мысль, что западъ оказалъ вліяніе на новое отношеніе русскихъ къ царской власти и на ихъ взглядъ на роль, которую предстояло играть Московскому государству и народу во всемірной исторіи, остается недоказанной.

Итакъ, не изъ Византіи и не изъ римской куріи исходили представленія о Москвѣ - третьемъ Римѣ, о ея высокомъ назначеніи быть хранительницей православія. Виновницей такого взгляда на Москву явилась юго-западная славянская письменность, которая начала распространяться на Руси съ конца XIУ в. со времени Кипріана, Серба Пахомія и другихъ. Вѣроятнѣе всего, что подъ вліяніемъ юго-славянской письменности Москва начала смотрѣть на себя, какъ на государство первое въ мірѣ, главная задача котораго - охраненіе православія, вмѣстѣ съ паденіемъ котораго наступитъ конецъ міра. Такія воззрѣнія отразились на характерѣ власти московскихъ государей. Всѣ иностранцы отъ Герберштейна до Поссевина и Флетчера указываютъ на то,что нѣтъ народа, у котораго было бы такое высокое представленіе о монархической власти, как у русскихъ. Они смотрѣли на государя, какъ на Божьяго постельника и ключника, каждое приказаніе котораго должно быть немедленно и безпрекословно испол— нено. Подданные не въ правѣ требовать отъ государя отчета,

онъ даетъ отвѣтъ только Богу. "Воля великаго князя", говоритъ Принцъ, "есть для всѣхъ законъ". Гейденштейнъ - "у русскихъ немного законовъ и даже почти только одинъ - почитать волю князя закономъ". Съ своей стороны русскіе, именно московскіе бояре говорили почти то же: "у насъ государи прирожденные изначала, и мы холопи прирожденные", "государямъ никто не указываетъ", "они вольны добрыхъ жаловати, а лихихъ казнити". Мы не должны, однако, слишкомъ увлекаться подобными словами и помнить, что власть Ивана III, его сына и внука ограничена была самимъ понятіемъ о власти, которое они имѣли о ней: безграничная надъ личностью каждаго изъ подданныхъ власть эта не считала себя неограниченною надъ порядкомъ и строемъ страны . Государи XУI в. считали себя "Государями Божіею милостью, а не многомятежнымъ народнымъ избраніемъ", но не вывели изъ этого еще тѣхъ слѣдствій, что они могутъ устанавливать новые порядки въ самыхъ основахъ жизни.

Значительно усилился въ это время и авторитетъ Московскихъ государей надъ русскою церковью. Это было послѣдствіемъ двухъ главныхъ причинъ: освобожденія московской церкви отъ власти константинопольскаго патріарха и церковнаго землевладѣнія. Пока московская церковь зависѣла отъ константинопольскаго патріарха, она опиралась на него, за нимъ стояли византійскіе императоры; когда эта зависимость прекратилась, русская церковь стала національною и зависимою отъ государя: прежде было много князей, теперь былъ одинъ князь-государь, прежде были патріархи и императоры Византійскіе, теперь императора не было, его мѣсто занялъ сул-

танъ, и патріархъ не имѣлъ никакой власти надъ русскою церковью.

Въ памятникахъ XУ и XУI в.в. мало говорится объ обязанностяхъ государя къ населенію, а подробно разбирается все, что онъ долженъ дѣлать для охраны православія. Когда при Иванѣ III распространилась ересь жидовствующихъ, Іосифъ Волоцкій и Геннадій Новгородскій требовали отъ государя, чтобы онъ жегъ и вѣшалъ еретиковъ. Ересь свила себѣ гнѣздо около Ивана III, ея послѣдователями были невѣстка государя Елена, митрополитъ Зосима и др. вліятельныя лица. Подъ ихъ вліяніемъ Иванъ III не принималъ строгихъ мѣръ противъ еретиковъ и отказывался преслѣдовать ихъ за убѣжденія. Такое равнодушіе къ ереси вызвало горячій протестъ со стороны Іосифа Волоцкаго, который на время сталъ во враждебныя отношенія къ власти государя и утверждалъ, что, если государь приказалъ что нибудь противное православію, то онъ можетъ быть свергнутъ, что не слѣдуетъ повиноваться государю, который служитъ дьяволу, что онъ имѣетъ власть надъ тѣломъ подданныхъ, но не надъ ихъ духомъ. Такой революціонный взглядъ на власть государя у Іосифа разсѣялся, какъ только Иванъ III исполнилъ его желаніе, созвалъ духовный соборъ |1504 г.|, на которомъ ересь была осуждена, а еретики казнены. При Василіи III Іосифъ Волоцкій учитъ, что нѣтъ власти не отъ Бога, что судъ государя не измѣняется никакимъ святительскимъ судомъ, что власти государя принадлежитъ первенство даже въ церковныхъ дѣлахъ. Населеніе, по словамъ Іосифа должно было относиться къ государю, какъ иноки къ настоятелю, - "да будетъ скоръ на послушаніе, а медленъ на глаголаніе".

Іосифъ Волоцкій былъ сторонникомъ церковнаго землевладѣнія, которое ставило церковь въ зависимость отъ свѣтской власти. Знаменитый подвижникъ, Нилъ Сорскій требовалъ, чтобы у монастырей не было земель, и чтобы монахи кормились трудами своихъ рукъ, но Іосифъ Волоцкій отстоялъ монастырскія земли, вслѣдствіе чего церковь была поставлена въ полную зависимость отъ государства. Среди русскихъ іерарховъ до XVII в. укрѣпилось направленіе Волоцкаго, что необходимо оказвать государству услуги, не стѣсняясь средствами, такъ цѣль оправдываетъ средства. Митрополиты нарушали данное слово, прибѣгали къ обману, Даніилъ нарушил таинство брака, разведя Василія III съ Соломоніей, преслѣдуя интересы государства. Такіе взгляды постепенно проникали въ общество.

Новыя отношенія государя къ населенію выразилось въ принятіи царскаго титула, которое подготовлялось со времени Ивана III и закончилось въ 1547 г. когда Грозный оффиціально вѣнчался на царство. Съ этихъ поръ признаніе за Московскимъ государемъ царскаго титула становится обязательнымъ для всѣхъ. Идея принять царскій титулъ заимствована не съ запада и не съ востока, а подсказана юго-славянской письменностью; оттуда же заимствовано и слово "царь". Принятый царскій титулъ выше княжескаго, и до XV в. имъ называли татарскаго хана и греческаго императора, связывая съ этимъ титуломъ понятіе о независимомъ и самостоятельном властителѣ, въ противоположность князю, какъ чему то вассальному. У насъ иногда называли царями князей, пользовавшихся особымъ расположеніемъ народа, какъ напр., Дмитрія Донского, Владимира Мономаха, такъ что, принимая

царскій титулъ, Московскіе государи принимали наименованіе хорошо извѣстное народу.

Нужно было оправдать передъ совѣстями принятія новаго титула. Заинтересовано въ этомъ, впрочемъ, было только одно государство Польско-Литовское, остальнымъ въ то время было совершенно безразлично, какъ называли себя московскіе государи. Русскіе политики изощрялись въ придумываніи самыхъ разнообразныхъ легендъ для доказательства права своихъ государей на царскій титулъ. Такова легенда о вѣнцѣ и бармахъ Владимира Мономаха . Въ ней первымъ царемъ былъ Владимиръ Мономахъ, который воевалъ съ Византійскимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ, который —добилъ ему челомъ и прислалъ императорскія регаліи, хранящіяся въ Москвѣ. Грозный вспомнилъ забытый титулъ и по праву объявилъ себя царемъ.

Насколько легендарно это повѣствованіе, видно изъ того, что Владиміру Мономаху было 2 года, когда умеръ Константинъ Мономахъ, такъ что они не могли воевать. По другой варіаціи легенды Владимиръ Мономахъ внукъ Византійскаго императора, прославшаго ему въ подарокъ шапку и бармы.

Но въ своихъ завѣщаніяхъ Московскіе князья обозначаютъ во всѣхъ подробностяхъ вещи, которыя раздаютъ дѣтямъ, и ни у одного изъ нихъ не упоминается о шапкѣ и бармахъ Мономаха. Не можетъ быть, чтобы они не упомянули о такихъ драгоцѣнностяхъ, хранившихся въ казнѣ. Такое вѣское возраженіе въ корнѣ уничтожаетъ легенду о царскихъ инсигніяхъ.

Лит. Богданова. Эртелевъ пер. д.I. Директоръ

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

Вторая распространенная легенда, столь же неосновательная, утверждала, что Рюрикъ произошелъ отъ Пруссa, брата императора Августа, почему и весь родъ Рюриковъ царскаго происхожденія.

Пытались оправдать принятіе титула завоеваніемъ татарскихъ царствъ, какъ Казанское, Астраханское, которые въ глазахъ всего свѣта были только ордами.

Всѣ эти объясненія не удовлетворили Литовское правительство, которое только смѣялось надъ московскими выдумками.

Принятіе царскаго титула московскими государями было только завершеніемъ долгаго историческаго процесса, въ немъ отразилось и объединеніе сѣверо-восточной Руси подъ главенствомъ Москвы, и освобожденіе Руси отъ татарскаго владычества, и новый характеръ отношеній русскаго государя къ населенію. Это было новизной, знаменовавшей вступленіе Московскаго княжества на новую дорогу - европейской державы.

Б о я р с т в о .

Литература предмета:

Неволинъ - Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна IУ до Петра Великаго.

Загоскинъ - Исторія права московскаго государства, т.II.

Сергѣевичъ - Русскія юридическія древности, т.II, вып.2.

Ключевскій. - Боярская Дума въ древней Руси.

Владимирскій - Будановъ - Обзоръ исторіи русскаго права.
Бѣловъ - Объ историческомъ значеніи русскаго боярства.

Въ періодъ образованія Московскаго государства бояре имѣли два важныхъ права: право отъѣзда и право совѣта - что осталось съ этими правами въ XVI в. ?
Въ XIII - XV в.в. бояре играли безспорно выдающуюся роль: князья нуждались въ ихъ службѣ, манили ихъ къ себѣ широкими обѣщаніями, и бояре умѣли пользоваться выгодами своего положенія. Невысока была съ точки зрѣнія нравственной политика князей, - они слишкомъ часто прибѣгали ко лжи, обману, нарушенію слова и присяги, но князья при этомъ рисковали не только своими владѣніями, но и своею свободою, своею жизнью. Бояре также часто прибѣгали къ нарушенію основныхъ началъ нравственности, съ грубымъ цинизмомъ оставляли князей въ минуту опасности; но при этомъ бояре не только ничего не теряли, но и выигрывали въ матеріальномъ своемъ положеніи, такъ какъ князь, къ которому они переходили на службу, щедро вознаграждалъ ихъ жалованіемъ и землей. Въ погонѣ за матеріальными выгодами, боярство не замѣтило того, какъ оно потеряло свою свободу; бояре, опираясь на древнее право свободнаго перехода, такъ долго переходили къ сильнѣйшему князю, что не замѣтили, что сильнѣйшій князь, (что не замѣтили, что сильнѣйшій князь) становился единственнымъ господиномъ сѣверо-восточной Руси, что право перехода вольныхъ слугъ не могло уважаться, какъ право въ то время, когда сила господствовала надъ правомъ, что это право давно

превратилось въ возможность для боярина покинуть слу-
жу слабѣйшаго князя для службы у сильнѣйшаго, но не на-
оборотъ. Съ образованіемъ единаго государства это право
должно было исчезнуть совсѣмъ и бояре изъ вольныхъ слугъ
превратились въ прирожденныхъ холопей своихъ государей:
"У насъ государи прирожденные изначала, и мы ихъ холопи
прирожденные."

Нетрудно видѣть, какъ бояре потеряли свое право отъ-
ѣзда: пока еще оставались удѣлы, бояре дѣлали попытки отъ-
ѣхать, но московское правительство ловило ихъ и наказыва-
ло. Труднѣе было поладить съ Литвою: когда литовскіе князья
бѣжали изъ Литвы въ Москву, правительство этой послѣдней
принимало ихъ и укрывало; на требованія же Литвы возвра-
тить или по крайней мѣрѣ наказать ихъ, Москва отвѣчала,
что бояре, люди вольные. Принимать литовскихъ бояръ въ Мо-
сквѣ было, конечно, выгодно, такъ какъ они отъѣзжали
иногда съ вотчинами: такъ присоединилась къ Москвѣ почти
вся Черниговo-Сѣверская земля - князья Воротынскіе,
Мезецкіе, Одоевскіе и другіе отъѣхали къ Москвѣ. На
тѣхъ же бояръ, которые хотѣли отъѣхать изъ Москвы въ Лит-
ву, московское правительство смотрѣло, какъ на измѣнни-
ковъ; Литва, конечно, тоже не хотѣла ни возвращать, ни
накакзывать русскихъ бояръ, и московскому правительству
приходилось для пресѣченія бѣгства принять мѣры. Еще Ве-
ликій Новгородъ далъ примѣръ ограниченія права отъѣзда
требованіемъ, чтобы его бояръ на службу никуда не принима-
ли. Московскіе князья съ Іоанна III берутъ съ бояръ кре-
стоцѣловальныя грамоты, по которымъ бояре обязуются за
себя и дѣтей своихъ не отъѣзжать, хотѣть князьямъ добра и

хотѣть лиха имъ. Въ случаѣ нарушенія грамоты великій князь былъ волент казнить виновнаго. Князь Даніилъ Холмскій первый далъ такую грамоту. Затѣмъ пошли дальше и стали требовать, чтобы бояре давали поручителей въ томъ, что они не отъѣдутъ, но и этого показалось мало и поручители въ свою очередь должны были представлять за себя поручителей. Такимъ образомъ, хотя никакого общаго закона не было издано, частными мѣрами право отъѣзда постепенно было отмѣнено.

Этому содѣйствовало общее убѣжденіе, что Москва и Литва враги; въ XVI в. мира между ними никогда почти не было, а бывали только перемирія, а при такихъ условіяхъ отъѣздъ въ Литву въ глазахъ народа близокъ былъ измѣнѣ. Необходимо указать и на то, что рѣшительная мѣра принята была боярами въ малолѣтство Грознаго: они взяли клятвенную запись съ удѣльнаго князя Андрея не принимать къ себѣ такихъ отъѣзчиковъ и даже извѣщать о нихъ Московское правительство.

Бояре имѣли еще одно важное право - право совѣта. Еще Кіевскіе князья должны были въ дѣлахъ болѣе важныхъ, напр., относительно войны, совѣтоваться со своей дружиной, а то имъ грозилъ отказъ съ ея стороны: "О себѣ замыслилъ, самъ и промышляй".

Что же сталось съ этимъ правомъ совѣта ? Что представляетъ собою Боярская Дума ? Прежде всего слѣдуетъ оговориться, что въ памятникахъ такого термина "боярская дума", "государева" или "царская" не встрѣчается, это терминъ изслѣдователей, въ памятникахъ же говорится просто "бояры".

За изслѣдованіе Боярской Думы принялся Неволинъ, затѣмъ Загоскинъ, Владимирскій-Будановъ, Ключевскій. Загоскинъ остановился на Думѣ подробно; это прекрасное изслѣдованіе. По его опредѣленію, Дума имѣла значеніе только совѣщательное, политическимъ учрежденіемъ она становится въ Междуцарствіе или при несовершеннолѣтнемъ государѣ. Какъ учрежденіе совѣщательное, Дума нисколько не ограничиваетъ власти государя, которому принадлежитъ вся полнота власти. В.О. Ключевскій разсматриваетъ составъ Думы еще въ началѣ ея исторіи, когда въ ней участвовали "градскіе старцы"; въ Удѣльной Руси князь совѣтуется со своими боярами-прикащиками, т.е. Ключевскій подчеркиваетъ господство частно-хозяйственныхъ отношеній - и наконецъ съ боярами и княжатами. По мнѣнію Ключевскаго переходъ служилаго князя на Московскую службу не былъ для него потерей всего: въ связи съ новымъ положеніемъ московское бояротво усвоило на себя иной взглядъ: оно стало смотрѣть на себя, какъ на властителей всей русской земли, только прежде они правили Русской землей въ одиночку и по частямъ, а теперь они собравшись въ Москвѣ, правятъ всей землей и всѣ вмѣстѣ. Эта власть изъ одиночной, мѣстной и личной превратилась въ собирательную.

Въ изслѣдованіи Ключевскаго Боярская Дума является правильно организованнымъ учрежденіемъ, членовъ которой князь могъ назначать не по произволу. Ключевскому пришлось считаться съ возраженіемъ, что чинъ боярскій "сказывается", а человѣкъ не родится бояриномъ; на это онъ отвѣчаетъ,

что былъ извѣстный кругъ фамилій, члены которыхъ не могли не быть боярами. Такимъ образомъ, строй Московскаго государства выходитъ аристократическимъ; московскій князь имѣетъ около себя бояръ-совѣтниковъ.

Ключевскій дѣлитъ Думу на Думу XVI в. - аристократическую и Думу XVII в. - менѣе аристократическую, въ которой меньше княжескихъ фамилій и больше некняжескихъ. Компетенція Боярской Думы была огромная. Отношенія царя и Думы не были опредѣлены никакими оффиціальными документами, никакими договорами или указами, и твердаго сознанія такихъ или иныхъ правъ не было ни у той, ни у другой стороны. При такой неопредѣленности пр.Ключевскій приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: Дума и царь живутъ и дѣйствуютъ до такой степени неразрывно, что какъ въ сознаніи государя и бояръ, такъ и въ сознаніи подданныхъ, - обѣ власти представляютъ единую политическую силу. Провести границу между сферами той и другой власти нѣтъ поэтому возможности. Въ продолженіи двухъ столѣтій мы видимъ, что государь и Дума работаютъ надъ укрѣпленіемъ государства и дополняютъ, а не контролируютъ или оганичиваютъ другъ друга: "Государь безъ Думы и Дума безъ государя были одинаково явленіями ненормальными."

Наряду съ боярской Думой, которая, по мнѣнію Ключевскаго, равнялась всему наличному составу боярства, какъ онъ, такъ и Владимирскій-Будановъ замѣтили еще ближнюю личную Думу государеву, состоящую изъ немногихъ близкихъ ему людей и разрабатывающую предварительно тѣ вопросы, которые затѣмъ поступали на общее обсужденіе Думы.

Такъ мы знаемъ, что великій князь Василій III,"запершись, самъ третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ", на что роптали Бероень-Беклемишевъ. Даже иноземецъ Джильсъ Флетчеръ замѣтилъ эту "личную думу" или "комнату", выдѣлявшуюся изъ всей Думы. При Иванѣ Грозномъ была "избранная рада"; наконецъ, при Ѳедорѣ Іоанновичѣ всѣ дѣла вершилъ Годуновъ со своими родственниками и клевретами.

Слѣдовательно, было двѣ Думы: одна состояла изъ всѣхъ бояръ, а въ другую ближнюю, князья приглашали на совѣтъ лицъ болѣе близкихъ или болѣе опытныхъ; число членовъ ближней Думы было неопредѣленно; иногда князь приглашалъ I - 2 лица, а иногда и больше. Примѣромъ такой ближней Думы можетъ служить совѣщаніе Василія III |1505 - 1533 | передъ его смертью, какъ устроить государство, такъ какъ сыну его было только три года.

Великій князь призываетъ къ себѣ прежде Шигону и Путятина; затѣмъ приглашаетъ въ Думу трехъ бояръ, казначея и дьяка, и дополняетъ этотъ составъ еще тремя лицами, изъ которыхъ одинъ не былъ бояриномъ; такимъ образомъ, князь совѣщается съ двумя, потомъ съ семью лицами, наконецъ съ 10-ю и совѣщается о такомъ важномъ дѣлѣ, - какъ устройство государства послѣ своей смерти.Отмѣтимъ, что всѣхъ членовъ Думы было около 35. Подобныя совѣщанія не разъ бывали впослѣдствіи; поэтому изслѣдователи признали, что наряду съ Думой существовалъ еще особый совѣтъ, составленный изъ лицъ, пользовавшихся особеннымъ довѣріемъ государя; такой совѣтъ называется ближняя |тайная| дума. Ближняя

дума, по мнѣнію Ключевскаго, была косвеннымъ признаніемъ со стороны государя политическаго значенія боярской Думы, - и В.О.Ключевскій даетъ одной главѣ своего изслѣдованія заглавіе: "Ближняя или комнатная Дума государя была косвеннымъ признаніемъ съ его стороны политическаго значенія боярской Думы".

Изслѣдованіе Ключевскаго вышло въ 1881 г., а критика на него явилась только въ 1899 г. Сергѣевичъ |Юридичес. Древности, т.II, вып. 2. "Совѣтники князя"| держится другого взгляда на боярскую Думу: наличность ближней думы отрицаетъ возможность нормальнаго состава Думы. Царь совѣщается съ тѣми лицами, которыхъ онъ находитъ нужнымъ призвать на совѣтъ: Дума не имѣла опредѣленнаго состава, она составлялась на отдѣльный случай, по особому распоряженію государя, равнымъ образомъ у Думы нѣтъ опредѣленнаго круга дѣлъ, компетенціи, короче говоря, Дума вовсе не есть постоянное учрежденіе; если же историки такъ долго заблуждались, то причина тому та, что они приняли боярскую судную коллегію, впослѣдствіи расправную палату, за Думу.

Вопросъ, поставленный съ такой рѣшительностью проф. Сергѣевичемъ, требуетъ прежде всего отвѣта фактами, т.е. для этого слѣдуетъ привести всѣ случаи боярскихъ совѣщаній и приговоровъ съ указаніемъ, сколько бояръ участвовало въ постановленіи приговора, и сколько ихъ было въ то время в Москвѣ, - для нѣкоторыхъ годовъ XVI в. это возможно, не говоря уже о XVII в.;затѣмъ слѣдуетъ точно разобрать порядокъ назначенія въ думные чины.

Отдѣльные факты какъ будто подтверждаютъ мнѣніе Сергѣевича, что не было никакой Думы, и у бояръ не было права совѣта. Ключевскій долженъ былъ бы доказать, что были фамиліи, которыя имѣли право сидѣть въ Думѣ. Дума въ XVI в. изъ аристократической превращается въ демократическую; въ ней появляются Траханіотъ, казначей Сукинъ, Адашевъ, Годуновъ. Тѣмъ не менѣе воззрѣніе Ключевскаго слѣдуетъ признать болѣе вѣрнымъ, чѣмъ Сергѣевича. Съ конца XV в.и начала XVI в. въ Думѣ сидятъ дѣти боярскіе, которые "живутъ въ Думѣ", потомъ они становятся думцами, - это люди сравнительно неродовитые. Изслѣдователи объясняли этотъ фактъ желаніемъ московскихъ государей ввести въ это аристократическое учрежденіе лицъ, лично имъ, государямъ, преданныхъ, т.е.назначеніе въ Думу было косвеннымъ признаніемъ со стороны государей права бояръ участвовать въ Думѣ. Очевидно, назначеніе ихъ въ Думу не имѣло бы никакого смысла, если Думы - учрежденія не было и государь всегда могъ совѣтоваться съ тѣми, съ которыми онъ хотѣлъ это дѣлать. Отчего Берсень-Беклемишевъ и др. жалуются на то, что дѣла рѣшали безъ ихъ участія ? Очевидно, назначенные въ Думу считали своимъ правомъ принимать въ ней всегда участіе. Когда служилыхъ людей жаловали въ думные чины, они приносили особую присягу, въ которой между прочимъ, обязывались никому не проносить царской воли. Затѣмъ, были фамиліи,которыя считали своимъ правомъ имѣть своихъ представителей въ Думѣ. 27 фамилій имѣли такую, всѣми признанную, претензію. Во время Смутнаго времени кн. Василій Голицынъ заявляетъ: "Мы всякую думу думали въ государевой думѣ и

часъ изъ думы не выпроваживали." Нѣкоторые иностранцы,хорошо усвоившіе себѣ московскіе порядки |напр. Флетчеръ|, говорятъ о кругѣ дѣятельности думы, о дняхъ и часахъ ея засѣданій.

Хотя частные факты какъ будто подтверждаютъ мнѣніе Сергѣевича, но я думаю, что общее представленіе Ключевскаго вѣрнѣе. Флетчеръ отмѣчаетъ, что "теперь" бояръ въ Думу не приглашаютъ. На это они обижались, хотя выражали свой протестъ сравнительно слабо.

Итакъ, 2-ое право бояръ подвергалось въ жизни весьма нерѣдкимъ измѣненіямъ: думали только съ тѣми, съ кѣмъ хотѣли, но бояре, потерявши право отъѣзда продолжали считать, что имъ принадлежитъ право совѣта.

Право это поддерживалось традиціей и общественнымъ сознаніемъ; но кромѣ этого, въ чемъ еще заключалась опора боярства, какъ правящаго класса ? Въ мѣстничествѣ и боярскомъ землевладѣніи.

З е м л е в л а д ѣ н і е б о я р ъ .

Литература предмета:

В.О. Ключевскій - Боярская Дума.

С.В. Рождественскій - Служилое землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ.

А.П. Барсуковъ - Свѣдѣнія объ Юхотской области.

Н.П. Павловъ-Сильванскій - Государевы служилые люди, ч.II, гл.2-ая.

С.Ѳ Платоновъ - Очерки по исторіи Смутнаго времени, стр. 131 и слѣд.

Въ московскомъ бояротвѣ XУI в. верхній слой составляли "княжата", потомки удѣльныхъ князей, Рюриковичи и Гедиминовичи. Переходя на Московскую службу удѣльные князья не теряли своихъ прежнихъ удѣловъ, - по отношенію къ населенію этихъ земель они оставались государями, хотя и становились слугами московскихъ государей: у нѣкоторыхъ изъ нихъ былъ свой дворъ, свое войско; они имѣли право суда надъ населеніемъ, кромѣ важнѣйшихъ уголовныхъ преступленій|разбоя, татьбы съ поличнымъ|, они раздавали свою землю своимъ дѣтямъ боярскимъ и монастырямъ; мы знаемъ, что у князя Мстиславскаго, напр., было I00 стрѣльцовъ въ Веневѣ и столько же въ Епифани; что князь Воротынскій иногда выставлялъ I60 вооруженныхъ воиновъ, тоже у князей Микулинскихъ и др. путемъ пожалованія эти права землевладѣльцевъ иногда получали и боярскіе роды - потомки старинныхъ московскихъ бояръ.

Но это землевладѣніе не давало князьямъ и боярамъ надежной опоры: сравнительно земля давала мало, княжескія вотчины дробились между нѣсколькими наслѣдниками; крестьянское населеніе въ XУI в. отливало на сѣверо-востокъ и особенно на юго-востокъ, съ того времени, какъ пала Казань и русскому народу открылось богатое Поволжье. Но земля сдѣлалась для князей предметомъ мѣны; отправляясь на службу, они часто закладывали земли монастырямъ. Новый изслѣдователь этого вопроса - Рождественскій - даже сравниваетъ роль монастыря въ XУI в. съ ролью земельныхъ банковъ;онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ скудости и бѣдности аристок-

ратическихъ родовъ, нап.,князь Горбатый, отправляясь на службу, заложилъ свое платье и шубу; при всемъ томъ у князей былъ обычай давать земли въ монастырь по душѣ своей. Авторъ слѣдитъ, какъ таяли княжескія вотчины; не думаемъ, однако, чтобъ единичные примѣры были настолько убѣдительны; къ тому же онъ прослѣдилъ судьбу вотчинъ не крупныхъ и не родовитыхъ князей. Княжатамъ принадлежали обширныя пространства земель на сѣверо-востокѣ. Правительство все болѣе стѣсняло право собственности князей; указами 1562 г. и 1572 г.- князьямъ воспрещено было отчуждать земли, продавать, мѣнять ихъ, давать въ приданое. Владѣнія князей могли переходить по наслѣдству только къ сыновьямъ; въ случаѣ, если князь не оставитъ послѣ себя сына, вотчина берется на "государя". Старѣйшіе княжескіе роды - Шуйскіе, Бѣльскіе, Мстиславскіе не отличались особеннымъ многолюдствомъ, напротивъ, они скорѣе вымирали, и потому въ рукахъ немногихъ представителей этихъ родовъ сосредоточивались крупныя земли, не даромъ Курбскій говоритъ: "бо еще тѣ княжата были на своихъ удѣлахъ и велія вотчины подъ собою имѣли; а колико тысящъ въ нихъ, не чту, воинства было слугъ ихъ."

Мѣстничество.

Литература предмета:

Валуевъ - Сибирскій сборникъ Предисловіе.

Маркевичъ - Исторія мѣстничества.

При новомъ составѣ московскаго боярства, съ присвоеніемъ имя новаго политическаго значенія утвердился особый своеобразный порядокъ служебныхъ отношеній, называющійся мѣстничествомъ. Этимъ терминомъ обозначается право каждаго служилаго лица занимать то положеніе, которое принадлежитъ ему, какъ члену извѣстнаго рода. И порядокъ этотъ, слѣдовательно былъ основанъ на служебномъ старшинствѣ, но не личномъ, а фамильномъ, на т.н. отечествѣ.Отечество каждаго усчитывалось посредствомъ счета мѣстъ; отсюда и произошло самое названіе мѣстничества. Служилые люди равнодушно относились къ должности самой по себѣ; не было должностей высокихъ или низкихъ |за извѣстнымъ исключеніемъ|: одно и то же лицо могло занять мѣсто второго воеводы правой руки и отказаться отъ должности перваго воеводы того же полка, - все зависѣло отъ тѣхъ лицъ, которые назначались вмѣстѣ съ нимъ на должности воеводъ большого полка, правой руки и т.д.; унижала лицъ не та или другая должность а занятіе на совмѣстной службѣ низшаго сравнительно съ предками мѣста. Вотъ примѣръ: при дворѣ Іоанна III Заболоцкій не согласился на пиру сѣсть ниже Сабурова. Сабуровъ доказывалъ свое старшинство тѣмъ, что отецъ его былъ выше отца Заболотцкаго, и старшинство его было признано.

Мѣстничество было вездѣ: и въ Думѣ, и на войнѣ, и на пиру. Такимъ образомъ, мы видимъ, что этотъ обычай обрекалъ общество на китайскую неподвижность, и нигдѣ такъ мамало не цѣнились личныя заслуги, какъ здѣсь, потому что вѣдь каждому лицу предоставлялось то мѣсто, которое ему

принадлежало по происхожденію. Но въ то же время мѣстничество имѣло и свои хорошія стороны, оно даже являлось необходимымъ, такъ какъ боярство было не организовано и не дисциплинировано, ему необходимо было дѣлать уступки, и лучшимъ средствомъ было признано мѣстничество, представлявшее какъ бы негласный договоръ государя съ массой, - это разъ; а во-вторыхъ, писатели и публицисты неоднократно указывали, что у русскихъ не было понятія о чести - ихъ ругали и сѣкли, а они все сносили, не имѣя сознанія неприкосновенности личности. Въ мѣстничествѣ же русскій человѣкъ не уступалъ никакой власти, тутъ онъ хлопоталъ не о себѣ, а о своемъ родѣ, униженіе котораго онъ не могъ допустить.

Мѣстническіе споры бывали двухъ видовъ: 1| когда мѣстничались члены одного рода и 2|разныхъ родовъ. Въ первомъ случаѣ дѣло рѣшалось сравнительно легко: стоило только по родословцу опредѣлить разстояніе тяжущихся отъ родоначальника. Родословецъ - это поколѣнная роспись фамилій, начиная отъ его родоначальника. Дѣло затруднялось только опредѣленіемъ насколько мѣстъ отецъ старше сына, вѣдь по прежнимъ обычаямъ дяди считались старше племянниковъ и, такимъ образомъ, мѣсто сыновей опредѣлялось бы случайностью. Во избѣжаніе этого положено было старшему сыну считаться всегда на четвертомъ мѣстѣ послѣ отца. Согласно этому и назначались воеводы полковъ.

Труднѣе было распутать дѣло, когда мѣстничались члены разныхъ родовъ и тогда счеты велись по разрядамъ. Разряды - это погодныя приказныя книги, въ которыхъ изъ года въ

годъ записывались служебныя назначенія, какія давались высшимъ служилымъ лицамъ. Если Сабуровъ былъ признанъ однимъ мѣстомъ выше Заболоцкаго, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что всѣ Сабуровы выше Заболоцкаго однимъ мѣстомъ.

Происхожденіе мѣстничества объясняютъ различно. Погодинъ объясняетъ происхожденіе его княжескими счетами въ Удѣльное время; служилые люди перенесли это на свои отношенія изъ за службы и мѣста. Но точка зрѣнія Погодина врядъ ли вѣрна, потому что князья переходили на высшія мѣста, а здѣсь отношенія устанавливались разъ навсегда. Леонтовичъ объясняетъ мѣстничество заимствованіемъ отъ татаръ. Взглядъ Валуева наиболѣе вѣренъ, именно, что мѣстничество происходитъ изъ двухъ началъ - родового и служебнаго. Ключевскій же говоритъ, что мѣстами стали считаться, очевидно, тогда, когда стало тѣсно сидѣть, т.е. со временъ Іоанна III. "Двѣ причины, продолжаетъ онъ, заставили бояръ разстановиться и уложить свои взаимныя отношенія по службѣ въ такую строгую систему: 1| приливъ въ Москву служилыхъ людей, различныхъ по происхожденію и значенію, и 2|невыгода покинуть московскую службу за отсутствіемъ другого двора, равнаго московскому по служебнымъ выгодамъ. Съ перваго взгляда кажется, что мѣстничество способствовало установленію аристократическаго порядка, въ доказательство чего ссылаются на слова, сказанныя боярами кн. Волконскому, что "государь за службу жалуетъ деньгами и помѣстьемъ, а не отечествомъ". Не одинъ баронъ не ставилъ такъ высоко понятіе своей чести, какъ это сдѣлали московскіе бояре, но это только такъ кажется. На самомъ дѣлѣ мѣстниче-

Библиотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

ство не могло сплотить князей и бояръ въ одно цѣлое; изслѣдователи обращаютъ вниманіе на то, что жалуется только обиженный, а кто неправильно возвышенъ, никогда не отказывается и напротивъ старается доказать свое первенство всякими неправдами. Слѣдовательно, этотъ порядокъ, который сложился въ Москвѣ, не только не способствовалъ возвышенію аристократіи, но, напротивъ, разрушалъ ее. Этому же способствовали браки царей, которые съ Василія III женятся на дѣвушкахъ незнатнаго происхожденія и, благодаря этому, въ высшую среду проникали новые роды, родня царскихъ женъ, нарушавшіе установившуюся систему. И пока бояре мѣстничались изъ ихъ рукъ уплывала постепенно вся ихъ сила; удѣльные князья первое время прочно сидѣли на своихъ удѣлахъ, сильные своей землей, пользуясь сочувствіемъ населенія, имѣя собственные полки, но затѣмъ свой бояръство потеряло, заложивъ и промѣнявъ ихъ на московскія вотчины, удѣльными полками оно не дорожило, а стремилось къ воеводству надъ большимъ московскимъ полкомъ, свою удѣльную честь промѣняло на московскую разрядную. Ихъ мѣстническій протестъ носилъ не политическій, а чисто частный характеръ и въ принципѣ мало кто изъ бояръ дорожилъ мѣстничествомъ, идея его имъ не была дорога, такъ какъ не существовало даже никакого внутренняго боярскаго суда, хранившаго мѣстничество. Государи къ мѣстничеству относились снисходительно, несмотря на вредъ, который оно причиняло хотя бы въ военныхъ походахъ, когда все дѣло нерѣдко портилось спорами воеводъ изъ-за мѣста. Правда, постепенно правительство стало

Лекціи по Русской Исторіи. Листъ 20-ый.

Лит. Богданова. Эртелевъ пер. д.I.

Директоръ

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

принимать разныя мѣры для борьбы съ нимъ, таковы указы о безмѣстіи, установленіе о несовмѣстимости разныхъ родовъ службы и пр. Но окончательный ударъ былъ ему нанесенъ только въ 1682 г., когда разрядные книги были сожжены. Если московскіе государи, даже такіе, какъ Іоаннъ Грозный, не терпѣвшій, повидимому, ни малѣйшаго сопротивленія своей волѣ, снисходительно относились къ мѣстничеству, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что они покровительствовали мѣстничеству, видя въ немъ одно изъ средствъ для оскорбленія боярства и аристократіи. Московскіе государи XVI в. терпѣли мѣстничество, какъ обычай старый, какъ уступку, данную ихъ предками княжатамъ и боярамъ, когда тѣ съѣзжались въ Москву изъ удѣльныхъ владѣній, но еще не могли покровительствовать мѣстничеству, оно слишкомъ разстраивало администрацію государства. Новыя потребности жизни государственной и народной вызвали къ жизни новыя должности, новыя учрежденія, которымъ не было мѣста въ мѣстническихъ росписаніяхъ. Лица, занимавшіе эти должности, фактически пользовались куда бо́льшимъ значеніемъ въ управленіи, чѣмъ бояре и князья. На эти новыя мѣста государи назначали обыкновенно людей неродовитыхъ; значеніе ихъ замѣтно уже въ половинѣ XVI в. Князь Курбскій упрекаетъ Грознаго за довѣріе, которое онъ оказываетъ писарямъ, которыхъ онъ избираетъ отъ поповичей и простого всенародства. Другой выходецъ въ Литву, Тетеринъ, выражается еще рѣзче: "есть у великаго князя новые вѣрники, дьяки, половиною его кормятъ, а большую себѣ берутъ; ихъ отцы вашимъ и въ холопство не годились, а теперь не только землею, но и головами вашими торгуютъ."

Іоаннъ IУ. 25

Въ русской исторіи немного такихъ интересныхъ личностей, какъ личность перваго московскаго царя Іоанна Грознаго. Очень интересно прослѣдить, какъ постепенно мѣнялся взглядъ на его личность. Художественный образъ Грознаго, подъ обаяніемъ котораго долгое время находилась русская исторіографія, былъ созданъ Карамзинымъ; но тѣмъ не менѣе, характеристика Грознаго одно изъ самыхъ слабыхъ мѣстъ у Карамзина. Рѣзко дѣля его жизнь на двѣ половины, изъ которыхъ въ первую Іоаннъ, подъ вліяніемъ Анастасіи, Сильвестра и Адашева, является чуть не геніемъ добра, а во вторую - тираномъ свирѣпымъ и мрачнымъ. Карамзинъ очень мало заботился о томъ, какъ объяснить эту внезапную перемѣну, какъ вывести эти противорѣчивыя черты изъ характера Іоанна или современной ему обстановки. Его болѣе всего прельщаетъ то смиреніе, покорность и преданность престолу, которую сумѣлъ сохранить русскій народъ въ эту пору тяжелаго испытанія, и онъ, какъ и всюду подчеркиваетъ свою основную мысль, что самодержавіемъ создалось и стоитъ Русское государство.

Погодинъ задался цѣлью загладить это противорѣчіе и доказать, что онъ въ первую половину своего царствованія былъ такимъ же, какъ и въ послѣднюю, послѣ 1560 г. Для этого онъ приводитъ факты изъ жизни Іоанна, которые показываютъ, что жестокость проявлялась въ немъ уже съ самаго ранняго дѣтства. Когда ему было 12 лѣтъ, онъ любилъ мучить животныхъ, а 15 лѣтъ, разъѣзжая верхомъ по улицамъ,

давилъ встрѣчающихся ему на пути людей конемъ. Эта жестокость характеризуетъ его и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ: такъ, во время страшнаго московскаго пожара онъ веселился въ своемъ дворцѣ и только послѣ, на время, перемѣнилъ свой образъ жизни подъ вліяніемъ Сильвестра, который, по собственнымъ словамъ Іоанна, "устрашалъ его дѣтскими страшилами". Развивая далѣе свою основную мысль, Погодинъ останавливается на періодѣ отъ 1547 - 1560 г. и пытается доказать, что всѣ полезныя мѣры и реформы, произведенныя въ эти годы, какъ, напр., созваніе Стоглаваго Собора, введеніе губныхъ и земскихъ учрежденій, совершенно не принадлежитъ Іоанну, который былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Силестра и Адашева. Въ защиту своего мнѣнія онъ приводитъ мѣста изъ переписки Грознаго съ Курбскимъ, гдѣ первый обвиняетъ Сильвестра и бояръ въ томъ, что они совершенно устранили его отъ управленія и сдѣлали игрушкой въ своихъ рукахъ.

Мельниковъ-Печерскій первый подмѣтилъ выдающіяся стороны характера Іоанна; онъ сравнивалъ его съ Гамлетомъ: у обоихъ большой умъ и слабая воля.

Иначе смотрѣлъ на Грознаго Кавелинъ, одинъ изъ представителей юридической школы, которая, вообще, съ большимъ сочувствіемъ относилась къ Іоанну IV. Кавелинъ видитъ въ русской исторіи до Петра Великаго постепенное освобожденіе личности; Іоаннъ Грозный, по его мнѣнію, хотѣлъ разрубить узы родового быта, связывающія личность; и за это онъ ставитъ Іоанна очень высоко; Іоаннъ Грозный палъ такъ низко, говоритъ онъ, "какъ только можетъ пасть человѣкъ, потому что стоялъ слишкомъ высоко; и самая глубина его паденія

доказываетъ величіе его подвига". Опричинѣ Кавелинъ придаетъ большее значеніе, такъ какъ въ учрежденіи ея онъ видитъ первую попытку нарушить мѣстническіе счеты, наслѣдіе родовыхъ началъ, и создать служилое дворянство помимо боярскихъ родовъ. Но подобное мнѣніе основано на недоразумѣніи, такъ какъ опричнина не исключала мѣстничества и оно дѣйствовало внутри самой опричнины. Соловьевъ |въ УІ т. своей Исторіи| подробнѣе развиваетъ взгляды Кавелина относительно значенія Іоанна ІУ. Оставаясь вѣрнымъ своему принципу обезличивать исторію и своей органической теоріи, онъ считаетъ его царствованіе однимъ изъ важнѣйшихъ моментовъ въ борьбѣ началъ родового и государственнаго, которые тутъ столкнулись рѣзко и рѣшительно, и государство вышло побѣдителемъ. Что касается старыхъ сужденій о самой личности Іоанна, то Соловьевъ видитъ въ нихъ доказательство крайней незрѣлости науки, которая совершенно выпускала изъ виду преемственную связь дѣятельности Грознаго съ дѣятельностью его дѣда и отца и ставитъ его особнякомъ, лишая исторической перспективы. Соловьевъ не желаетъ оправдывать Іоанна, а хочетъ только объяснить его поступки. Прежде всего онъ опровергаетъ мнѣніе Погодина, который не придавалъ никакого значенія личной инищіативѣ Іоанна и изъ той же переписки съ Курбскимъ, откуда Погодинъ бралъ свои доказательства, Соловьевъ выводитъ какъ разъ обратное заключеніе. Ею можно доказать, что царь принималъ самое дѣятельное участіе въ походѣ къ Казани, такъ какъ всѣ рѣшительныя распоряженія принадлежали ему, а не боярамъ, какъ думаетъ Погодинъ; по его настояніямъ бояре, которые вслѣдствіе недостатка припасовъ, хотѣли было уже отступить отъ Казани, остались продолжать дѣло. Что же касается противорѣ-

чій въ перепискѣ, то они объясняются тѣмъ, что Іоаннъ въ разгарѣ спора иногда преувеличивалъ непріятности, которыя причиняли ему бояре, и стѣсненія, которымъ онъ подвергался вслѣдствіе ихъ властолюбія. Тѣ средства, которыя употреблялъ Іоаннъ въ борьбѣ съ противниками, конечно, заслуживаютъ всяческаго осужденія, но ихъ подсказало ему само окружающее общество. Однако, если бы это служило оправданіемъ Іоанну, то тотъ же Соловьевъ отмѣчаетъ, что дѣйствительность выдвигала и другихъ личностей вродѣ митрополита Филиппа, "провозгласивъ его устами требованіе своего основного начала, высказавъ свое неодобреніе образу дѣйствій Грознаго, показавъ, что имѣло законъ и пророковъ, русское общество VI в. очистилось, оправдалось передъ исторіей, вслѣдствіе чего Іоаннъ, непослушавшійся увѣщаній Филипповыхъ, оправданъ быть не можетъ". Іоаннъ IУ забылъ или не сознавалъ одного изъ высокихъ своихъ правъ - права быть верховнымъ руководителемъ своего народа. Іоаннъ"пріучилъ русскихъ еще болѣе къ пыткамъ, кострамъ, плахамъ, онъ сѣялъ страшными сѣменами - и страшна была жатва: собственноручное убійство старшаго сына, убіеніе младшаго въ Угличѣ, самозванство, ужасы Смутнаго времени. Не произнесетъ историкъ слова оправданія такому человѣку", такъ заканчиваетъ Соловьевъ свою характеристику. Славянофилы обратили свое вниманіе, главнымъ образомъ, на нравственный обликъ царя. Аксаковъ во многомъ согласенъ съ Соловьевымъ, но только нѣсколько иначе объясняетъ борьбу Іоанна съ боярами. Въ качествѣ славянофила онъ и тутъ выдвигаетъ борьбу Дружины

и Земли, которая, по его мнѣнію, проходила черезъ всю русскую исторію. Главная заслуга Іоанна состояла въ томъ, что онъ уничтожилъ значеніе дружины, которая къ этому времени оказалась уже не нужна и стояла между царемъ и народомъ, мѣшая тому и другому. Аксаковъ, Хомяковъ, Самаринъ и др. считаютъ Грознаго художественной натурой по преимуществу и этимъ объясняютъ жестокости Іоанна и его великодушные порывы, которые такъ странно соединились въ немъ. Онъ художественно представлялъ себѣ и добро и зло и, какъ истый художникъ, любилъ осуществлять рисовавшіяся ему сцены. То предстаавлялась ему площадь, полная присланныхъ отъ всей земли представителей, и царь, говорящій народу съ Лобнаго мѣста, то видѣлъ онъ торжественное собраніе духовенства съ царемъ по серединѣ, предлагающимъ вопросы и руководящимъ обсужденіемъ, то вставала передъ нимъ площадь, установленная страшными орудіями пытки - страшное проявленіе царскаго гнѣва, громъ, губящій народы. Поочередно манили его роли великодушнаго покровителя, монаха, тирана, государя. "Чудно совмѣщались въ немъ достоинства и недостатки", замѣчаетъ Самаринъ. Но эстетическія стремленія безъ нравственнаго противовѣса - плохой руководитель въ дѣятельности, и Іоаннъ все больше терялъ въ нихъ равновѣсіе и наконецъ, дошелъ до того, что началъ тупѣть и опускаться.

Костомаровъ относится къ Іоанну очень не сочувственно. Онъ не пытается, подобно другимъ историкамъ, объяснить казни Іоанна борьбой съ боярской партіей: противники его были слишкомъ слабы и борьбы никакой не было и не могло быть. Чѣмъ же объяснить, что Грозный съ такими слабыми против-

никами велъ такую отчаянную борьбу и дошелъ даже до опричины ? Это объясняется его мнительностью, трусостью и слабоуміемъ. "Іоаннъ, по его словамъ, не былъ безусловно глупъ но, однако, не отличался ни здравыми сужденіями, ни благоразуміемъ, ни глубиной и широтой взгляда". Всѣ свои поступки Іоаннъ старается прикрыть благовидностью. Зная любовь народа къ самодержавію, онъ отказывается отъ престола, а затѣмъ по просьбѣ народа, остается на престолѣ и этимъ усиливаетъ свою власть. "Его идеалъ состоялъ именно въ томъ, чтобы прихоть самовластнаго владыки поставить выше всего - и общепринятыхъ нравственныхъ понятій, и всякихъ человѣческихъ чувствъ, и даже вѣры, которую онъ самъ исповѣдывалъ. И онъ достигъ этого въ Московской Руси". Онъ устроилъ въ Александровской слободѣ родъ монастыря, въ которомъ исполнялъ роль игумена, а опричники - братіи. Этотъ самодѣльный монастырь былъ какъ бы демонстраціей противъ церкви и ея духовныхъ сановниковъ, напоминавшей, что стоитъ царю захотѣть, такъ онъ и въ церкви устроитъ опричнину, подобную той, какую устроилъ въ государствѣ.

К.Н.Бестужевъ-Рюминъ въ общемъ придерживается взгляда Соловьева на Грознаго, но только идеализируетъ его гораздо больше. Онъ считаетъ его выдающимся государственнымъ дѣятелемъ; сравниваетъ его съ Петромъ Великимъ, но только первый по природнымъ свойствамъ человѣкъ болѣе отвлеченный, менѣе способный къ практической дѣятельности, чѣмъ второй. Это "одна изъ главныхъ причинъ успѣха Петра и неуспѣхъ Грознаго:, другая же еще болѣе важная причина въ томъ, что Россія была при Грозномъ слабѣе, чѣмъ при Петрѣ". Іоаннъ Грозный былъ всегда любимцемъ Бестужева-Рю-

мина|. Бѣловъ въ статьѣ "Объ историческомъ значеніи русскаго боярства" дѣлаетъ попытку оправдать Грознаго; онъ говоритъ, что нѣтъ среды болѣе низкой, чѣмъ боярство, которое только замышляло козни, и Грозный былъ вынужденъ къ борьбѣ. Бѣловъ доходитъ до того, что оправдываетъ и разгромъ Новгорода, и даже казнь митрополита Филиппа, котораго онъ обвиняетъ въ ограниченности, говоря, что въ церкви такія обвиненія произносить нельзя. Однимъ словомъ, съ точки зрѣнія Бѣлова, виноваты всѣ, кромѣ Грознаго, которому принадлежитъ великая заслуга - созданіе самодержавія. Но статья Бѣлова напоминаетъ больше защитительную рѣчь адвоката, чѣмъ научное сочиненіе. Послѣдніе историки Платоновъ и Форстенъ въ частныхъ изслѣдованіяхъ отзываются съ большимъ сочувствіемъ объ Іоаннѣ IV.

Многіе иностранные писатели отзываются съ восторгомъ объ умѣ Грознаго, который постигъ всю важность Ливонскаго вопроса и называютъ его величиной перваго разряда. Чтобы вполнѣ оцѣнить личность Іоанна, надо отрѣшиться отъ понятій нашего вѣка. Въ малолѣтство Ивана Васильевича Грознаго, потерявшаго отца на четвертомъ году жизни, стала править его мать Елена. Тотчасъ послѣ смерти Василія III его братья, удѣльные князья Юрій и Андрей Ивановичи, недовольные тѣмъ, что имъ недоставался престолъ, на который они расчитывали, начали междоусобія. Они обратились къ правительницѣ Еленѣ съ просьбой объ увеличеніи удѣловъ, на что послѣдовалъ отказъ. Оба князя были схвачены и брошены въ тюрьму. Разсказъ лѣтописи о междуусобіяхъ, начавшихся послѣ смерти Василія III, не совсѣмъ точенъ, почему у историковъ возникли разногласія. По мнѣнію Карамзина, Юрій Ивановичъ

палъ жертвой московской политики, погибъ невиннымъ. Соловьевъ думаетъ, что, удѣльные князья хотѣли воспользоваться междоусобіями для достиженія своихъ цѣлей. Интересно отношеніе московскихъ бояръ къ праву отъѣзда. Они поставили въ вину Юрію Ивановичу то, что онъ подговаривалъ князя Оболенскаго отъѣхать къ нему отъ Ивана IУ, своего племянника и государя. Итакъ , бояре, признавъ невозможнымъ отъѣздъ отъ московскаго князя, оказали предпочтеніе интересамъ государства передъ своими личными, лишившись исконнаго права свободнаго перехода. Андрей Ивановичъ бѣжалъ въНовгородъ, гдѣ пытался привлечь на свою сторону дворянъ и дѣтей боярскихъ. Любимецъ княгини Елены Овчина-Телепневъ-Оболенскій заманилъ Андрея Ивановича въ Москву, пообѣщавъ полную безопасность, вмѣсто которой онъ былъ заключенъ въ тюрьму. Новгородцы, виновные въ возмущеніи были казнены. Этотъ фактъ указываетъ, что удѣльные князья не оставили еще притязаній выступить соперниками Московскаго государя, что ихъ смиреніе было чисто внѣшнимъ, и что они готовы были воспользоваться каждымъ случаемъ, чтобы возстановить свое прежнее значеніе. Междуусобія, виновниками которыхъ были самые близкіе къ великому князю люди, произвели сильное впечатлѣніе на малолѣтняго Ивана IУ. Онъ привыкъ смотрѣть на дядей, какъ на враговъ, радовался ихъ заключенію въ тюрьму и смерти. Съ дѣтства у него осталась ненависть къ новгородскимъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, которые оказались невѣрны московскому государю; тогда, какъ еще Иванъ III надѣлилъ служилыхъ людей землей, отнятой у монастырей. Черезъ пять лѣта послѣ смерти Василія III умерла скоропотижно Елена; лѣтопись не сохранила извѣстій о ея

болѣзни, а Герберштейнъ категорически утверждаетъ, что она была отравлена боярами. Боярыня Челяднина, происходившая отъ одного изъ самыхъ древнихъ родовъ и бывшая воспитательницей Грознаго, заключена въ тюрьму; такая же участь постигла и кн. Оболенскаго. Малолѣтній государь, подобно близкимъ ему людямъ, не чувствовалъ себя въ безопасности. Съ пяти лѣтъ онъ принималъ пословъ, говорилъ имъ рѣчи, и впослѣдствіи совмѣстилъ въ себѣ недостатки свойственные тому, кто не помнитъ себя иначе, какъ на престолѣ. Вредно отражался на характерѣ государя контрастъ между раболѣпствомъ бояръ при церемоніяхъ и униженіемъ его личности, лишеніемъ свободы въ обыденной жизни. Письма Грознаго къ Курбскому доказываютъ, какой неизгладимое впечатлѣніе произвели на него нанесенныя оскорбленія, пренебреженіе, съ которымъ бояре относились къ вещамъ его отца и дѣда. Въ разсказахъ Грознаго много преувеличеній, но безспорно, что полученное имъ воспитаніе портило характеръ нервнаго человѣка и въ значительной степени подготовило Грознаго позднѣйшаго времени. Во время малолѣтства Грознаго происходила борьба между двумя наиболѣе знатными боярскими родами Шуйскихъ и Бѣльскихъ.

|До XУ в. главную роль играли бояре - мужи княжіе Романовы, Морозовы, Бутурлины и др., имѣвшіе общее происхожденіе. Съ XУ в. со времени скопленія въ Москвѣ потомковъ удѣльныхъ князей, они были заѣханы и принуждены довольствоваться чиномъ окольничаго. Теперь высшую категорію знати составляютъ князья, нисшую собственно бояре. Князья раздѣлялись на Рюриковичей, изъ которыхъ особеннымъ вліяніемъ пользовались Шуйскіе и Гедиминовичи, среди которыхъ выдѣлялись

Бѣльскіе. Были еще князья татарскаго происхожденія, но не имѣвшіе большого значенія. Существовало преданіе о происхожденіи князей Глинскихъ отъ татаръ, принявшихъ христіанство и получившихъ отъ московскаго государя владѣнія и титулъ князя|. Бояре при своихъ враждебныхъ столкновеніяхъ не стѣснялись присутствіемъ молодого государя, они даже врывались въ его покои, будили его ночью. Въ это время совершенно палъ авторитетъ церкви. Бояре ненавидѣли митрополита Даніила, принудили его отказаться отъ митрополіи и дать грамоту, въ которой онъ объясняетъ свое отреченіе отъ сана скудостью ума. Никто не заботился о государѣ, не воспитывалъ характера, не обуздывалъ страстей, не вліялъ на него нравственно. Лѣтопись указываетъ на измѣнчивость характера Грознаго. Соловьевъ отмѣчаетъ его любовь ѣздить по монастырямъ, причемъ онъ проводилъ время въ молитвѣ и охотѣ. Иванъ IУ былъ щедръ по отношенію къ монахамъ, раздавалъ имъ земли. Его характеръ отличался непостоянствомъ, онъ ни къ кому не могъ привязаться, постоянно мѣнялъ симпатіи. Онъ своенравный, непривѣтливый, склоненъ къ жестокостямъ. I2-ти лѣтнимъ мальчикомъ онъ выказалъ неестественную жестокость, отдавъ своего врага Андрея Шуйскаго на растерзаніе псарямъ; но казнивъ его, все оставилъ по старому и сталъ еще больше скитаться. У Грознаго нѣтъ интереса къ власти, онъ пользовался властью для исполненія своихъ желаній. Даже лѣтопись, проникнутая духомъ почтенія, когда говоритъ о государѣ, упрекаетъ его въ томъ, что онъ не учинилъ управы, хотя волокитъ было много.

Такъ продолжалось до 1547 г. Въ этотъ періодъ возвысились Глинскіе, выходцы изъ Литвы; они пріобрѣли вліяніе, такъ какъ мать государя была изъ ихъ рода. Это время имѣетъ большое значеніе для исторіи мѣстнаго управленія, причемъ инициатива реформъ принадлежитъ Боярской Думѣ. Правительство, убѣдившись въ томъ, что его намѣстники и волостели не въ состояніи искоренить разбоя, передало поимку уголовныхъ преступниковъ самому населенію. Оно получило право избирать губныхъ старостъ, на обязанности котораго лежало схватывать и казнить разбойниковъ и татей |крупныхъ воровъ|. Обвиненіе, высказываемое часто историками противъ Боярской Думы въ томъ, что она плохо правила, что бояре думали только о своей наживѣ, невѣрно. Самъ Грозный въ письмѣ къ Курбскому обвиняетъ бояръ не въ захватѣ власти, а расхищеніи казны. |Ждановъ - "О Стоглавомъ Соборѣ" спрашиваетъ, можно ли опасаться аристократіи, которую обвиняютъ въ похищеніи шубъ ? |

Въ 1547 г. Грозный объявилъ боярамъ и народу о своемъ желаніи вѣнчаться на царство и жениться. Шестнадцатилѣтнему государю, еще ничѣмъ замѣчательнымъ себя не заявившему мало титула, которымъ довольствовались его отецъ и дѣдъ, онъ рѣшилъ принять титулъ царя. Въ этомъ сказалось вліяніе юго-славянской письменности, съ которой былъ хорошо знакомъ митрополитъ Макарій, внушившій государю высокое представленіе о власти. Макарій стремился доказать, что русская церковь не хуже всякой другой, почему онъ канонизировалъ многихъ святыхъ, составилъ сборникъ житія святыхъ Четьи Минеи.

Иванъ IУ, принявъ царскій титулъ, завершилъ долгій

историческій процессъ, начавшійся съ возвышенія Москвы, ничего новаго и неожиданнаго тутъ не было. Иванъ III, женившись на Софіи Палеологъ, положилъ начало новой традиціи - женитьбѣ на иностранныхъ княжнахъ. Ивану IУ пришлось по необходимости выбирать невѣсту изъ подданныхъ. Онъ остановился на Анастасіи, происходившей изъ стараго рода Романовыхъ. Всѣ историки отмѣчаютъ высоко нравственную личность царицы Анастасіи, имѣвшей большое вліяніе на Грознаго, сдерживавшей его бурные порывы. 1547 г. еще важенъ въ томъ отношеніи, что въ Москвѣ вспыхнулъ страшный пожаръ. Вообще пожары не были рѣдкостью въ деревянной Московской Руси, и иностранцы даже смѣялись, что русскіе не придаютъ имъ никакого значенія, быстро выстраивая новыя зданія. Но этотъ пожаръ, грандіозный по своимъ размѣрамъ, вывелъ московскихъ людей изъ терпѣнія, они бросились къ царю и требовали выдачи его родственниковъ Глинскихъ, стоявшихъ тогда во главѣ правленія. Надо указать на то, что Іоаннъ обнаружилъ необычайное равнодушіе и безучастность къ народному бѣдствію; онъ уѣхалъ на Воробьевы горы, не принимая никакихъ мѣръ для облегченія страданій своихъ подданныхъ, и не считалъ даже нужнымъ поддержать народъ въ это тяжелое для него время ласковымъ словомъ сочувствія и участія. Это народное возстаніе не являлось, однако, случайнымъ, такъ какъ народъ дѣйствовалъ по наущенію бояръ, враждебно настроенныхъ противъ Глинскихъ. Іоаннъ испугался народной ярости, но самымъ ужаснымъ для него являлось то, что онъ, который имѣлъ такія высокія понятія о царской власти, видѣлъ теперь эту власть въ рукахъ народа; на его глазахъ разыгрывались дикія и жестокія картины

самоуправства и, казалось, еще моментъ и царь навсегда лишится своей власти. Къ этому моменту и относится сближеніе Іоанна съ Сильвестромъ и Адашевымъ. Всѣмъ хорошо извѣстно общераспространенное мнѣніе о внезапномъ появленіи Сильвестра, о томъ, какъ онъ запугалъ Іоанна чудесами и надолго покорилъ себѣ волю и желанія молодого царя. Но это невѣрно. Сильвестръ еще раньше былъ извѣстенъ Іоанну; при митрополитѣ Макаріи онъ прибылъ изъ Новгорода въ Москву и игралъ роль въ сношеніяхъ съ удѣльными князьями, такъ благодаря его заступничеству былъ освобожденъ изъ тюрьмы Владиміръ Андреевичъ и получилъ обратно свой удѣлъ. Теперь Сильвестръ уже выступаетъ въ роли всемогущаго совѣтника Іоанна и отъ него зависитъ разрѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ. О Сильвестрѣ въ нашей наукѣ существуетъ два противоположныхъ мнѣнія. Одно, идущее отъ Карамзина и нашедшее сторонниковъ въ лицѣ арх. Леонида и Голохвостова, ставитъ Сильвестра необычайно высоко, рисуя его чуть не святымъ человѣкомъ, умѣющимъ сдерживать необузданный характеръ Іоанна, направляя его на путь истины, и сумѣвшимъ высоко поставить царскую власть въ эти критическіе годы. Другое мнѣніе, имѣющее своимъ представителемъ Соловьева, относится къ личности Сильвестра отрицательно и даетъ намъ его характеристику на основаніи Домостроя. Если Сильвестръ и не является авторомъ этого труда, достаточно того, что онъ его переписалъ, дополнилъ главой объ отношеніяхъ отца къ сыну и этимъ показалъ свое сочувствіе и солидарность съ высказываемыми тамъ взглядами. Соловьевъ находитъ, что не только для политическаго дѣятеля, но и для частнаго человѣка идеалъ Домостроя не годенъ.

Сравнивая его съ аналогичнымъ памятникомъ - Поученіемъ Владимира Мономаха, въ Домостроѣ видѣлъ узкій и односторонній идеалъ - достиженіе земного счастья и благополучія. Наставленія его только повидимому носятъ религіозный характеръ, возвышенный, на дѣлѣ же не идутъ дальше житейской мудрости, достиженія самыхъ земныхъ, реальныхъ выгодъ. Мораль Сильвестра не поднимается выше угожденія всѣмъ, а такой дѣятель, конечно, не могъ удержаться; кто хочетъ имѣть вліяніе на общественныя дѣла, неизбѣжно долженъ имѣть враговъ. Сильвестръ хотѣлъ угодить всѣмъ и въ результатѣ не угодилъ никому и былъ сосланъ. Его сочувствіе удѣльнымъ князьямъ тоже не можетъ вызвать нашей симпатіи. Русь съ большимъ трудомъ выбралась изъ удѣльнаго времени и возвращать ее обратно не было никакой надобности. Сильвестръ могъ на время запугать Іоанна чудесами, подавить его волю гипнозомъ и внушеніемъ, но такія средства, вредно вліяя на умъ и характеръ царя, не могли долго сохранить свою силу, тѣмъ болѣе, что Сильвестръ не мѣняетъ своего отношенія къ Іоанну, который достигъ теперь уже 30-ти лѣтняго возраста и давно пересталъ быть прежнимъ мальчикомъ, каждымъ шагомъ котораго привыкъ руководить Сильвестръ. Вторымъ любимцемъ Грознаго въ періодъ 1547-1560 былъ Адашевъ. Судя по словамъ Іоанна, что онъ взялъ его "отъ гноища", нужно бы предположить, что Адашевъ былъ изъ самаго простого званія, но его родословная показываетъ намъ, что онъ родомъ изъ дѣтей боярскихъ, помѣстный костромской дворянинъ, человѣкъ молодой, не имѣвшій права засѣдать въ Думѣ, онъ попалъ туда, только благодаря личному расположенію царя. Сильвестръ и Адашевъ позаботились окружить царя приближенными лицами, изъ кото-

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

торыхъ и составилась "избранная рада".

Интересно отношеніе "избранной рады" къ Боярской Думѣ. Тѣ, которые признаютъ Боярскую Думу за учрежденіе бояръ, засѣдающихъ въ силу правъ рожденія, не могутъ не признать, что "избранная рада" нарушала права Боярской Думы. |А если дѣло такъ обстояло, то бояре должны были радоваться удаленію "избранной рады", а между тѣмъ тутъ у нихъ и начинается борьба съ царемъ|. Ключевскій говоритъ, что рада является лишь продолженіемъ частнаго совѣта царя и, такимъ образомъ, боярская Дума сохраняетъ свое политическое значеніе. Но на дѣлѣ Боярской Думѣ ничего не осталось.

Составъ рады полностью неизвѣстенъ, но тѣ лица, которыхъ перечень приводится, въ корнѣ подрываютъ то представленіе, которое мы должны имѣть о московской аристократіи. Во главѣ стоитъ священникъ, чего никогда быть не могло, второе лицо самый заурядный дворянинъ, а изъ дворянъ тогда могли засѣдать въ Думѣ лишь старѣйшіе; далѣе: кн. Курбскій, Воротынскій, Горбатый Шуйскій. Это партія потомковъ удѣльныхъ князей, которые помнили, что ихъ отцы и дѣды были самостоятельными, равными московскому князю, князьями. Такой составъ, конечно, уничтожалъ, боярское право совѣта и являлся тѣмъ нововведеніемъ противъ котораго протестуетъ Берсень-Беклемишевъ., съ той только разницей, что теперь царь совѣщается не съ двумя, а нѣсколькими лицами.
Но изъ того, что это учрежденіе не вполнѣ законно и правильно, еще не слѣдуетъ, чтобы оно было дурно. Напротивъ, эти

Библіотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

годы, когда избранная рада стояла во главѣ управленія, счи
таютъ лучшими годами царствованія Іоанна, ознаменованныхъ
цѣлымъ рядомъ реформъ. Есть извѣстія, что вслѣдъ за обра-
зованіемъ рады Іоаннъ обращается еще къ болѣе расширенному
совѣту. Къ 1548-49 г. относятъ созваніе перваго земскаго
собора. Ни о составѣ собора, ни о его дѣятельности ничего
неизвѣстно. Мы знаемъ, что Іоаннъ произнесъ здѣсь свою
знаменитую рѣчь съ Краснаго крыльца, жалуясь на несправед-
ливости бояръ, упрекая ихъ за пролитую кровь и прося проще-
нія у народа. Такъ какъ вскорѣ послѣ этого вышелъ Судеб-
никъ, то и предполагаютъ, что на этомъ соборѣ Судебникъ
былъ пересмотрѣнъ, исправленъ и дополненъ. Но за послѣднее
время указанъ пр. Платоновымъ фактъ, подрывающій устано-
вившееся мнѣніе о соборѣ 50-го года. Если отбросить рѣчь
Грознаго, то отъ этого собора ничего не останется, кромѣ
фразъ, что при Грозномъ кто то собирался и что то гово-
рилъ. Актовъ никакихъ нѣтъ, а лѣтопись только и упомина-
етъ, что приходили люди, а между тѣмъ рѣчь Іоанна найде-
на въ Хрущевской Степенной книгѣ, куда она, очевидно, бы-
ла вшита: бумага, на которой написана рѣчь Грознаго, отно-
сится къ концу XVII в. Конечно, можно предположить, что
она переписана и вставлена сюда, но болѣе вѣроятнымъ яв-
ляется мнѣніе, что она сочинена, и изъ 100 % 80 за то, что
она сочинена самимъ Хрущовымъ въ XVII в.. А если нѣтъ этой
рѣчи, то и существованіе самаго собора крайне сомнительно,
и указаніе на заслугу Сильвестра и Адашева, будто бы вы-
звавшихъ къ жизни одно изъ лучшихъ учрежденій древней Руси,
само собой отпадаетъ.

Но во всякомъ случаѣ къ этому времени, т.е. къ 1550 г. относится цѣлый рядъ реформъ, кореннымъ образомъ измѣнившій строй мѣстнаго управленія. Мѣстное управленіе того времени основывалось на системѣ кормленія; начало его очень древнее, со времени Рюрика, и очень простое: цѣлыя волости, города и уѣзды, а иногда только одинъ станъ давались въ управленіе княжескимъ дружинникамъ, впослѣдствіи служилымъ людямъ московскаго князя. Въ наше время кормленщикамъ какъ бы сотвѣтствуютъ губернаторы, но ихъ обязанности считаются службой, за которую они получаютъ жалованіе; въ древности же кормленіе являлось наградою и люди за исправную службу придворную и вмѣстую получали право управлять волостью, въ которой государь отказывался отъ принадлежащихъ ему доходовъ. Отсюда кормленіе скоро принимаетъ нежелательный характеръ. Откуда возникла такая нежелательная система управленія ? Должно думать, что отъ слабости государственнаго начала. Только съ половины XVIII в. правительство проникается мыслью, что надо управлять, т.е. направлять людей, прежнее же управленіе сводилось только къ собиранію податей и къ наблюденію, чтобы военныя силы исправно выставлялись опредѣленною областью. Эта система часто вызывала народное неудовольствіе, такъ какъ кормленщики, назначаемые, обыкновенно на годъ, обирали народъ, взимая гораздо больше, чѣмъ полагалось. Рано появляются уставныя грамоты, опредѣляющія сколько чего населеніе должно было платить и въ какіе дни долженъ поступать кормъ; равнымъ образомъ опредѣляется все то, что кормленщикъ имѣлъ право требовать во время своихъ объѣздовъ. Но на практикѣ эти грамоты рѣдко соблюдались и количество жалобъ все увеличивается.

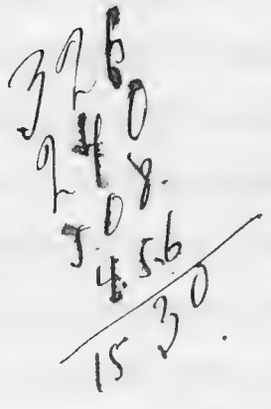
Даже единственная хорошая сторона этой странной системы, именно, что кормленщикъ получаетъ плату за каждое дѣло и поэтому заинтересованъ поимкой разбойниковъ, судомъ и пр. обращается во зло, такъ какъ кормленщики неимовѣрно увеличиваютъ число дѣлъ, за всякую мелочь заставляютъ платить населеніе. Правительство старается отнять у кормленщиковъ самостоятельное рѣшеніе большинства дѣлъ, но и это не помогаетъ и мѣстное управленіе остается Ахилесовой пятой Московской Руси. Оно пробуетъ еще одно средство, посылать въ области сыщиковъ, которымъ дается право суда и поимка разбойниковъ, но сыщики впадаютъ въ тѣ же злоупотребленія, какъ и кормленщики. Тогда въ малолѣтство Грознаго правительство дѣлаетъ болѣе рѣшительный шагъ - оно вводитъ губныя учрежденія; губныя старосты были выборные небольшихъ округовъ или губъ, губою въ Псковской и Новгородской областях назывались сравнительно небольшіе округи, имѣвшіе самоуправленіе. Губные старосты получаютъ право ловить преступниковъ, казнить ихъ, они удовлетворяютъ исцовъ, а остатки высылаютъ въ Москву, такимъ образомъ, намѣстники потеряли значительнѣйшіе изъ своихъ доходовъ и во многихъ мѣстахъ они исчезли - вмѣсто нихъ введено земское самоуправленіе. Общей реформы не было, но общины могли получить право отказаться отъ намѣстника и выбирать своихъ старостъ, судей, цѣловальниковъ, обязуясь только платить правительству денежный оброкъ, т.е. то, что прежде кормленщики собирали натурою, было переведено на деньги. Реформа эта представляетъ крупный шагъ впередъ; она избавляла населеніе отъ несправедливыхъ притѣсненій намѣстниковъ, которые заботились только о своихъ выгодахъ. Впрочемъ, земство продолжалось недолго и въ Смутное время исчезло, будучи

замѣнено воеводами, представляющими нѣчто среднее между губными старостами и намѣстниками.

Новая система управленія давала правительству лишнія деньги и Грозный воспользовался этимъ, чтобы упорядочить вознагражденіе служилыхъ людей. Ему принадлежитъ заслуга уравненія помѣстій съ вотчинами. Я уже говорилъ, что помѣстья были земли, даваемыя за службу, вотчины же составляли неотъемлемую собственность извѣстнаго лица, которой онъ могъ распоряжаться по своему усмотрѣнію. Теперь со 100 чет. каждой земли помѣщикъ долженъ былъ выставить вооруженнаго всадника, а въ дальній походъ и двухъ и, такимъ образомъ, войска ничего не стоило государству и войны не вызывали никакихъ особыхъ налоговъ. Однако, оказалось, что вознагражденіе помѣстьями недостаточно, помѣщикъ не могъ самъ наблюдать за хозяйствомъ. Отсюда фактически дѣти боярскіе и дворяне не могли нести службы и приходилось пріостанавливать военныя дѣйствія, изъ-за ихъ бѣгства изъ войска. А такъ какъ съ половины XVI в. Московское государство безпрестанно ведетъ войны и всѣ силы напарвлены на удовлетвореніе военныхъ потребностей, то государству очень важно было имѣть свободныя деньги, которыя шли теперь на жалованіе служилому классу. Правда, жалованіе это было незначительно всегда 14-15 р. но и деньги въ то время имѣли другую цѣну, чѣмъ теперь.

Минуя отдѣльныя событія внѣшней политики Грознаго, какъ напр., взятіе Казани и Астрахани, придававшія еще больше блеска Грозному и его совѣтникамъ, укажу только на важное экономическое значеніе этихъ завоеваній. Русскому народу до этихъ поръ тѣсно сжатому въ своемъ

треугольникѣ, теперь представляется безграничный просторъ до Каспійскаго моря и на востокъ въ Сибирь. Такое громадное пространство имѣетъ даже свои невыгоды, такъ какъ населенія было мало и теперь оно стало брести вровь.



Библиотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

ПРОГРАММА по РУССКОЙ ИСТОРІИ.

I - го курса.

I. Характерный признакъ перваго періода русской исторіи; начало образованія государства; неблагопріятныя условія для этого образованія. Разница въ образованіи государствъ западно-европейскихъ и русскаго. Потеря личностью всѣхъ своихъ правъ и всеобщее закрѣпощеніе. Роль государства. Изученіе прошлаго; появленіе перваго хронографа |1512 г.| и историческихъ записокъ. Учебникъ Ѳедора Грибоѣдова. Вліяніе западно-русскихъ и польскихъ хронистовъ. Синопсисъ Иннокентія Гизеля |1674 г.| Его недостатки. Занятія русской исторіей при Петрѣ. "Ядро Россійской исторіи" Манкіева. Его достоинства и недостатки.

2. В.Н. Татищевъ.|ум. 1750 г.| Универсальный характеръ его дѣятельности. Основная идея его міровоззрѣнія. Работа надъ составленіемъ географіи и занятія исторіей. Дѣленіе исторіи на четыре періода. Его заслуги; обвиненіе въ составленіи Іоакимовской лѣтописи. Обвиненіе въ атеизмѣ. Политическія убѣжденія. "Древняя Россійская Исторія" Ломоносова. Его патріотизмъ. Дѣленіе его исторіи. Риторическое направленіе Эмина и Елагина.

3. Предстаители Академіи - Готлибъ Байеръ и Фридрихъ Миллеръ. Жизнь и труды Байера, основателя "варяжской теоріи". Миллеръ; его путешествія по Сибири. Его научныя

Программа по Русской Исторіи.
Лит. Богданова. Эртелевъ пер. д.I.

Директоръ

Библиотеки С.-Петербургскихъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ

заслуги. Столкновеніе съ Ломоносовымъ. Его назначеніе въ Москву. Щербатовъ и Болтинъ. Различіе въ ихъ міровоззрѣніи. "Исторія Россіи" Щербатова. Сочиненія Болтина; его нападки на Щербатова. Взглядъ на Болтина, какъ предвѣстника славянофильства.

4. Августъ Шлецеръ, основатель строго-научнаго метода. Его жизнь и стремленіе на востокъ. Приглашеніе въ Россію. Взглядъ на исторію. Главный трудъ Шлецера. Дѣленіе критики источниковъ на высшую и низшую. Отношеніе современниковъ къ труду Шлецера. Н.М. Карамзинъ. Его литературные труды; космополитизмъ. Назначеніе исторіографомъ и его "Исторія Государотва Россійскаго". Ея оцѣнка. Достоинства и недостатки. Критика Н.Муравьева.

5. Скептическая школа. Ея основатель М.Т. Каченовскій. Столкновеніе съ Карамзинымъ по поводу баннаго строенія и кожаныхъ денегъ. Его отношеніе къ древней русской исторіи и къ Русской Правдѣ. Послѣдователи Каченовскаго. Дѣятельность Арцыбашева. Н.А. Полевой, его нападки на Карамзина. Параллель между русской исторіей и всеобщей. Противники скептиковъ. М.П. Погодинъ. Его неспособность къ обобщеніямъ и два метода, употребляемые имъ.

6. Теорія родового быта. Ея родоначальники. Густавъ Эверсъ. Опредѣленіе рода. К.Д. Кавелинъ и С.М. Соловьевъ. Сущность теоріи Кавелина, ея достоинства и недостатки. Построеніе родовой теоріи у Соловьева; ея отличія отъ теоріи Кавелина; отрицаніе семейнаго начала; дѣятельность городовъ. "Исторія Россіи" Соловьева.

7. Славянофильскій кружокъ. Его распаденіе. Метафизическая философія Гегеля. Кружокъ московскихъ студентовъ.

Чаадаевъ. Основное положеніе славянофильской школы. Ив. Кирѣевскій; его дѣленіе европейской образованности на два міра. Разсмотрѣніе западной образованности, ея составные элементы. Выводъ Кирѣевскаго. Отличія восточной образованности отъ западной. Возраженія Хомякова, Самаринъ. К.Аксаковъ; его культъ Москвы и ненависть къ Петербургу. Гильфердингъ; его дѣленіе арійскихъ народовъ на двѣ группы. Данилевскій. Украинскіе славянофилы: Костомаровъ и Кулишъ. Его сочиненія. Двѣ народности; враждебное отношеніе къ московскому единодержавію.

8. Б.Н. Чичеринъ, его ученіе о господствѣ личности и частныхъ правъ. Забѣлинъ - сторонникъ родовой теоріи. Его заслуга, какъ археолога. Западникъ новаго оттѣнка - Щаповъ; его попытка объяснить русское прошедшее данными естествознанія. К.Н.Бестужевъ-Рюминъ; его пониманіе задачи историка. Ключевскій. Роль города въ древней Руси. Историки церкви. Проф. Голубинскій.

9. Источники русской исторіи. Разница между источниками и пособіемъ. Дѣленіе источниковъ на три группы. Вещественные источники. Археологія. Основные типы погребенія на югѣ Россіи. Служебное значеніе археологіи. Устные источники. Языкъ страны. Письменные источники. Лѣтописи. Собираніе лѣтописей. Первый издатель лѣтописей Миллеръ. Послѣдующіе дѣятели по собиранію матеріаловъ. Значеніе Румянцева въ русской исторіографіи. Дѣятельность Строева и Бередникова.

10. Лѣтописи. "Повѣсть временныхъ лѣтъ". Вопросъ о ея составителѣ. Мѣстныя лѣтописи; разряды. Сказанія,

житія святыхъ. Мемуары, записки, дневники частныхъ лицъ. Извѣстія иностранцевъ. Акты и документы. Дѣленіе актовъ на государственные и частные.

II. Начальная исторія русской страны. Свѣдѣнія Геродота. Бытъ русскихъ славянъ; ихъ дѣленіе на племена. Отношеніе дѣленія на племена въ IX в. къ теперешнему дѣленію на три народности. Гипотеза Спицына. Вопросъ объ образованіи государства. Три теоріи: государственная, родовая, общинная. Ученіе Никитскаго о фикціи родового быта. Чешскій ученый Ирічекъ и А.Ефименко о задругѣ.

I2. Призваніе князей. Разсказъ лѣтописи. Доказательство скандинавскаго происхожденія князей. Предположеніе о племени Русь. Объединеніе племенъ въ одно государство. Завоевательное начало въ русской исторіи. Причины, способствовавшія объединенію славянъ. Принятіе христіанства. Крещеніе Владимира. Вліяніе христіанства на русское общество. Положеніе и роль греческаго духовенства. Отношеніе русскихъ князей къ византійскимъ императорамъ.

I3. Удѣльно-вѣчевой періодъ. Причины распаденія русской земли. Мнѣніе Карамзина. Родовая теорія Соловьева. Ея неудовлетворительность. Теорія Сергѣевича и Пассека. Двойное раздробленіе земли - княжеское и земское.

I4. Вѣче. Время его возникновенія. Мнѣніе Сергѣевича, Градовскаго, Самоквасова. Вопросъ о составѣ вѣча; право пригородовъ участвовать въ вѣчѣ. Непериодичность, созывъ и мѣсто вѣчевыхъ собраній. Порядокъ вѣчевыхъ собраній и принятіе ихъ постановленій

Предметы вѣдомства вѣча. Причины паденія вѣча. Мнѣніе Костомарова, Сергѣевича, Соловьева.

I5. Южно-русское общество. Главный источникъ для его изученія. Дѣленіе списковъ Русской Правды на двѣ редакціи. Два взгляда на Русскую Правду. Характеристика общества; его дѣленіе на свободныхъ и несвободныхъ. Классъ несвободныхъ. Источники рабства. Положеніе холопа по Русской Правдѣ. Свидѣтельства бытовыхъ памятниковъ.

I6. Закупы или наймиты. Разница въ положеніи закупа и холопа. Классъ свободныхъ. Смерды. Два значенія этого слова. Были ли смерды свободны ? Положеніе смердовъ. Городское населеніе. Княжеская дружина; дѣленіе ея на старшую и младшую. Право отъѣзда. Отношеніе князя къ дружинѣ.

I7. Торговля и промышленность древней Руси. Вліяніе войнъ на экономическое состояніе населенія. Главное занятіе Кіевской Руси ; подсѣчная система земледѣлія. Охота, скотоводство, ремесла и торговля. Монетная система того времени. Кожаныя деньги. Гипотеза Усова.

I8. Упадокъ Кіева. Причины этого паденія. |Кіевъ центръ княжескихъ усобицъ, набѣги кочевниковъ, строй княжества, отсутствіе княжеской линіи|. Дальнѣйшая судьба Кіева. Гипотеза Погодина и возраженіе Максимовича и Котляревскаго. Запустѣніе Украйны. Свидѣтельство Плано Карпини.

I9. Русь удѣльная XIII - XIУ в.в. Замѣна родового строя частно-вотчиннымъ. Характерныя черты новаго порядка. Мнѣніе Чичерина. Возраженія Ключевскаго. Отношенія великаго князя къ младшимъ. Княжеское землевладѣніе.

Мнѣнія о феодальномъ устройствѣ Руси XIII-XIV в.в.Ихъ несостоятельность.

20. Характеристика удѣльнаго общества. Образованіе власти московскихъ государей. Взгляды Костомарова и Дьяконова. Измѣненіе положенія бояръ. Различія въ ихъ положеніи въ Кіевской Руси и въ сѣверо-восточной. Система управленія. Дѣленіе дворцовыхъ земель. Вознагражденіе за службу - помѣстья, кормленіе. Младшій классъ - дѣти боярскіе. Крестьяне и ихъ дѣленіе по землѣ. Положеніе крестьянъ; ихъ фиктивная свобода. Крестьяне черносошные. Вопросъ о землѣ. Отношеніе крестьянъ къ волости. 24.

21. Новгородъ. Причины особенностей Новгородскаго строя. Связь Новгорода съ сѣверо-восточною Русью. Необходимость занятія торговлей. Населеніе Новгородской земли. Самостоятельность Новгорода. Отношеніе князей къ Новгороду. Ограниченіе власти князя. Положеніе посадниковъ. Новгородская земля и ея волости. Споръ о новгородскихъ пятинахъ. Устройство Новгорода. 25.

22. Населеніе Новгорода. Положеніе бояръ, купцовъ, житьихъ людей, смердовъ и холоповъ. Торговля Новгорода; ея пассивный характеръ. Управленіе Новгорода. Значеніе вѣча. Совѣтъ господъ; его дѣятельность. Положеніе Пскова. Посадники въ Новгородѣ и Псковѣ. Отношеніе Новгорода къ подвластнымъ областямъ. Причины слабости и паденія Новгорода. Борьба двухъ партій литовской и московской. Покореніе Новгорода и Пскова. Упадокъ Новгородской торговли.

23. Третій періодъ русской исторіи - московскій. Характерная черта его. Собираніе русской земли и всеобщее

закрѣпощеніе. Иванъ III; взгляды историковъ на него |Карамзинъ, Соловьевъ, Костомаровъ|. Новый взглядъ на московскихъ государей. Значеніе Флорентійскаго собора. Москва - третій Римъ. Мнѣніе Пирлинга. Вліяніе югозападной письменности. Взглядъ предотавителей церкви |Іосифа Волоцкаго и Нила Сорскаго| на отношеніе къ ней Московскихъ государей. Принятіе царскаго титула и справданіе его всякими легендами.

24. Потеря боярами права отъѣзда и ограниченіе права совѣта. Боярская Дума; изслѣдованіе Ключевскаго. Ближняя Дума государева и ея составъ. Критика Сергѣевича. Землевладѣніе бояръ. Мѣстничество, дурныя и хорошія стороны послѣдняго. Два вида мѣстническихъ споровъ. Происхожденіе мѣстничества. Отношеніе къ нему московскихъ государей.

25. Іоаннъ IУ. Его характеристика историками. Малолѣтство Іоанна. Боярскія уособицы. Ихъ вліяніе на характеръ Іоанна. 1547 г. и его значеніе. Сильвестръ и Адашевъ. Избранная рада, ея отношеніе къ боярской думѣ. Свѣдѣнія о первомъ соборѣ. Реформы мѣстнаго управленія. Вознагражденіе служилыхъ людей.

Лен. Гос. [illegible]
НАУЧНАЯ БИБ[illegible]КА
им. Горького

Fagaceae - Fagus sylvatica L. 1)
Ulmaceae Ulmus chinensis. 2)
Sapindaceae Aesculus flava 3)
Corylaceae Carpinus betulus 3)
Cornaceae. Cornus alternifolia 4)

[4p]